

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

102

12

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Издательство Томского университета
Томск - 1982

Проблемы социального познания и управления. Ред. Л.С.Гурьева, М.П.Завьялова. -Томск:Изд-во Томского университета.1982. -500 экз.

Сборник состоит из двух частей. Первая включает статьи, в которых рассматриваются вопросы проявления общих закономерностей и форм научного познания, такие как построение гипотезы, определение социального эксперимента и другое. Во второй части представлены статьи, посвященные изучению актуальных вопросов управления на теоретическом и прикладном уровнях. Объектами приложения теории управления являются деятельность предприятия и сфера досуга.

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей и всех лиц, интересующихся проблемами оптимизации управления различными объектами.

Рецензент - В.А.Дмитриенко

Редакторы - Л.С.Гурьева, М.П.Завьялова

П $\frac{0302020200}{177/012-82/}$ 6-82

© Издательство Томского университета, 1982 г.

19.12.82

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I ЧАСТЬ

В.А.Дмитриенко. Формы общественного сознания как предмет философско-социологического анализа.	7
---	---

А.М.Агальцев, Г.П.Макарова. Диалектика деятельности общественных отношений и общения.	II ✓
---	------

А.М.Склярова. Роль ценностного отражения в общественном сознании.	19 ✓
---	------

Ю.П.Сурмин. Проблема определения социального эксперимента.	24
--	----

В.Г.Алексеев. О методологии исследования специфики производственной функции науки в социалистическом обществе.	29
--	----

В.И.Алексеев. Предвидение как специфическая форма научного познания.	35
--	----

С.Б.Максакова. Содержание категории преисходности.	44
--	----

В.И.Марков. К критике методологических основ концепции отчуждения франкфуртской школы.	49
--	----

Н.Д.Данилина. Роль классификации в социальном познании.	59
---	----

II ЧАСТЬ

Г.И.Хмара. Общие и специфические тенденции функционирования системы средств идеологического воздействия.	67
--	----

Б.А.Разумов. К вопросу об определении социальной проблемы.	84 ✓
--	------

Л.С.Гурьева. Анализ субъективных факторов социальной значимости профессии (на примере экономиста).	90 ✓
--	------

В.А.Заргаров, Н.С.Крылова, К.М. Скобеев. Личность руководителя как проблема кадровой работы.	104 .
--	-------

Н.П.Каменег. Генезис конфликта как социального явления.	II2
---	-----

Л.Ф.Зайцева. Социальная роль соревнования в совершенствовании проектирования.	II9
---	-----

В.С.Никифоров. О влиянии обучения на успешность решения диспетчерских задач.	124
Я.С.Гинзбург. Некоторые принципы разработки и про- ведения деловых игр в обучении и исследованиях.	129
В.А.Заргаров. Использование художественной литерату- ры в социологических исследованиях (на примере "дере- венской" прозы).	138
Н.М.Коряк, В.И.Шаляпин. Возможности и границы ис- пользования социально-психологического тренинга для управления развитием личности.	145
Н.Н.Кабрина. Некоторые характеристики круга общения в студенческой среде.	151
А.В.Винарский. Типы клубных организаций свободного времени	158
А.Н.Алексеев. Социальные нормы производственной ор- ганизации и жизненная позиция личности /из опыта"экспе- риментальной социологии" /.	161
Г.Е.Даркевич. Управление подготовкой специалистов в вузе с учётом фактора обратной связи.	171

Ч А С Т Ь I

ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В.А.Дмитриенко (Томск)

Современный этап марксистско-ленинской философии характеризуется резким усилением внимания научной общественности к анализу форм общественного сознания. Социальные потребности, которые все более выдвигают на передний край научных исследований проблематику, связанную с исследованием различных аспектов форм общественного сознания, обусловлены прежде всего возрастанием роли субъективного фактора в условиях развитого социализма. Степень содержательности анализа каждой из форм общественного сознания в настоящее время как в количественном /число публикации/, так и в качественном отношении /уровень проводимых исследований/ достаточно высока, что закономерно привело к специфической методологической ситуации, сложившейся в указанной области философских исследований.

Среди наиболее существенных, на наш взгляд, проблем, выдвинутых самой логикой научных исследований форм общественного сознания, можно назвать следующие:

- место философских теорий "среднего уровня" в структуре марксистско-ленинской философии;
- соотношение всеобщих, общих и специфических компонент в структуре философского знания;
- специфика структуры и функций философской деятельности;
- диалектика взаимосвязи философской деятельности и философского знания, философия как общественное явление;
- место философского самосознания в структуре общественного сознания и ряд других.

Интенсивный процесс анализа содержания различных форм общественного сознания долгое время проходил лишь в пределах их относительной самостоятельности по отношению к общественному бытию. В настоящее время центр тяжести в научных исследованиях форм общественного сознания все более смещается в направлении поиска характера и механизма связи смежной структуры общественного сознания с различными подсистемами общественного бытия. А эта тенденция, в свою очередь, во весь рост поставила проблему и открыла возможности анализа каждой формы общественного сознания в трех основных плоскостях: I) идеального образования,

отражающего ту или иную предметную область; 2) продукта определенного рода познавательной деятельности, результатом которой выступает та или иная форма общественного сознания; 3) как специфического общественного явления, выступающего главным образом в форме социального института.

Из сказанного следует, что все формы общественного сознания могут быть подвергнуты анализу в следующем плане:

Философия: философская деятельность;

философское знание;

диалектика взаимосвязи философской деятельности и философского знания;

философия как общественное явление и как социальный институт;

специфика, уровни и формы философского самосознания;

политика: политическая деятельность;

политическое знание;

диалектика взаимосвязи политической деятельности и политического знания;

политика как общественное явление;

специфика, уровни и формы политического самосознания.

Аналогичную проблематику можно выделить и в таких формах общественного сознания, как право, мораль, наука, религия, искусство. Такого рода анализ реализован в настоящее время в наибольшей степени применительно к науке, что закономерно привело к постановке вопроса о необходимости разработки проблематики марксистско-ленинской теории науки и всего комплекса науковедения. Этот процесс неизбежно должен охватить, на наш взгляд, и все другие формы общественного сознания.

Тенденция к раскрытию динамически процессуальной стороны содержания науки как специфического вида духовного производства привела, таким образом, к двоякого рода следствиям: во-первых, к выявлению различных направлений науковедческих исследований как, скажем, экономика науки, социология науки, психология научного творчества и т. д., и, во-вторых, на основе этого материала стала очевидной недостаточность интерпретации общего содержания

науки лишь с логико-гносеологических позиций и, тем самым, привело к формированию и развитию теоретической рефлексии о необходимости реализации принципа единства гносеологического и социологического в ее анализе.

Подход к формам общественного сознания как к специфическим общественным явлениям не означает только известного "выхода" за рамки традиционной исмаиловской трактовки содержания форм общественного сознания, а является лишь еще одним свидетельством методологической и эвристической мощи марксистской социологии в применении не только к обществу в целом, но и к отдельным социальным подсистемам. Вместе с тем анализ прежде всего социологического аспекта содержания различных форм общественного сознания настоятельно требует дальнейшего развития понятийного аппарата, способного адекватно отразить его сущность. Здесь обнаруживается определенная закономерность самого процесса социального познания, заключающаяся в переходе от анализа наиболее общих свойств и отношений к исследованию их особенного содержания и, тем самым, к формированию и развитию философских теорий меньшей степени общности. Иными словами, по мере углубления познания содержания социальных объектов социологические теории становятся более конкретными в философском знании этого понятия. Следующая существенная особенность социологического анализа различных форм общественного сознания как общественных явлений заключается в смещении центра исследовательского интереса к рассмотрению условий, внутренних детерминант развития указанных социальных феноменов и их функционирования в рамках социального целого. А этот процесс закономерно ведет к выявлению законов развития и функционирования данных явлений и к созданию на их основе соответствующих теорий.

Общая картина развития этого процесса схематически может быть изображена следующим образом:

Формы общественного
сознания

Общие теории

Специальные
исследования

Наука

Марксистско-
ленинская
теория науки

Науковедение

Политика	Марксистско- ленинская теория политики	Политиковедение
Право	Марксистско- ленинская теория права	Правоведение
Мораль	Марксистско- ленинская теория морали	Моралеведение
Искусство	Марксистско- ленинская теория искусства	Искусствоведение
Религия	Марксистско- ленинская теория религии	Религиоведение

Философия занимает особое место среди форм общественного сознания и в структуре науки, поэтому здесь не выделяется особо. Развиваемый подход имеет существенное значение для анализа содержания философской науки как особого общественного явления. Философия имеет значительные специфические особенности и сложную внутреннюю детерминацию, обеспечивающую ее прогресс. Поэтому разработка проблем развития философской науки в форме теоретической истории представляется весьма актуальной и недостаточно разработанной. Среди этих вопросов можно указать на следующие: источники и движущие силы развития философской науки; законы ее развития и функционирования; эволюции и революции в философии; прогресс и регресс в развитии философской науки; проблемы планирования, управления и прогнозирования философской науки и т. д. Нет никакого сомнения в том, что научный анализ такого рода проблем может в значительной степени обогатить наши представления о содержании философской науки как особом социальном явлении.

ДИАЛЕКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОБЩЕНИЯ

А.М.Агальцев, Г.Н.Макарова (Омск)

Анализ диалектики деятельности, общественных отношений и общения важен для решения любого вопроса в рамках философского знания. Это объясняется тем, что предметом философской рефлексии является человек и мир, место человека в нём, отношение и преобразование его. Поэтому анализ любого аспекта человеческой проблемы не может быть построен без помощи вышеназванных категорий.

Целью этой работы является не только уточнение содержания каждого понятия, но и определение места и назначения каждого из них в их единстве.

Начнём с категории деятельности. Сразу же следует отметить, что эта категория до сих пор не заняла своего места в наших теоретических построениях, в учебных курсах и поэтому не имеет однозначного толкования, хотя все знают, что деятельностный подход является отличительной чертой марксистской философии.

Что же понимается под деятельностью? Приведём наиболее употребляемую характеристику деятельности: "всякая предметная деятельность — это преобразование, трансформация одних объектов в другие, одной объективной ситуации в другую..."¹ Что в этом определении требует существенного уточнения и, следовательно, более точного, адекватного понимания содержания категории д е я т е л ь н о с т и и места и роли деятельности в жизни человека.

Прежде всего мы должны ответить на вопрос: зачем человек миру, материи? С помощью ответа на этот вопрос мы точнее устанавливаем сущность деятельности. Материя не смогла бы существовать, если бы представляла собой нечто однородное. В своём существовании материя с необходимостью породила разнообразие. Но зачем материя "довела" собственное разнообразие до человека? Известно, что материя существует в самодвижении. В своём самодвижении, саморазгорачивании материи необходим универсальный регулятор. Самодвижение с необходимостью требует саморегуляции. Ни одна из других, кроме социальной, форм движущейся материи не способна осуществлять уни-

1 См., например, Лекторский В.А. Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания. В кн.: Эргономика. Методологические проблемы исследования деятельности. Труды ВНИИТЭ, вып. 10, М., 1976. с.62

версальную регуляцию целостности материального мира. Социальная форма движущейся материи, человек, с необходимостью возникла в качестве такого универсального регулятора. Человеческая субъектность, проявляющаяся в сознательной деятельности, и есть этот необходимый для всего материального мира регулятор. Поэтому деятельность и может быть только связью субъекта и объекта. Причём деятельность, будучи регулятором материального мира, определяется объектом. "В своей практической деятельности человек исходит из объективного мира, являющегося её предметом"¹. Только поэтому деятельность человека может осуществлять функцию регулирования мира как целым в поддержании и развёртывании его целостности. Отсюда следует, что необходимо различать деятельность и действие, отдельную операцию. Человек может быть исполнителем отдельного действия и не быть субъектом целостной деятельности. Второй момент. Человек является субъектом именно преобразующей деятельности. Иначе говоря, деятельность человека всегда носит преобразующий характер, чего мы не можем сказать об отдельном действии. Поэтому сразу же можно сказать, что человек в качестве субъекта деятельности выступает не столь часто, как это кажется на уровне явления. И третье. Преобразующая деятельность включает в себя не только преобразование объекта, но и преобразование субъектом самого себя. Только с учётом выделенных моментов мы определяем функционирование человека как деятельность его в качестве субъекта.

Далее следует различать по качеству фундаментальные виды деятельности человека: материальную, социальную и духовную². Преобразовательный характер каждого вида деятельности специфичен и отличен один от другого. Тогда следует, что и субъектность человека в этих видах деятельности будет специфична. Но это предмет особого разговора. Сейчас же только выделим для себя, что деятельность есть форма существования человека как субъекта.

Деятельность человека всегда протекает в групповой форме. Она коллективна по сути своей. "... предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку"³.

¹ Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973, с. 54.

² См.: Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М., 1977, с. 35-37.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 47.

В нашей литературе много места отводится классификации общественных отношений, и в то же время не имеется развёрнутого анализа категории общественного отношения. Возьмём определение общественных отношений, имеющееся в философской энциклопедии:

"О.о. — многообразные связи, складывающиеся между людьми в процессе их деятельности в различных сферах общественной жизни и определяемые способом производства их материальной жизни; возникают с появлением общественного производства. О.о. — это отношения между различными человеческими коллективами, социальными группами, классами, внутри их"¹. И далее следует классификация видов общественных отношений, деление их на материальные и идеологические и т.п.

Из определения видно, что в первую очередь выделяются факторы, детерминирующие характер отношений, и виды отношений. Самый же главный вопрос: какова сущность общественных отношений, какова их взаимосвязь с деятельностью — остаётся в тени.

Нам представляется, что общественные отношения есть человеческая совместность, коллективность. В свою очередь, эта совместность, коллективность есть определённая организованность людей в целях: а) решения задачи деятельности; б) поддержания определённой общности, социальности; в) формирования и развития субъекта. В этом плане следует поддержать плодотворное положение В.П.Фофанова. "Общественное отношение, — пишет он, — является типичной, основной системой социальной деятельности... общественное отношение в самом общем смысле можно определить как тот или иной вид взаимной деятельности субъектов, осуществляемой в определённых конкретно-исторических условиях, которые есть не что иное, как предшествующая опредмеченная деятельность того же вида"².

Если соотнести деятельность и отношения, можно сделать следующее заключение: деятельность есть способ существования человека, субъекта во всеобщей связи и для неё. Говоря другими словами, деятельность есть способ существования социальной материи в материальном мире, обеспечивающий на самом высоком уровне единство и регуляцию мира. В этом плане человек определяется как системообразующий фактор природного и социального мира³. Общественные

¹ Философская энциклопедия. Т.4. Общественные отношения. М., 1967, с.117.

² Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979, с.52.

³ Эта идея представлена в концепции ноосферы В.И.Вернадского.

отношения есть связанный с деятельностью способ существования человека. Деятельность и отношения составляют стороны противоречия и, будучи противоположными сторонами противоречия, они находятся в отношении единства и борьбы. Обеспечивая решение задачи деятельности, общественные отношения в то же время "работают" только на социальную материю, а не на всю материю в целом, поскольку они обеспечивают социальность, сохраняют и поддерживают её. В этом, по-видимому, заключается противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

За поддержание социальности "отвечают" прежде всего общественные отношения. В их число входят экономические, политические, правовые, моральные и др. По сравнению с политическими и правовыми моральные отношения занимают особое место. В моральных отношениях человек действует свободно, превращаясь в субъекта деятельности, без подчинения действуя в интересах должного, т.е. в интересах определённой группы, класса, нации, человечества. Только в сфере моральных отношений человек, превратившись в субъекта, получает возможность приступить к преобразованию качества различных видов деятельности и отношений.

Для того, чтобы определить место и роль общения в деятельности и отношениях, в частности, моральных, рассмотрим его.

В отечественной и зарубежной литературе существует несколько подходов к анализу общения. Общение анализируется в философском, социологическом, психологическом, прагматическом, социально-психологическом, семиотическом, социодипломатическом, других планах.

Прямым следствием разнообразия подходов является и многообразие терминов, объясняющих общение. Это и сам этот термин, и коммуникация, и интеракция, и взаимодействие, и сообщение.

По-видимому, первой задачей должен стоять не анализ этих терминов и подходов, а объяснение причины существования множества подходов и терминов, объясняющих общение.

Можно предположить, что эта множественность определяется тем, что исследователи, выделяющие и противопоставляющие эти подходы, не ставят себе цель дать полное и целостное объяснение общения. В действительности одной из главных задач любого научного исследования должно быть объяснение объекта во всей его полноте и целостности. И лишь с учётом этого целостного видения предмета исследования можно ставить задачи изучения его отдельных сторон и

1. См. работы: Ананьева Б.Г., Бодалева А.А., Брудного А.А., Буге-вой Л.П., Петрова А.А., Кагана И.С., Кона И.С., Леонтьева А.А., Ломо-ва Б.Ф., Маргина Б.Д., Соколина В.М. и др.

аспектов и найти правильные пути их познания.

Дать полное объяснение общения трудно вследствие сложности и многогранности этого процесса. Общение понимается и как связь, и как деятельность, и как форма отношений, и как передача и прием информации и как многое другое.

Схватить эту сложность в единстве и целостности можно только с помощью диалектики и, в первую очередь, диалектики сущности и явления.

На уровне явления общение освоено достаточно обстоятельно. В частности, имеется развернутый анализ циркулирующей в общении информации, отдельных средств общения, таких как язык, жест, мимика, механизмов общения: подражания, заражения, внушения, взаимопонимания как обязательной стороны общения и т.п.

Однако уже на уровне явления необходимо не только выделить отдельные свойства общения, но дать их в системе, и тем самым показать качественную определенность общения, четко очертив границу, т.е. меру его. А это можно сделать, лишь объяснив сущность общения.

Как показывает изучение общения на уровне явления, общение всеобъемлюще, т.е. присутствует при всех ситуациях жизнедеятельности человека. Значит, мы можем определить сущность общения, обратившись к самым существенным характеристикам человека. Их мы уже для себя установили. Это деятельность и отношения людей. Социальная форма движения материи есть совместная, коллективная деятельность людей. Поскольку деятельность есть а) неограниченное взаимодействие с разными объектами, б) совместными способами, она (деятельность) должна быть соответствующим образом организована, координирована, контролируется и т.п. Для этого необходим особый процесс, выполняющий эти функции. Этим специальным процессом является общение. Следовательно, сущность общения определяется его специфическим местом в деятельности и отношениях. Общение есть функция деятельности и отношений, а именно способ организации, осуществления деятельности и отношений. Следующей нашей задачей является анализ этой функции в более развернутом виде. Обратимся к исследованиям, в которых категория общения рассматривается тоже в связи с категориями деятельности и отношений. Воспользуемся определениями общения. "Общение есть ¹.. деятельность субъекта, ориентированная на другого субъекта" ¹. "Общение есть система целена-

¹ Каган М.С. Человек как субъект общения. В сб.: Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. Л.: ЛГУ, 1979, с. 76.

правленных и мотивированных процессов, обеспечивающих взаимодействие людей...."¹ Общими моментами для обоих определений является то, что под общением понимается деятельность и что эта деятельность носит субъектно-объектный характер.

Первое, что хочется сразу подчеркнуть, что общение не есть деятельность, равнозначная материальной, социальной и духовной — фундаментальным видам деятельности человека. Общение есть способ, обеспечивающий эти виды деятельности человека. И если оно само выступает как деятельность, то не как однопорядковая с ними, а как "вторичная", особая деятельность, способствующая осуществлению фундаментальной деятельности и отношений между людьми. Только обеспечивая их, общение тоже выступает как деятельность, имеющая свои цели, средства, мотивы и т.п.

Второе, что останавливает внимание, это представление об общении как о субъектно-объектной деятельности. Сущность общения усматривается в субъектности. С этим нельзя согласиться. Сама субъектность человека есть производное от деятельности и отношений. И сущность общения надо искать здесь же.

Как мы уже сказали, общение есть способ, организующий, обеспечивающий деятельность и отношения людей. В обеспечении, организации человеческой жизнедеятельности общение может выступать и деятельностью и отдельным действием. Итак, общение не всегда представляет собой деятельность. Как действие, обеспечивающее какое-либо предметное действие, общение есть просто передача сообщения, осуществление высказывания. Как деятельность, обеспечивающая ту или иную фундаментальную деятельность человека, общение есть субъектно-объектное взаимодействие. И лишь в самой развитой форме отношений общение может приобретать характер субъектно-субъектного взаимодействия.

Широко распространенной характеристикой общения выступает следующая: "Общение есть актуализация общественных отношений". Чаще всего это расшифровывается следующим образом. Общение есть личностная форма общественных отношений. Требует самого серьезного уточнения сам термин личностный. Не во всех видах общественных отношений человек выступает личностью, субъектом их. Кроме того, ставить знак равенства между материальными, социальными и духовными отношениями и общением неверно. Общение не есть отношение, од-

¹ Леонтьев А.А. Деятельность и общение. Вопросы философии, 1979, № 1, с.124.

нопорядковое с названными общественными отношениями, и не всегда выступает личностным отношением. В каком бы смысле мы не рассматривали общение: в узком или широком, общение есть способ, организующий, координирующий общественные отношения. В отличие от категорий деятельности и отношений, но в диалектическом единстве с ними, категория общения раскрывает реальные возможности совместной, коллективной деятельности, следовательно, раскрывает возможности и деятельности и отношений. В этом назначение общения в человеческой жизнедеятельности. В этом заключается сущность общения. Поэтому неправильным является тезис о том, что "Общение — это действительное отношение одного Я к другому Я, в результате которого возникает новая система — общность, Мы"¹.

На основании подхода к общению как к отношению общения приписывается функция создания определённой общности. В действительности не общение, а деятельность и отношения людей образуют разную степень общности или вызывают распад её. Деятельность и отношения, а не само по себе общение, формируют человеческую общность. Субъектом деятельности человек становится при условии, если он начинает действовать не в интересах цели отдельного действия, а лишь в том случае, когда человек переключается с интересов отдельного действия на интересы должного в развитии социальности, коллективности, на интересе собственно человеческого, т.е. развития субъектности человека. И здесь надо остановиться вот на каком моменте. Человек совершает деятельность, имея перед собой объект природы или общества. Деятельность с объектом исходит из свойств, сущности этого объекта. И человек может совершать деятельность с объектом, будучи сам предметным существом. Он, следовательно, может обладать властью в мире предметов, поскольку он сам есть такое же предметное существо. И в деятельности с объектом человек всё время должен помнить о том, что он тоже предмет, объект, порождён этой предметной реальностью. Он и как субъект запрограммирован этим предметным, объектным миром, как субъект он ограничен объектом. Человек не может быть безграничным в своей субъектности по отношению к предметному миру, иначе он может погубить и мир, и себя. Поэтому в своей деятельности с объектом человек, будучи именно субъектом, должен всё время культивировать, воспроизводить в себе эту тождественность объекту, соотносить себя с объектом, приравниваться к нему. Только помня об этом, он может разгорачивать

овую субъектность. А в отношении с другим человеком как субъектом человек должен оторваться от объектности. В отношении с другим человеком как субъектом человек постольку субъект, поскольку он способен ориентироваться на другого человека как на субъекта.

Дальнейшее исследование диалектики деятельности, общественных отношений и общения актуализируется как теоретическими потребностями разработки материалистической диалектики, так и практическими задачами развитого социализма.

РОЛЬ ЦЕННОСТНОГО ОТРАЖЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

А.М. Склирова, (Томск)

С начала 60-х годов проблема ценности привлекает все более пристальное внимание философов-марксистов, этот интерес вполне оправдан, т.к. отражает актуальные социальные проблемы формирования гармонически развитой личности, возможности соединения интересов личности с социально-значимыми ценностями, гуманизации науки и техники и др.

В нашей литературе дана марксистская постановка вопроса: поскольку существует ценностное отношение человека к миру, его необходимо изучать, и так как предмет изучения одян - ценностные феномены, то можно говорить об аксиологии (теории ценностей). Говорить о теории ценностей, как об отдельной философской науке еще преждевременно, что же представляет собой современная марксистская теория ценностей как научная дисциплина? " Это - комплекс связанных между собой научных проблем, для которых предложено какое-то решение. Мы можем говорить с известным основанием о марксистской теории ценностей" ^I. Из этого комплекса проблем в работах советских философов рассмотрены вопросы о ценностном отношении (оно является универсальным в том смысле, что пронизывает все формы отношения человека к миру, другим людям, самому себе). В качестве составляющих компонентов ценностного отношения выступают ценности, оценка, ценностно-ориентационные установки. Анализ всех этих компонентов (каким образом они возникают, в чем специфика каждого из них, каков характер их взаимосвязи и функционирования) посвящены специальные исследования.

Вторая группа работ посвящена исследованию отдельных видов ценностей, выявлению их специфики (много работ - нравственным ценностям, эстетическим, религиозным и др.).

В литературе интересно и подробно рассматриваются вопросы о взаимосвязи научных и ценностных форм отражения. Делались попытки дать классификацию ценностей. Проанализирован исторический аспект проблемы ценности; дана критика буржуазным концепциям по

^I Тугаринов В.И. Теория ценностей в марксизме. ЛГУ, 1968, с. 115.

данной проблематике, недавно вышла работа, раскрывающая связь философии с ценностными формами сознания¹.

Вопрос о том, какова роль ценностного отражения в общественном сознании, в чем его специфика по сравнению с так называемым теоретическим способом освоения действительности, не выделяется специально в нашей литературе. Осмысливая специфику и роль ценностных форм-сознания в социальной практике, мы ответим на вопрос о роли ценностного отражения в общественном сознании. В этом цель данной статьи.

В качестве исходного методологического принципа рассмотрения любых форм сознания выступает марксов подход к анализу сознания. "Марксизм обосновал положение о том, что содержание и формы мыслей есть отражение бытия, они целиком зависят от бытия и определяются им. Эти формы возникли исторически, как отражение наиболее общих отношений и связей предметного мира. Но формы мыслей не есть продукт простого зеркального отражения, а возникают в процессе практической деятельности ... сознание не может быть понято в качестве в себе самом замкнутого феномена, а должно рассматриваться в связи с материальным миром и по своему происхождению, и по способу функционирования, и по содержанию"².

"Производство идей первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, язык реальной жизни. Образование представлений, мышления, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей"³.

Формы существования ценностных элементов сознания выступает ценностное отношение. Исторически возникнув как элемент синкретического практического действия, ценностное отношение сохраняет эту "включенность" на любом этапе исторического развития для любого вида деятельности - оценочный компонент пронизывает все виды человеческой деятельности, ибо любая деятельность (любой её вид) является целесообразной, предполагает постановку цели, постоянное соизмерение целей и результата. Поскольку любая человеческая деятельность включает оценочные компоненты, постольку и её отражение тоже их содержит. Можно сказать, что отражение выступа-

1. См.: Философия и ценностные формы сознания. М., 1979.

2. Арефьева Г.С. Социальная активность. М., 1974, с. 40.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

ет как единство познавательного и оценочного. Ценностные формы общественного сознания также являются единством познавательного и ценностного.

Что же позволяет нам выделять такие формы (моральное сознание, эстетическое, правовое, религиозное и др.) в качестве ценностных? Существует ли критерий (основание) разграничения ценностных форм общественного сознания от других его форм?

Все формы общественного сознания отличаются друг от друга по предмету отражения (какие стороны общественного бытия отражают), по способу отражения общественного бытия, по характеру обратного воздействия.

Рассмотрим, чем отличаются ценностные формы общественного сознания с точки зрения предмета отражения. В самом общем смысле можно сказать, что в них отражается духовно-практическая жизнь общества. Другими словами, ценностные формы общественного сознания выступают как отражение духовно-практического освоения мира. Маркс, сопоставляя этот способ с теоретическим, подчеркивал, что теоретическое сознание субъекта осваивает мир единственно возможным для него способом — "способом, отличным от художественного, практически духовного освоения мира"¹.

Под теоретической деятельностью он имеет в виду познавательную. Наиболее развитой формой познавательного отношения выступает научная деятельность, фундаментальной предпосылкой которой является принцип объективности (законы, устанавливаемые наукой, не зависят от воли и желания познающего субъекта). По своей главной установке наука стремится отразить мир беспристрастно. Цель науки — получение объективного знания (истины). Если же рассматривать науку как социальный процесс, то она насквозь пронизана субъективными, ценностными компонентами (начиная с ориентации ученого и кончая применением научных достижений). Более того, она возможна только при их наличии². Что же касается духовно-практической деятельности, то в ней объект и субъект как бы слиты воедино. Причем, роль субъекта является определяющей (мы не можем отвлечься от ценностных компонентов, без них нельзя понять специфики этой деятельности). Ценностные формы общественного сознания как отражение духовно-практической деятельности выражают активно-деятельный характер отношения человека к миру, его ценностно-мировоззренческую направленность.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 39.

2. См. Субъект и объект как философская проблема. Киев: Наукова думка, 1979.

Это различие находит выражение в способах отражения. В качестве "средств труда" при теоретическом освоении мира выступают понятия и категории ("движение категорий выступает как ...действительный акт производства")¹. Результаты научного отражения теоретически оформлены, логически обоснованы, представлены в виде более или менее стройной системы.

Способы отражения и реализации ценностных форм общественного сознания всегда представляют собой сложное единство идеологической и общественно-психологической сторон. На все способы отражения ценностных форм сознания (политическая программа, моральные нормы, уставы, декларации, юридические нормы и законы, религиозные догмы) решающее влияние оказывают господствующие формы общественного сознания. Здесь связь форм общественного сознания чувствуется особенно ясно.

В способах отражения так или иначе находит выражение классовый интерес. Поэтому нравственные, политические и т.п. программы могут формулироваться как конкретные программы классовой борьбы.

В способах отражения сказывается степень зависимости той или иной формы общественного сознания от экономических отношений. (Особенности зарождения и последующего развития отдельных форм общественного сознания позволяют понять общую тенденцию их развития. Одни призваны отмереть, другие – занять господствующее положение). В любой форме общественного сознания существуют два уровня: общественно-психологический и общественно-идеологический. По способу отражения социального бытия эти два уровня отличаются друг от друга. Общественная идеология как систематизированное, опосредованное отражение социального бытия сквозь призму классовых интересов по способу отражения существенным образом не отличается от научного отражения.

Вопрос о различии в способах отражения между ценностными формами общественного сознания и наукой как формой общественного сознания требует самостоятельного осмысления.

Четко можно зафиксировать, что это различие носит скорее функциональный характер (связано с социальными функциями форм общественного сознания). Все ценностные формы общественного сознания потому и являются таковыми, что они призваны отразить и утвердить интересы определенных классов, партий, наций и государств. Главная цель отражения – сохранение или изменение общественных отношений.

Если наука обслуживает общество в целом, то ценностные формы общественного сознания обслуживают те классы, социальные слои, чьи интересы они выражают.

Ценностные формы общественного сознания в основном ориентированы на преобразование общественных отношений и самого человека. Они имеют тенденцию, направленность, которая выражает как реальный учет объективных факторов и возможностей, так субъективные установки революционного класса. Ценностные формы общественного сознания являются истинным отражением действительности в том случае, если интересы класса, которые они обслуживают, являются прогрессивными, т.е. отражают объективную направленность исторического процесса.

Каждая ценностная форма общественного сознания, отражая ту или иную сторону социального бытия, выступает как форма духовно-практической ориентации.

Ценностные формы общественного сознания непосредственно вплетены в структуры социальной деятельности, поэтому по характеру воздействия на общественное бытие их влияние является более прямым. Каждая форма ценностного сознания проектирует свои выводы на деятельность, а не ставит чисто теоретических (или по преимуществу теоретических) задач. Ценностные формы общественного сознания, отличаясь конкретно-исторической неповторимостью, содержат общечеловеческие (неклассовые) элементы, что служит основой их взаимовлияния и преемственности.

Таким образом, ценностные формы общественного сознания как отражение ценностного отношения отличаются от научного отражения по способу отражения - испытывают более сильное, непосредственное влияние идеологии; по характеру обратного воздействия на общественное бытие - поскольку они вплетены более непосредственно в структуры социальной деятельности. Главная социальная функция науки - познавательная. Её целью является отражение объективных закономерностей природного и общественного бытия. Для ценностных форм общественного сознания главной социальной функцией является идеологическая - отражение и изменение общественного бытия в соответствии с интересами определенных классов.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Ю.П. Суглин (Томск)

В последние 15 лет социальный эксперимент получает все более широкое применение в изучении и совершенствовании общественных явлений, возникновении и утверждении ростков коммунизма. Он становится существенным элементом саморазвития зрелого социалистического общества, что делает особенно актуальным его исследование.

Философов и социологов особенно интересует полифункциональность эксперимента: получение знаний о социальных феноменах, практическая проверка нововведений, формирование прогнозов, моделирование событий прошлого и т.д. В работах Р.В.Рывкиной, А.П.Куприяна, Б.С.Работыа, предпринимались весьма плодотворные попытки построения концепции социального эксперимента. При этом особое внимание уделялось созданию его определения. Появилось более десятка определений, построенных по принципу уточнения сущности социального эксперимента. Ряд направлений анализа привел к нарушению ограничения Оккама¹. А последнее является важнейшим признаком того, что дальнейший анализ эксперимента возможен только на основе концептуального переосмысления и синтеза выделенных сущностей. Положение усугубляется еще и тем, что социальный эксперимент не является законченным, завершенным образованием, а подвержен интенсивному развитию. Поэтому его исследования в значительной мере представляют собой "летопись" его исторического генезиса. Серьезный отпечаток на умножение сущностей социального эксперимента наложил "методологическая мода", то есть те или иные "модные" в науке методы и приемы исследования в применении к эксперименту как объекту анализа приводили и приводят к разнородным результатам, которые в значительной мере не освобождались учеными от "строительных лесов" методов².

- 1 Речь идет о "бритве Оккама": "сущности не должны быть умножаемы сверх необходимого". Этот принцип отражает такую ситуацию в познании, когда общее знание об объекте оказывается неразвитым по сравнению с конкретными аспектами понимания объекта.
- 2 Например, в работе Рывкиной Р.В. и Винокура А.В. Социальный эксперимент (Новосибирск: Наука, 1968) наблюдается некоторая абсолютизация правомерности рассмотрения социального эксперимента с позиции теории управления.

Известное многообразие имеющихся в литературе определений социального эксперимента может быть представлено двумя подходами: генетическим и классификационным.

Генетический подход предполагает рассмотрение эксперимента с точки зрения его структуры. При этом выделяются две группы определений: структурно-статические /В.А.Штоф и др./ и структурно-динамические /А.П.Куприян. Большинство социологов, изучающих и применяющих социальный эксперимент/.

Структурно-статическое понимание эксперимента основано на представлении его как некоторой статической интегративной системы, включающей объект, субъект, средства эксперимента, экспериментальную деятельность и т.п. Это определение не может быть исчерпывающим и полным, так как целевое его назначение состоит в методологическом обеспечении моделирования статической структуры экспериментальной системы. Но оно отражает экспериментальную деятельность лишь в свернутом виде, не предполагает процессуальное рассмотрение социального эксперимента. Это затрудняет применение данного определения для нужд моделирования экспериментальной деятельности.

Структурно-динамическое определение ориентировано на операциональную структуру эксперимента. К примеру, А.П.Куприян под экспериментом понимает "такое исследование объекта, в процессе которого мы создаем условия /или изыскиваем и группируем существующие/, необходимые и достаточные для проявления и измерения интересующей нас связи явлений"¹. Неудачность такого определения заключается в том, что оно не выделяет практическую деятельность в эксперименте как сущностную. Понимая это, А.П.Куприян дополняет определение, предполагая в эксперименте изменение объекта исследователем². Разработка структурно-динамического определения необходима для создания операциональной модели социального эксперимента и решения задачи автоматизации проектирования социальных экспериментов.

Классификационные определения /Р.В.Рывкина, Б.С.Работ/ — это определения через род и видовые отличия. Социальный эксперимент рассматривается здесь как применение эксперимен-

¹ Куприян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971, с. 14-15.

² См.: там же, с. 15.

тального метода в исследовании общественных процессов. Родовым понятием при этом выступает эксперимент, а видовым — социальный эксперимент. Важной проблемой здесь является проблема различий социального и естественнонаучного экспериментов, с. специфики социального эксперимента как вида экспериментов. Этот вопрос разрешается различными исследователями различно. Р.В.Рывкина и А.В.Винокур считают, что социальный эксперимент — "применение всех черт и принципов научного экспериментирования к изучению социальных объектов"¹, специфика социального эксперимента по сравнению с естественнонаучным задается стороной деятельности социального субъекта², но в роли экспериментально полученного знания не обнаруживается какой-либо специфики социального эксперимента по сравнению с естественнонаучным³. То есть специфика объекта исследования при таком подходе оказывается нереализованной в специфику экспериментальных процедур, познавательного результата и его роли в познании, что говорит о непоследовательности рассматриваемой точки зрения.

На наш взгляд, социальный эксперимент отличается от естественнонаучного не только принципиальной сложностью, полиструктурностью, полифункциональностью, высоким динамизмом социальных объектов, невозможностью их практического выделения "в чистом виде", но и потенциальной возможностью превращения объекта ряда экспериментов в их субъекты, глубокой и всесторонней детерминацией эксперимента практикой, зависимостью экспериментального результата от социальной позиции исследователя, определяющей ролью моделирования в нем и в конечном итоге направленностью эксперимента как на познавательные, так и практические результаты.

Таким образом, основной недостаток определений классификационной разновидности заключается в существенно! неясности специфики функций социального эксперимента.

Анализируемые определения фиксируют различные сущностные срезы в понимании социального эксперимента и имеют различные целевые назначения в познании и практической деятельности.

¹ Рывкина Р.В., Винокур А.В. Указ.соч. с.22 !.

² Там же, с.23.

³ Там же, с.41-42.

Поэтому проблема построения определения социального эксперимента может быть сформулирована как проблема формирования его обобщенно-свернутого определения на новом концептуальном материале. Понимание эксперимента как способа духовно-практической деятельности, на наш взгляд, выступает теоретической основой для создания этого определения. Действительно, социальный эксперимент как способ духовно-практической деятельности вполне правомерно рассматривать в трех срезах: функциональном, структурно-статическом и структурно-динамическом, которые соответствуют основным этапам развертывания системного подхода в его конструктивной транскрипции.

В функциональном аспекте социальный эксперимент — это средство разрешения проблемных ситуаций в практике и познавательных проблем посредством получения фактологического знания о социальных процессах, основанного на микромасштабном факте действительности и необходимого для их углубленного понимания, формирования рекомендаций и опыта практической деятельности людей. Это определение сформулировано посредством абстрагирования от структуры. Отсюда оно применимо в тех областях изучения эксперимента и научно-исследовательской практики, где приходится иметь дело с функциями эксперимента, ставится задача выявления статуса эксперимента в познании и социально-преобразующей деятельности.

В структурно-статическом срезе социальный эксперимент — это способ деятельности субъекта в специфической информационной системе, включающей в себя социальный объект познания и практики, средства наблюдения, измерения, сопоставления, практического преобразования объекта, контроля, управления и моделирования. Все элементы данной системы обретают целостность в связи с применением средств предметно-практического изменения объекта. Данное определение отражает структурно-статическую модель эксперимента и абстрагируется от функций и содержания экспериментальной деятельности. Его целесообразно применять при построении статических моделей экспериментов, при выделении структурных особенностей социального эксперимента по сравнению с различными видами практики и методами социального познания.

В структурно-динамическом аспекте социальный эксперимент —

это способ духовно-практической деятельности субъекта, состоящий в доказательстве гипотез о фактах социальной действительности посредством предметно-практического преобразования модели социального объекта, наблюдения и измерения её состояний, их сопоставления с состояниями контрольного объекта в контролируемых и управляемых условиях. В этом определении наблюдается абстрагирование от функций и статической структуры, оно применимо при разработке операциональной модели эксперимента и при выявлении структурно-динамической его специфики.

Выделенные определения отражают движение познания эксперимента в науке от явления /функциональное определение/ к сущности первого порядка /структурно-статическое определение/, а от неё к сущности второго порядка /структурно-динамическое определение/. Поэтому возможен синтез данных определений в единое определение. Подчеркнем, речь идет не о формальном соединении сформулированных определений, а о диалектическом их синтезе. На наш взгляд, основными требованиями к этому синтезу выступают: во-первых, отражение противоречивой природы эксперимента; во-вторых, выделение сущностного; в-третьих, простота и понятность определения.

Исходя из данных требований и результатов предыдущего анализа, под социальным экспериментом мы понимаем средство разрешения проблемных ситуаций в практике и познавательных проблем, направленное на доказательство гипотез о фактах социальной действительности и состоящее в том, что моделируется микромасштабный социальный объект, который преобразуется предметно-практически в соответствии с требованиями гипотезы, наблюдаются, измеряются и сопоставляются состояния объекта в контролируемых и управляемых условиях.

Теперь легко показать, что дальнейшее упрощение данного определения приводит к общенно-свернутому определению социального эксперимента, которое будет таким: социальный эксперимент — это средство получения фактологического знания о социальных объектах в контролируемых и управляемых условиях предметно-практического преобразования их моделей.

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НАУКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В.Г.Алексенко (Томск)

Более ста лет назад К.Маркс сформулировал положение о превращении науки в непосредственную производительную силу. Произошедшие с тех пор изменения производительных сил и производственных отношений еще более повысили роль научной деятельности в развитии современного общества. В решениях XXV съезда КПСС специально указывается на необходимость усиления связи науки с производством, ускорения внедрения ее результатов в народное хозяйство¹.

Превращение науки в производительную силу изучается в нескольких аспектах: методологическом, социологическом, экономическом и т.д. Особый интерес представляет методологический анализ отмеченного процесса, образующий базу для прикладных исследований последнего, выполняющий по отношению к ним ориентирующую функцию.

Философы-марксисты разрабатывают проблему превращения науки в производительную силу с последовательно материалистических позиций. Главное направление их исследований состоит в выяснении характера связи научной и материально-производительной деятельности. Однако изменение социальных условий осуществления производительной функции научного труда порождает новые формы ее проявления, которые не сводятся только к сфере создания материальных благ. Методологические вопросы исследования этого аспекта еще недостаточно разработаны в марксистской социологии. Отсюда наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть один из таких вопросов — о подходе к выяснению специфики науки как непосредственной производительной силы социалистического общества.

Рассматривая превращение науки в непосредственную производительную силу, необходимо учесть как этапы его последовательного развития, так и социальные условия реализации этого процесса, который должен изучаться, по нашему мнению, конкретно-исторически в связи с проблемой производительного труда. Критерий этого труда мы связываем прежде всего с целью определенного типа производства. Отсюда, поскольку цели капиталистического

¹ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1978, с. 170.

тического и социалистического производства различны, то не совпадают также присущие им критерии производительной деятельности, а следовательно, неодинаковы и формы существования науки в качестве непосредственной производительной силы в той и другой общественной системе.

Целью капиталистического производства является получение прибавочной стоимости путем эксплуатации наемной рабочей силы. Поэтому в нем производителен любой труд, создающий подобную стоимость. И поскольку последняя формируется прежде всего в сфере материального производства, то при капитализме всякая производительная деятельность в конечном счете связана с этой сферой. Труд ученых в буржуазном обществе также становится производительным в той мере, в какой он способствует созданию прибавочной стоимости. Однако ориентация этого труда на сферу изготовления материальных благ, которая, как отмечалось, является в условиях капитализма основной областью производительной деятельности, ведет к тому, что качество производительной силы получает, по существу, не сам процесс научного труда, а его опредмеченные результаты, то есть воплощенное в средствах производства знание. Именно это обстоятельство, по-видимому, выражается идеей К.Маркса, что "...развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание превратилось в непосредственную производительную силу"¹.

При социализме положение коренным образом меняется. В этом обществе сфера производительного труда расширяется, не ограничиваясь только материальным производством². Основным признаком такого труда здесь становится "...не только участие в развитии материального производства и материального богатства, но и участие в развитии общественного производства в целом, участие в развитии общественного богатства, в первую очередь, в развитии главной производительной силы общества - самого человека"³. То есть в социалистическом обществе

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857 - 1859 годов. Ч.2. - В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.46, ч.2, с.215.

² Следует отметить, что этот вопрос является дискуссионным. Однако нам представляется убедительной точка зрения, не ограничивающая сферу производительного труда в социалистическом обществе только материальным производством.

³ Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. М., Политиздат, 1976, с.215.

совершается переориентация критерия производительной деятельности со сферы изготовления материальных благ на область общественного производства, целью которого является создание условий для свободного развития человеческих способностей¹. В формировании личности нового типа здесь участвует не только материальное производство, предоставляющее необходимые жизненные блага, но и наука, развивающая интеллектуальные способности людей, обеспечивающая предпосылки для их наиболее полного и творческого выражения. В этом плане сам труд ученого оказывается производительным, поскольку он участвует в создании как объективных условий развития трудящихся (благодаря опредмечиванию научного знания в элементах материально-производственной, духовной, политической, бытовой и других сфер жизнедеятельности), так и субъективных качеств членов общества (путем образования, воспитания и т.д.).

Однако, рассматривая влияние науки на развитие способностей человека, необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство, а именно то, что это влияние не ограничивается воплощением научного знания в потенциях людей. С точки зрения развития человеческой деятельности более существенное и перспективное значение имеет все возрастающее увлечение трудящихся некоторыми формами научного труда, то есть их специфическое включение в сферу научного познания. Это связано как с развитием науки, представляющей особый социальный институт, так и с изменениями в материальном производстве, вызванными его автоматизацией. Г.Н.Волков отмечает, что в условиях завершенной автоматизации "...труд техников, инженеров-производственников в массе своей вытеснится в сферу инженерно-конструкторской и собственно научной деятельности"². Однако качественное преобразование материального производства коснулось не только инженеров и техников, но также и его рядовых участников. В их труде усилился творческий момент, что наиболее ярко выразилось ростом движения изобретателей и рационализаторов. Опыт этого движения, с точки зре-

¹ С точки зрения исследования содержания и цели общественного производства при социализме представляет интерес предложенная В.А.Дмитриенко категория социальной деятельности, синтезирующей законы материального и духовного производства. См.: Дмитриенко В.А. Методологические проблемы науковедения. Томск, 1977, с.115 - 117.

² Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. М.: Политиздат, 1977, с.286.

ния обсуждаемого здесь обстоятельства, примечателен прежде всего тем, что в труде новаторов производства, как указывают ряд исследователей, все более прослеживаются элементы **научного творчества**¹. То есть изобретатели и рационализаторы вносят определенный вклад в научное познание и, следовательно, своеобразно участвуют в научной деятельности. Одним из существенных свидетельств этого является публикация некоторыми из них результатов своего труда².

Та или иная форма приобщения трудящихся к научной деятельности, которой присущ высокий уровень творческой активности, уже является показателем свободного развития способностей человека социалистического общества. Следовательно, социализм дает необходимые предпосылки для совершенствования личности. В условиях же капиталистической системы они отсутствуют.

Автоматизация капиталистического производства, преобразующая характер труда людей, ведет в то же время к обострению социальных противоречий. В буржуазном обществе наука не способствует развитию трудящихся как личностей, а напротив, все более **отчуждает** от них. Изобретательство и рационализация не получают в их среде широкого распространения. Исследователи отмечают, что "монополизация в руках узкой группы функций управления организацией приводит к тому, что рабочие недостаточно стремятся и даже противятся участию в технической рационализации, видят в ней угрозу своим интересам"³.

Несмотря на определенный прогресс производительных сил и некоторую модернизацию технологических отношений, при капитализме наука как непосредственная производительная сила продолжает функци-

¹ Об элементах научного творчества в труде изобретателей и рационализаторов см.: Бакишутев В.К., Бондарев Г.И. Техническое творчество рабочих и превращение науки в непосредственную производительную силу. - Вопросы философии, 1965, №8, с. 53; Даутов Т.М. Развитие элементов научного мышления в рационализаторской деятельности советских рабочих. - Науч. доклады высшей школы. Философские науки, 1963, №6, с. 38; *Yozialismus, Wissenschaft, Produktivkraft*. Berlin, Dietz Verlag, 1963, S. 215.

² О публикации изобретателями и рационализаторами результатов своего труда см.: Даутов Т.М. Указ. соч., с. 44.

³ Автоматизация и рабочий класс при капитализме. М.: Наука, 1975, с. 168.

онировать только в форме опредмеченного в элементах производства знания. В социалистическом же обществе она становится такой силой не только благодаря производственным предметной форме движения своего продукта, но и как особая социальная деятельность, в которую так или иначе включается все большее число трудящихся. В опредмеченном виде ее результат выполняет роль производительной силы в сфере изготовления материальных благ. В форме же деятельности наука, наряду с материально-производственным трудом, способствует формированию нового человека как путем создания условий для свободного развития его личностных свойств, так и посредством включения людей в сам процесс научного познания¹.

Рассмотренные моменты выражают специфику функционирования и тенденции развития науки как непосредственной производительной силы социалистического общества. Практика коммунистического строительства в СССР подтверждает эти тенденции. Важный вклад советская наука делает прежде всего в развитие материально-технической базы коммунизма. В десятой пятилетке "...у нас ежегодно создается в среднем 3 600 образцов новых типов машин, оборудования, приборов, средств автоматизации, осваивается выпуск 3 400 новых видов продукции"². Подобные задачи решают многочисленные научные учреждения страны.

Неуклонно возрастает также роль советской науки в формировании нового человека, свободно развивающего свои способности, умеющего выделять назревшие проблемы современной жизни и научно обоснованно их решать. Благодаря научной деятельности, в этой области создаются также условия для совершенствования личности, которые не могут быть обеспечены материальным производством. Здесь следует выделить влияние науки на определенные стороны быта трудящихся, их общественно-политической деятельности, на формирование факторов ду-

¹ Следует заметить, что вовлечение все большего числа трудящихся в сферу научного труда, по-видимому, не может все-таки служить доказательством его становления в будущем преобладающим типом общественной деятельности. Главное, что можно усмотреть в указанной тенденции - это усиление творческого момента в любом типе человеческой активности. А здесь наука, несомненно, сыграет историческую роль как путем влияния на создание материальных и духовных условий для свободного развития человеческих способностей, так и благодаря вовлечению людей в свою собственную сферу.

² Отраслевой институт. - Правда, 1979, 21 ноября.

ховной жизни людей. Подобное влияние осуществляется в настоящее время различными путями, из которых наиболее совершенным и перспективным является, пожалуй, план социального развития трудового коллектива¹.

Научный прогресс воздействует на искусство, преобразуя почву, на которой оно существует². Тем самым создается база для развертывания творческих потенций человека в одной из важнейших сфер его духовной деятельности.

И наконец, трудящиеся приобщаются к науке посредством изобретательства и рационализации. Это движение приобрело в СССР широкие масштабы. Если в 1950 г. у нас было 555 тыс. изобретателей и рационализаторов, подавших соответствующие предложения, то в 1960 г. их стало 2 481 тыс.; в 1970 г. - 3 659 тыс., а в 1977 г. - 4 466 тыс.³ Рост указанного движения при наличии у его участников элементов научной деятельности - что отмечается рядом исследователей - позволяет говорить о четко определившейся тенденции, состоящей в усилении творческого характера труда изобретателей и рационализаторов. А это в свою очередь свидетельствует о личностном развитии советского человека, получившего действительные возможности для свободной реализации своих способностей.

На XXV съезде КПСС в составе основной задачи советской науки отмечалась необходимость повышения ее вклада в формирование коммунистического мировоззрения трудящихся⁴. Такая постановка вопроса ориентирует ученых на активное участие в воспитании человека нового, коммунистического типа, что означает также развертывание производительной функции науки в условиях развитого социализма.

¹ На план социального развития трудового коллектива как выражение роли науки в формировании условий жизнедеятельности трудящихся указывает, например, И.А. Майзель. См.: Майзель И.А. Наука. Автоматизация. Общество. Л., 1972, с.211.

² См.: Майзель И.А. Указ соч., с.213.

³ См.: Народное хозяйство СССР. 1922 - 1972 г.г. М.: Статистика, 1972, с.109; Народное хозяйство СССР в 1977 г. М.: Статистика, 1978, с.97.

⁴ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1978, с.218.

ПРЕДВИДЕНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В.И.Алексеев (Москва)

Возрастание прогностической функции современной науки даёт возможность разрешить многие проблемы управления развитием общественных процессов. Успех в этом деле во многом зависит от уровня разработки методологических проблем и категориального аппарата самого процесса предвидения. Быстрый рост исследований прогностического характера и многообразие охватываемых ими объектов привели к появлению различных точек зрения на основные понятия предвидения. Это обстоятельство, на наш взгляд, является отражением ряда специфических условий, в которых совершается процесс предвидения:

- отсутствие прогнозируемого или планируемого состояния объекта в настоящем;
- возможность применения процесса предвидения в любой форме действительности;
- ограниченная возможность обоснования истинности знания о будущем по сравнению со знанием о настоящем;
- наличие общих принципов и методов, характерных для формирования любого научного знания.

Наиболее чёткое разделение точек зрения на понятие "предвидение" различных авторов проходит по временному признаку. Одни из них считают, что процесс предвидения направлен на получение нового знания о будущем состоянии общественного развития. Другие же утверждают, что это также процесс предсказания уже существующего или существовавшего, но не известного для науки. Так, В.Виноградов даёт такое определение: "Научное предвидение можно определить как предположение о ненаблюдаемых (неизвестных) явлениях... прошлого и настоящего, а также о возможных явлениях будущего..."¹. На той же позиции находится А.Ракитов, который говорит о реализации процесса предвидения в двух формах:

1) "как получение информации о некоторых неизвестных (но, возможно, существующих) феноменах безотносительно к их пространственно-временной локализации";

¹ Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М.; Политиздат, 1972, с.17.

2) "как получение информации о феноменах, не существующих в момент, когда делается предвидение"¹.

Г.Геворкян считает, что научное предвидение — это "доказательство утверждений о явлениях, которые не наблюдались или могут возникнуть в будущем"². Примерно также подходят к предвидению ряд философов из ГДР³ и А.Никитина⁴.

Попробуем проследить обоснование этих двух позиций. В.Виноградов ограничивает проблемы научного предвидения соотношением "мира познанного и мира наблюдаемого (в этом смысле неизвестного)"⁵. Ограничив многообразие проблемы, автор находит её обоснование в сходстве логической структуры ретросказания и предсказания. Исходя из этого, он приходит к выводу о гносеологической общности предвидения и всякого перехода от известного к неизвестному, а следовательно, о предвидении как логическом процессе по отношению к явлениям прошлого, настоящего и будущего. Тем самым автор приходит к своему определению чисто логическим путём.

Позицию Г.Геворкяна характеризует тот же логический подход, но уже на основе гипотезы как формы выражения любого нового знания. В вопросе предвидения, говорит он, необходимо руководствоваться "принципом независимости характера знания от фактора времени"⁶, исходя из которого, мы не можем выделить предвидение как особенное по своей логической форме. В процессе познания, продолжает Г.Геворкян, мы получаем только два вида знания: вероятностное, когда вывод обосновывается исходными данными частично, и достоверное, когда он обосновывается полностью. И "если уж что-то нужно выделить, так это знание, поддающееся непосредственной проверке, от знания, не поддающегося такой проверке, будь то о будущих событиях или же о тех, что лежат за пределами наших наличных знаний"⁷.

Тем самым, утверждает Г.Геворкян, мы сможем получить новое знание, в том числе о будущем, но его главной отличительной чертой

¹ Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки. М.: Высшая школа, 1971, с.123.

² Геворкян Г.А. Вероятное и достоверное знание. Ереван: АН Армянской ССР, 1965, с.181.

³ Бауэр А., Эйхгорн В., Крёбер Г. и др. Философия и прогностика. М.: Прогресс, 1971, с.79.

⁴ Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. М.: Мысль, 1975, с.12.

⁵ Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Указ.соч., с. 16.

⁶ Геворкян Г.А. Указ.соч., с.190.

⁷ Там же, с.194.

будет высокая степень неопределённости, что вообще характерно для любого нового знания. Это, по существу, гипотезы, содержащие определённые допущения. На этом основании делается вывод, что "гипотеза, основное допущение которой относится к явлению, теперь пока не существующему, логически однотипна с гипотезой, относящейся к прошлому или настоящему событию; они раздвигают пределы наших знаний".

Более гибкий подход в определении специфики предвидения как знания о будущем предлагает А.Ракитов. Если в основе концепции Г.Геворкяна лежит логический подход, исключающий временной фактор, то А.Ракитов сущность предвидения видит в связи логического как общенаучного и временного, как специфического в формировании знания о будущем. Автор начинает рассмотрение с соотношения логических структур объяснения и предвидения. Как в основе первого, так и второго находится "совокупность феноменов" и "совокупность предложений теории", и поэтому формальная логическая структура процесса познания является для них общей. Следовательно, заключает автор, "объяснение и предвидение могут осуществляться в идентичных логических схемах"².

Различие между ними, как справедливо отмечает автор, "следует искать не в их формальной структуре, а в их гносеологической функции"³. Таким образом, А.Ракитов приходит к выводу, что процесс объяснения относится к тому, что существовало или существует, тогда как предвидение — к тому, что может или должно возникнуть в будущем⁴. Данное положение, взятое в отдельности, возражений не вызывает. Но, во-первых, оно противоречит определению предвидения, данному автором ранее и приведённому нами выше⁵. Во-вторых, этот вывод не объясняет различия между процессом получения любого нового знания и знания о будущем. Наконец, нельзя сводить гносеологическое различие между объяснением и предвидением к временному фактору лишь на том основании, что "эти процессы ориентированы на различные пространственно-временные области"⁶.

Философы из ГДР, авторы коллективной монографии "Философия и прогнозика", подошли к определению предвидения через анализ логи-

1 Геворкян Г.А. Указ.соч., с.190.

2 Ракитов А.И. Указ.соч., с.126.

3 Там же, с.126.

4 Там же, с.123.

5 Там же, с.126.

6 Там же, с.126.

ческой структуры его выводов. Если высказывание входит в предпосылку вывода, то речь идёт только о гипотезе. Если же высказывание в логическом выводе занимает место заключения, то "речь идёт о прогнозе независимо от того, относится ли он к прошлому, настоящему или будущему"¹. Поэтому "выдвижение гипотезы преследует цель объяснить" положение вещей, а функция предвидения в том, "чтобы вывести новые сведения о неизвестном ещё положении вещей"².

Итак, мы рассмотрели несколько способов доказательства утверждения, что предвидение — это не только предсказание будущего, а также предсказание явлений, происходящих в настоящем или существовавших в прошлом, но пока неизвестных науке. На наш взгляд, несмотря на различия в способах, такой подход к предвидению определяется двумя признаками. Во-первых, в основу данного утверждения положена всеобщая логическая структура любого процесса познания; предвидение рассматривается лишь как её частный случай. Во-вторых, основным критерием в определении специфики предвидения является временной фактор. Кратко рассмотрим действительное место логической структуры и временного фактора в процессе предвидения.

Разумеется, если исходить только из того, что "бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения"³, то любая попытка его исследования может быть названа предвидением, любой прогноз или план имеет право на существование. Однако знание о неизвестном ранее надо отличать от знания о будущем как таком знании, которое выходит за рамки поля зрения в настоящем. В первом случае результатом познания будет любое новое знание. Во-втором — то знание, которое отражает этап развития объекта в будущем. В этом отличие прогноза и плана от другого научного знания, предвидения от объяснения. По своей логической структуре они схожи, поскольку одинаковы составляющие их основания: объект, о котором высказываются, и существующие теоретические положения, служащие основанием как для объяснения, так и для предвидения. Одинаков, казалось бы, и результат — отражение ещё неизвестного в форме научного знания.

Однако различие заключается в том, что процесс предсказания существующего, но неизвестного, есть процесс развития познания о нём, тогда как предвидение — процесс познания дальнейшего развития это-

1 Бауэр А., Эйхгорн В., Крёбер Г. и др. Указ. соч., с. 76.

2 Там же, с. 71-80.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 43.

го существующего в настоящем. В первом случае мы открываем гносеологически то, что уже является объективной действительностью, а во втором – то, что только будет действительностью. Понятие предвидения относится к способу формирования знания о будущем. В предвидении "мы имеем дело с предсказанием будущего развития материальной действительности", а не "с предсказанием будущего же прогресса самого познания"¹. Так, К.Маркс и Ф.Энгельс открыли (а не предвидели) законы общественного развития в целом и капиталистического способа производства в частности, но они именно предвидели появление новой общественной системы до её возникновения.

Для определения предмета научного предвидения остановимся на рассмотрении таких понятий, как "предсказание", "предвидение", "прогнозирование", "планирование", "прогноз", "прогностика". Одни авторы не придают особого значения различию в указанных понятиях, то и дело употребляя их как синонимы. В научный оборот в качестве синонимов включены такие термины, как предвидение и прогнозирование, предсказание и предвидение, прогноз и предсказание, социальное прогнозирование и предвидение общественного развития и так далее. Смысловое значение этих терминов зависит от задач, решаемых в рамках каждой отдельной работы. Однако в самой прогностике всё чаще встречаются попытки закрепить за каждым понятием своё определённое значение. Кроме того, анализ различия между ними всё чаще является содержанием и целью отдельных работ. Возрастающая роль предвидения как функции науки выдвигает задачу совершенствования понятийного аппарата, используемого в исследованиях будущего.

К первым можно отнести авторов книги "Философия и прогностика", которые без дальнейших объяснений считают, что прогноз, предвидение и предсказание – это одно и то же. Они делают различие между ними лишь в грамматическом контексте². Иначе думает А.Гендин, который в основу различия данных понятий кладёт принцип точности, детализации знания о будущем. "Более приемлемой, – отмечает автор, – представляется точка зрения тех, кто предлагает использовать понятие "предсказание" для выражения качественного уровня описания будущего, понятие "прогноз" для обозначения количественных параметров предсказываемых явлений, а понятие "предвидение" – в качестве родового понятия для первых двух"³. Действительно, прогноз от-

1 Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск: Гос.пед.ин-т, 1970, с.96.

2 Бауэр А., Эйхгорн В., Крёбер Г. и др. Указ.соч., с.75.

3 Гендин А.М. Указ.соч., с.98.

личается от предвидения или предсказания точностью описания. Однако это различие имеет более глубокие корни, чем тот количественный подход, который предлагает автор. Кроме того, назвав "предвидение" родовым понятием, автор не определяет его действительного места в сложной структуре взаимодействия с двумя другими понятиями.

Другой принцип, принцип достоверности знания, является основным в размежевании понятий "предвидение", "предсказание" и "прогнозирование" у С.Саркисяна и Л.Голованова. Этим понятиям, по их мнению, соответствуют различные логические формы выработки информации о будущем:

- "прогнозирование" - "что может быть";
- "предсказание" - "по-видимому, будет";
- "предвидение" - "непременно будет".

Опосредованность данных установок, на наш взгляд, очевидна. Это подтверждается и различием в критериях, которыми пользуются авторы в определении этих понятий и которые являются достаточно произвольными. Так, "предвидение" понимается как "опережающее отражение действительности", а "прогнозирование" "можно сформулировать как процесс формирования (или разработки) прогнозов..." Следующая пара понятий: "прогноз" - это "вероятностное суждение о состоянии какого-либо объекта", а "предсказание" "означает достоверное, основанное на логических умозаключениях суждение". В приведённых парно понятиях отражается лишь отдельное свойство, которое, возможно, присуще данному процессу, но, возможно, и нет. Аргументов в подтверждение своей точки зрения авторы не приводят.

Более обоснованной и перспективной, на наш взгляд, является точка зрения А.Никитиной, которая рассматривает знание о будущем не как результат, а прежде всего как процесс. Основой такого подхода является гносеологический анализ проблемы, в результате которого автор делает вывод, что "предвидение" - это процесс познания будущего, а "прогноз" - его результат³. Однако автор, к сожалению, не идёт дальше в выделении специфики различия между этими понятиями. А.Никитина выделяет онтологические и гносеологические основания процесса предвидения, который осуществляется на основе отражения закономерного развития объективной реальности в прошлом

¹ Саркисян С.А., Голованов Л.В. Прогнозирование развития больших систем. М.: Статистика, 1975, с.9-10.

² Там же, с.9.

³ Никитина А.Г. Указ.соч., с.9.

и настоящим, посредством исследований эмпирического и теоретического характера. Всё верно, всё правильно. Но то же самое характерно для любого процесса познания. Именно поэтому А.Никитина пришла к выводу о том, что "если в одних случаях предвидение относится к будущему возникновению объекта, то в других случаях оно относится к будущему наблюдению объекта или каких-либо его проявлений"¹.

Выше мы установили различие по объекту между процессами исследования существующего, но неизвестного, и тем, что лишь когда-то будет существовать. Это различие, на наш взгляд, является также критерием отличия предвидения от предсказания. Предсказание относится к процессу получения нового знания как об объекте уже существующем, но пока неизвестном, так и о том, что ещё только возможно в будущем. Тем самым "предсказание" есть родовое понятие по отношению к "предвидению", которое обозначает процесс и результат познания будущего состояния объективной действительности. Это различие определяет гносеологические особенности процесса предвидения. Различие между двумя способами получения знания о неизвестном ранее заключается в том, что знание о настоящем (и части прошлом) можно сверить с уже существующим, в то время как истинность знания о будущем может быть установлена лишь в процессе развития объекта. Тем самым, если в первом случае мы можем проверить наше знание, соотнеся его с объективно существующим состоянием, то во втором мы ограничиваемся логико-гносеологическим обоснованием будущей действительности.

По вопросу о соотношении понятий "предвидение" и "прогнозирование" большинство авторов склоняются к той же точке зрения, что последнее понятие является уточнением первого². Действительно, "предвидение" охватывает весь процесс получения знания о будущем от его оснований до результата и представляет собой процесс в целом в его структурном единстве. Поэтому "предвидение" - более широкое понятие, чем "прогнозирование". В структуре предвидения можно выделить прогнозирование как процесс познания будущего и прогноз как результат этого процесса. Понятие "прогнозирование" даёт более чёткое представление о процессах, методах и технике научного предвидения.

¹ Никитина А.Р. Указ.соч., с.11

² Лисицкий В.А., Касин В.И. Прогностика: Основные термины и понятия. М.: Гос.библ.СССР им.В.И.Ленина, 1970; Прогностика: Терминология. М.: Наука, 1978.

Понятие "прогнозирование" тесно связано с таким понятием, как "прогностика". Сложность проблем, решаемых в процессе предвидения, а также его универсальный характер, требуют разработки особой системы принципов и методов, которые бы позволили дать прогноз в его конкретной определённости. Основные методологические и гносеологические предпосылки научного предвидения появились с возникновением марксистской теории. Однако принципы и методы прогнозирования начали формироваться уже в наше время, и этот процесс ещё далёк от завершения. Этим объясняется некоторая неопределённость в установлении содержания прогностики как системы научного знания.

Учёные, занимающиеся проблемами предвидения, так или иначе вынуждены выходить на разработку его терминологии. Однако чаще всего основные понятия теории предвидения "привязываются" к уровню и целям определённой работы. В последнее время предпринимаются попытки создания своего рода "прогностического словаря"¹. "Прогностика, — пишет В.Лисичкин, — область научного знания, изучающая закономерности процесса производства прогнозов"². А Гендин считает, что прогностика — это наука, занимающаяся общетеоретическими проблемами предвидения³. На наш взгляд, "прогностика" включает в себя как эмпирический, так и теоретический уровни исследования. Она включает в себя всё, что связано с процессом предвидения: от методологии и структуры предвидения до методики и техники составления прогноза. В то же время о прогностике нельзя говорить как о науке о будущем. Без функции прогнозирования "любая наука теряет смысл", но предвидение в целом "не может служить предметом особой науки, так как является имманентной функцией каждой из существующих наук"⁴.

В последнее время всё более обращается внимание на разработку философских проблем предвидения. Однако следует отметить, что формирование теории предвидения как научной системы ещё находится на начальных стадиях её становления. Это относится как к предвидению в целом, так и к предвидению общественного развития. Трудности её формирования имеют объективную основу и, на наш взгляд, заключаются прежде всего в том, что предвидение, с одной стороны, носит общенаучный характер, а с другой — является составной частью процесса исследования в любой науке. Следует при этом отметить, что

1 Там же.

2 Они же. Прогностика:

Терминология. М.: Наука, 1978.

3 Там же.

с.22.

4 Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества, с.7

5 Бестужев-Лада И.В. Прогнозирование как особый вид деятельности подхода к проблемам будущего. М. 1978.

исследования методологического характера ещё уступают как по количеству, так и по качеству разработки конкретных методов и средств предвидения. Однако "в отличие от других архитекторов, — отмечает К. Марко, — наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент"¹. Это положение вполне можно отнести к предвидению, которое ещё не обосновано как общенаучный метод, ещё не сформировалась теория предвидения, но мы уже создаём прогнозы и планы во многих областях знания и практической деятельности.

¹ Марко К., Энгельс Ф. Соч., т. I3, с. 43.

СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

С.Б.Максюкова (Томск)

В современной философской литературе существуют 3 основные трактовки понятия преемственности: 1) как связь между различными этапами или ступенями развития¹; 2) как необходимый принцип развития²; 3) как черта диалектического закона отрицания отрицания³.

Общее содержание категории преемственности может быть выведено на основе исследования наиболее общих сторон и свойств самого объективного процесса преемственности. С этой целью нам представляется необходимым разграничить преемственность как предмет научного исследования на две наиболее общие и взаимосвязанные стороны — на процесс и связь (как результат этого процесса). То есть, с одной стороны, преемственность составляет часть содержания процесса развития, отражая динамику "снятия" и воссоздания на качественно новой основе некоторых структурных элементов развивающихся систем и их функций.

С другой стороны, понятие преемственности фиксирует в общем виде общие признаки взаимосвязи различных уровней развивающихся систем.

Среди составляющих и критериев преемственности "снятие" выступает той внутренней основой, которая обуславливает суть процесса преемственности. "Снятие" — *'aufheben'* имеет в немецком языке двойной смысл: 1) сохранить, удержать; 2) прекратить, положить конец. В русском языке оно также одновременно имеет значение уничтожения и сохранения в развитии⁴. Термин употребляется также для характеристики связи отношения какого-либо низшего явления к вышнему⁵.

1 См.: Философская энциклопедия. 1967, т.4, с.360; Исаенко Г.Н. Категория преемственности в марксистско-ленинской философии. Дис. канд. филос. наук. М., 1970, 157 с., с. 15; Русланов В.Г. Проблемы преемственности как закономерности общественного развития. Автореф. дис. канд. филос. наук. Томск, 1979, с.7.

2 Рожин В.П. В.И. Ленин и вопросы марксистской теории развития. — Вопросы философии. 1969, № II.

3 Домрачев Г.М., Вриллов С.Ф., Тимофеева А.В. Закон отрицания отрицания. М., 1961; Кедров Б.М. Отрицание отрицания. М., 1961; он же. О повторении в процессе развития. М., 1959; Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969.

4 Гегель Наука логики. М., 1970, т.1, с.168.

5 Философский словарь. М., 1980, с.333.

6 Там же, с.333.

Гегель через категорию "снятие" раскрывает сущность процесса преэмптенности в развитии познания: "Далее поступательное движение от того, что составляет начало, следует рассматривать как дальнейшее его определение так что начало продолжает лежать в основе всего последующего и не исчезает из него. Движение вперёд состоит не в том, что выводится лишь нечто иное или совершается переход в нечто истинно иное, поскольку такой переход имеет место, он снова снимает себя. Таким образом, начало философии есть наличная и сохраняющаяся на всех последующих этапах развития основа, есть то, что остаётся всецело имманентным своим дальнейшим определениям" ¹.

Главный смысл действия "снятия" заключается в том, чтобы утрачивая старое в форме его непосредственности, одновременно превращать его в содержание новой проблемы. В.И.Стрельченко правомерно обращает внимание на то, что в марксизме категория "снятие" подразумевает такую связь между последующей и предшествующей формами движения предмета, в которой ¹² субстанциональное содержание не только сохраняется, но и возрастает.

Содержание категории "снятие" раскрывается через понятия "сохранение", "отрицание", "преэмптенность".

Понятие "сохранение" отображает постоянство, неизменность, устойчивость, инвариантность при каких-то преобразованиях, изменениях, переводящих данную систему из начального состояния в конечное ³. Но само сохранение содержит в себе отрицание в том смысле, что сохраняемое лишается своей непосредственности, исходного бытия. Однако и диалектическое отрицание в процессе развития выступает не только как уничтожение предыдущего качества, но и как сохранение отдельных его элементов и как обновление исходного явления.

В.И.Ленин в конспекте гегелевской "Науки логики" подчеркнул моменты сохранения и инвариантности в диалектическом отрицании в процессе познания в понимании Гегеля: Удержать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки в её результате, вот что есть самое важное в разумном познании" ⁴.

Эти универсальные отношения зависимости развивающихся явлений

¹ Гегель. Наука логики, с.138.

² Стрельченко В.И. Диалектика снятия в органической эволюции. Л. 1980, с.31.

³ См. об этом подробнее: Марков В.А. Проблема сохранения и современная наука. Рига, 1980, с.32.

⁴ Ленин В.И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т.29, с.207.

обобщены категориями срьзей преемственности, повторяемости, наследования, заимствования. В каком соотношении находятся эти категории? С категорией преемственности органически связана повторяемость. И не случайно, видимо, некоторые авторы рассматривают повторяемость как частное проявление формы преемственности¹ или даже отождествляют эти понятия².

На наш взгляд, правы авторы А.М.Михлин и В.Л.Подольский, когда рассматривают повторяемость и преемственность как две самостоятельные с перекрывающимися осями предельно широкие философские категории, отображающие глубинные, сущностные стороны процесса исторического развития: его целостность, интегральный характер, направленность, структурность и т.п.³ Существенным признаком, сближающим категорию преемственности с повторяемостью, является воспроизведение ее в той или иной степени того, что было пройдено ранее, т.е. возвращение к исходному пункту. Но простая повторяемость предполагает полное воспроизведение исходного, отражая движение по кругу, при этом "нет развития, нет движения вперед в определенном направлении"⁴. Простая повторяемость в процессе познания может сыграть прогрессивную роль лишь на некоторых его этапах, когда осуществляется количественное накопление эмпирических фактов, подготавливающее базу для качественного скачка знания на более высокий уровень.

Диалектическая повторяемость в процессе развития воспроизводит исходное не в полном объеме, а лишь в некоторых свойствах и признаках. В.И.Ленин указывал на эту специфику момента повторяемости в развитии: "Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе (отрицание отрицания)..."⁵ И момент повторяемости в процессе преемственности, обнаруживая черты, сходные с предшествующим состоянием, представляет их на более высоком уровне развития. Преемственность в процессе познания, повторяя в преобразованном виде некоторые исходные познавательные структуры, выполняет функцию их утверждения, закрепления в процессе дальнейшего развития данной системы знания.

Термин "наследственность", употребляющийся в науках о живых организмах, отражает присущее всем организмам свойство повторять в

1 См.: Биллер Э.А. Преемственность в развитии культуры.

2 См.: Воробьев М.В. Об отрицании и "отрицании отрицания".

3 См.: Михлин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980, с.88-89.

4 См.: Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития. М., 1961, с.6-8.

5 Ленин В.И. Карл Маркс. Полн.собр.соч., т.26, с.55.

ряду поколений одинаковые признаки и особенности, обусловленные передачей в процессе развития от одного поколения к другому материальной структурой клетки программы развития из них новых особей¹.

Отношения наследственности устанавливаются между порожденными системами и их порождающими предшественниками.

Когда термин "наследование" употребляется в методологии познания, имеется в виду передача от одного поколения к другому навыков обучения, образования, традиций, идей, принципов, идеалов, определяемых как познавательно-методическими, так и социально-психологическими, идеологическими и политическими факторами. В отношении наследственности часто вступают исследования, научным предметом которых являются исторические процессы, характеризующиеся динамичностью и последовательностью причинной зависимости по отношению друг к другу. При этом исследователь, отражая естественный ход развития исторических процессов, вынужден обращаться к трудам предшественников, фиксирующих факты, констатирующие исходное, начальное состояние явления, и факты, констатирующие все последующие состояния. Но для установления отношений наследственности между сопоставляемыми теориями объективный признак генетического развития во времени предмета исследования недостаточен. А.И.Ракитов в качестве субстанционального регулятора отношений наследственности для всех суперсистем выделяет (стабильную) систему, включенную в более сложный системный объект, играющий роль хранителя эталонов конгруэнтности и информации и регулирующий основные процессы и преобразования в данном системном объекте². В качестве подобного субстанционального регулятора наследственности и когнитивной преемственности в системе научного знания он выделяет понятийную синтагму³.

Субстанциональным критерием и регулятором отношений наследственности между системами знания, на наш взгляд, может быть научная парадигма, аккумулирующая в себе основные идеи, философские принципы, методы исследования, идентичные для порождающих и порождаемых систем.

Содержательный характер наследования определяет направление дальнейшего развития научной мысли.

¹ См.: БСЭ т.17, с.244.

² Ракитов А.И. Философские проблемы науки. М., 1977, с.223.

³ Там же, с.226.

Понятие "заимствование" в научном познании отражает воспроизведение некоторых фактов, установленных предшественниками, некоторых концепций, понятий. Причины появления в исследованиях заимствований связаны с обращением к научным результатам, выводам предшествующих теорий, связанным с данными отношениями наследственности; открытием в параллельных исследованиях новых фактов и соответствующих им понятий; влиянием моды.

Освоение заимствований в научном познании идёт по двум направлениям: включением фактов, понятий, терминов в систему описания; включением понятий, концепций в систему значимостей. При этом заимствования будут иметь статус преемственности лишь в том случае, если они в новом контексте получают дальнейшее творческое развитие. Если же заимствования ограничены простым повторением предыдущих результатов исследований, они теряют научное значение, так как воспроизведение старых знаний несовместимо с творческим механизмом науки.

Диалектическое взаимодействие рассмотренных нами связей, отражающих отношения зависимости между качественно различными структурами знания, составляет структуру исторического процесса преемственности в научном познании. Понимание объективного взаимодействия качественно различных структур знания и составляет ступень научной преемственности в развивающейся системе знания.

К КРИТИКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ КОНЦЕПЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ

В.И.Марков (Томск)

Существующие работы по критике теории Франкфуртской школы, определяя её социальную сущность, указывают на концептуальные связи с мелкобуржуазной и либеральной идеологиями, подчёркивают влияние на круги интеллигенции и молодёжи¹.

Определение социальной сущности учения не сводится, на наш взгляд, к установлению теоретических взаимовлияний и социальной базы его распространения. Любая теория как мировоззрение обладает социальной сущностью, отличающейся от идеологической. Идеологическая сущность – системное качество и она исторически изменчива, мировоззренческая же – закреплена в фундаментальных положениях теории. Границы изменения идеологической сущности определяются социальной позицией субъекта, от лица которого ведётся познание.

Выявление специфического субъекта данного мировоззрения позволяет выяснить как перспективы идеологического его пользования, так и определить саму возможность адекватного познания с подобных социальных позиций.

В данной статье указанные проблемы решаются через анализ атрибутов субъекта, заложенных неявно в концепции отчуждения Франкфуртской школы.

Исследование собственного представления авторов концепции о её субъекте методологически перспективно при анализе взглядов Франкфуртских идеологов. Представители школы отличаются обострённым методологическим самосознанием и обосновывают претензии на истинность именно верным выбором субъекта познания. С другой стороны, сам выбор этого субъекта, помимо желания авторов, несёт в себе некоторые его действительные социальные характеристики, отличающиеся от иллюзорных самопредставлений. Расхождение это составляет уже первый момент критики.

Единственной методологически верной позицией социального познания является, по мнению идеологов школы, позиция собственного, но

¹ Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977. Социальная философия Франкфуртской школы. М., 1978. Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978. *Die Frankfurter Schule im Lichte des Marxismus.* Berlin, 1971.

внеклассового индивида, "тотального субъекта", наделённого общечеловеческими характеристиками и представляющего в теории общие интересы. Именно всеобщность субъекта является основой претензии на универсальность. Тезис об абстрактном индивиде теоретически вытекает из понимания классиками школы предмета и задач диалектики, как конкретного философствования о единичном, ¹ ибо статус реального существования признаётся только за единичным.

Принципиальная теоретическая несостоятельность такого подхода уже подвергалась критике. Для нас сейчас важно другое. Сам выбор абстрактного индивида, как отправной точки теории говорит об определённой позиции действительного субъекта теории. Здесь уже заложены в самом общем виде такие его характеристики, как обособленное положение в системе общественных связей, противостояние обществу. Эта позиция отчуждает индивида от общества ещё до того, как исследовано реальное отчуждение.

Ещё более важно, с критической точки зрения, что на самом деле ни один теоретик не может вести анализ, отталкиваясь от действительно абстрактного индивида. Надеясь его общечеловеческими качествами, исследователь фактически использует имеющиеся у него представления о некоем "естественном", "среднем" индивиде, его потребностях и страданиях. Теоретической формой представления о подобном индивиде является, прежде всего, понимание атрибутов человеческой природы.

Природа человека определяется в работах франкфуртских идеологов на двух уровнях, соответственно внутреннему делению школы, включающей "классическую" концепцию Хоркхаймера-Адорно и особую ветвь, представляемую Г.Маркузе. Для Хоркхаймера и его последователей наиболее существенным определением человека является его разумность ². Маркузе, отталкиваясь от подобной трактовки, откровенно построенной на идеалистической позиции, пытается найти материалистически понимаемый базис самой разумности и обретает его в совокупности фрейдистски истолкованных первичных импульсов в сфере чувственности индивида ³. Таким образом, в любом варианте человек, а точнее субъект их собственной концепции, — это чувственное, мыслящее, по отношению не деятельно-практическое существо.

Ещё более чётко подобная характеристика субъекта вписывается при анализе системы его потребностей. В одном случае разумно осоз-

1 M. Horkheimer. *Notizen 1950 bis 1969 und Dämmerung. Tz/m, 1974, s. 2.*
2 A. Schmidt. *Hegel in der kritischen Theorie der Frankfurter Schule. — In: Aktualität und Folgen der Philosophie Hegels. Tz/m, 1979, s. 22.*
3 H. Marcuse. *Counterrevolution and revolt. Boston, 1972, p. 67.*

нанные, в другом — связанные с чувственным удовлетворением, эти потребности не включают в себя потребность в материальной производительной деятельности. Критика деятельного, а тем более трудового понимания природы человека составляет заметный акцент в работах франкфуртских теоретиков. Адорно подчёркивает, что сила индивида заключается, прежде всего, во внутреннем преодолении социальной противоречивости¹. Для Хоркхаймера перевод идеальных устремлений в практическую деятельность вообще является симптомом культурного кризиса². Человеческий труд у него изначально отчуждён, поскольку отчуждение начинается уже с использования инструментов³.

Дальнейшая конкретизация социальных характеристик субъекта теории достигается на основе анализа заложенных в концепции представлений о месте "среднего" индивида в системе социальных отношений и о совокупности явлений отчуждения, которые он испытывает.

Отношение этого индивида к производственной деятельности достаточно чётко выявилось уже при анализе его "природных" потребностей.

Положение субъекта теории в системе производственных отношений выясняется через ряд косвенных моментов. Прежде всего во всех работах школы отсутствует подлинная диалектика производительных сил — производственных отношений. Этот момент наиболее чётко явлен в так называемом "модернизированном варианте критической теории общества" Ю.Хабермаса. Место производительных сил занимает у него труд, место производственных отношений — "интеракция", они представляют собой две параллельные составляющие исторического развития. Производственные отношения, сведённые к коммуникативной "интеракции", — не просто результат непонимания их сущности, но определенная позиция субъекта теории, результат его обособленности в системе этих отношений.

Принципиальным моментом для критики является также искажение и преуменьшение роли отношений собственности в отчуждении и его преодолении. Для Хоркхаймера, например, отчуждение — вообще не экономическая, а антропологическая проблема⁴. Стремясь избежать налёта апологетики, теоретики школы предпочитают использовать этот тезис в суждениях, относящихся не к капитализму, а к перспективе возможного преодоления отчуждения. В таком контексте он выступает как те-

1 Die Frankfurter Schule im Lichte des Marxismus... S. 8.

2 M. Horkheimer, Zur Kritik der instrumentellen Vernunft.
FrjM, 1974, S. 14.

3 Ibid., S. 47.

4 M. Horkheimer, The Authoritarian State-In: The Essential
Frankfurter School Reader, N.Y., 1978, p. 116-117.

зис о недостаточности экономических преобразований для преодоления отчуждения. По Хоркхаймеру, в результате таких преобразований положение станет даже хуже, поскольку исчезнет нужда, а с ней и мотив борьбы за преодоление бесчеловечности¹.

Отношение субъекта франкфуртской теории к проблемам собственности находит своё продолжение и объяснение в его связи с отношениями распределения. Отчуждение в концепции получает некое значение противовеса, заменяет, как фактор угнетения, экономическую эксплуатацию. Хабермас на этой основе решительно критикует Маркса, который не разделил две совершенно различные проблемы: нищету и подавление². При этом авторы исходят из априорного тезиса, что материальная нужда исчезла в современном мире. Маркузе говорит об "объективном сужестве" для современного индивида и скрывающемся за ним отчуждении³. Таким образом, если невнимание к экономическому положению говорит о месте субъекта на социальной лестнице, то иллюзия о потере подобной заинтересованности всеми слоями определяет и географическую узость субъекта, тесную связь его с определёнными капиталистическими странами.

Для определения места субъекта франкфуртской концепции отчуждения в социальной структуре характерно элитарное его отношение ко всему, что связано с массой, "толпой". Это проявляется в общем для всех франкфуртцев диагнозе болезни эпохи — "смерть индивида". В последних работах Хоркхаймера отчуждение от массы перерастает временами в явную враждебность, так как "то, что определяется массой, всегда направлено против индивида"⁴.

Таким образом, субъект "критической теории", втягиваясь в коллективные, организованные формы социальной жизни, считает этот процесс одним из основных проявлений отчуждения, уничтожающего его бережно хранимую "самость". Этих моментов достаточно, чтобы отвергнуть возможность идентификации исследуемого субъекта с действительным большинством трудящегося человечества. Проанализируем, в каком же отношении находится к господствующим верхам.

Прежде всего характерен общий методологический подход школы, рассматривающей все социальные явления с позиции "от индивида" и принципиально отвергающей возможность и истинность оценок "от об-

1 M. Horkheimer. *Notizen...* S. 69.

2 J. Habermas. *Philosophisch-politische Profile. Tübingen, 1971, S. 217.*

3 H. Marcuse. *An Essay on Liberation. Boston, 1969, p. 165.*

4 M. Horkheimer. *Notizen...* S. 84.

щества". Такая позиция несвойственна идеологии господствующего класса, который обычно стремится к противоположному — представить свой особый, частный интерес, как интерес всеобщий.

Специфична и отчуждённость субъекта теории от процесса реального управления обществом. Для школы свойственна мистификация власти. Это "аппарат", руководящий от имени целого, некой абсолютной рациональности, все политические силы растворены в нём, свободой действия не обладает никто. С другой стороны, франкфуртские идеологи придают преувеличенное значение проблемам управления и как источнику отчуждающих сил, и с точки зрения преодоления отчуждения. Адорно считает, что базисным моментом жизни современного общества являются не производственные отношения, а административные¹. Пессимист Хоркхаймер выказывает панический страх перед перспективой тотального "управляемого мира, а "левый" Негт считает самоуправление критерием истинно социалистических преобразований². В системе ценностей субъекта теории участие в управлении занимает ведущее место, заслоняя экономические аспекты отчуждения. Это то, от чего он был отлучён, чего ему в первую очередь не хватает, чтобы не чувствовать себя отчуждённым существом в иррациональном мире.

Итак, выяснилось, что исследуемый субъект по целому ряду признаков стоит вне основных классов общества. Это подтверждается и специфическим характером критики "индустриального общества" со стороны франкфуртских идеологов. Маркузе подчёркивает, что ведёт критику с точки зрения некоего трансцендентного Итого, внешнего по отношению к этому миру: "Внешнее, о котором я говорил, нельзя понимать механистически, в пространственном смысле; это качественно другое, которое превосходит противоположности, существующие внутри антагонистически разделённого целого, как противоположность труда и капитала, и несводимо к ним"³. У Хабермаса сходный мотив проявляется в понимании идеальной модели социологической теории как стоящей выше реалий классово-вой борьбы, чья цель — выявлять общий интерес, а функции соответствуют функциям адвоката.

Вполне понятно, что с такой внешней позиции историческая необходимость представляется слепой иррациональной силой, перспективы прогресса неясными, а сама история поражает отсутствием всякого

1. *Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? Verhandlungen des 16. Deutschen Soziologentages*. Hrsg. T. Adorno. Stuttgart, 1969, S. 20.

2. O. Negt. *Keine Demokratie ohne Sozialismus*. Tübingen, 1977, S. 466.

3. *Urn. ru: Die Frankfurter Schule im Lichte des Marxismus*. S. 35.

смысла. Эта устрашающая модель будущего иногда приобретает более определённый социальный адрес, и тогда выясняется, что грозит не какой-то туманный "прогресс", а тот факт, что "учение Маркса станет основой господствующего аппарата последующих веков, вместо того, чтобы занимать скромное место в истории европейской философии"¹. Эти фаталистические и даже эсхатологические мотивы указывают на тот факт, что субъект теории не только не обладает исторической перспективой, но и стоит по своим характеристикам ближе к консервативной стороне.

Каждая социально-философская система, обладающая идеологическим значением, несёт в себе социальную программу, хотя бы в виде определённого идеала. Анализ этого идеала выявляет не только актуальные социальные позиции субъекта теории, но и его исторические потенции, мотивы критической позиции, историческую определённость.

Характерен прежде всего метод формирования идеала. Для прогрессивных классов методом является научная экстраполяция объективно существующих тенденций данного общественного состояния. Эти же тенденции определяют и содержание идеала, получающего, таким образом, статус не только отражения социальных интересов, но и научно-го прогноза. Для реакционных классов характерна лакировка, реформистское обновление существующего, содержание идеала в своих фундаментальных чертах повторяет его особенности. Промаскуточные слои, обладающие определённой исторической перспективой, имеют тенденцию к конкретному отрицанию, признающему необходимость моментов преемственности в нём. Содержание идеала при этом в ряде черт приближается к научному прогнозу, созданному идеологами революционного класса. Слои, не обладающие исторической перспективой, склонны к абсолютной негативности, негация является единственным методом, позволяющим сформулировать собственный идеал. Критическая оценка настоящего выступает в форме сравнения с прошлым состоянием.

В рамках концепции отчуждения абсолютная негация существующего как единственно возможный метод суждения о неотчуждённом идеале обосновывается идеологами школы абсолютным господством отчуждённого сознания в репрессивном обществе, "из несвободы не видно будущее"². Авторы сознают, что идеал, формируемый подобным образом, не может не быть всего лишь зеркальным отражением настоящего, это вы-

1 M. Horkheimer. *Notizen...* S. 77.
2 *Revolution oder Revolt?* H. Marcuse and K. Popper.
Eine Konfrontation. 1970, S. 18.

зывает нотки пессимизма в отношении возможностей прогноза, но сам тезис остаётся неизбылемым. "Критическая теория общества не обладает понятиями, которые могли бы перекинуть мост между настоящим и будущим и не может предсказать успеха, оставаясь всегда негативной", — пишет Маркузе¹.

Теоретической и мировоззренческой основой для критического отрицания существующего является для теоретиков школы сражение с прошлым неотчуждённым состоянием. На шкале ценностей субъекта теории прошлое всегда стоит более высоко, чем настоящее, а настоящее — лишь прообраз бедствий будущего. Отсюда характерен, с одной стороны, примат прошлого в идеале, с другой — привязанность к настоящему, преувеличение его абсолютности, иногда даже с оттенком апологетики. Надежды на лучшее будущее для Хоркхаймера и Адорно равносильны неуважению к страданиям настоящего². В.Ф. Хауг справедливо отмечает, что несмотря на всю кажущуюся утопичность, мысль Маркузе слишком связана с существующим, новое, "совершенно иное" носит подозрительный оттенок "возврата к чему-то", оттенок прошлого³. Маркузе возражает, что речь идёт не о "возврате к предыдущим ступеням цивилизации, но о возврате к воспроизводимому "утраченному времени" в реальной жизни человечества"⁴. Такое толкование, если и помогает избежать обвинений в политической реакции, оставляет, однако, налёт консерватизма на самом идеале.

Направленность в прошлое идеала неотчуждённого индивида и общества, свойственного идеологии исследуемой школы, не вызывает сомнений. Остаётся определить, какое же реальное историческое прошлое послужило источником формирования подобной концепции "золотого века".

Симпатии франкфуртских теоретиков относятся к определённому историческому периоду. 19-й век в Европе — это время, когда, по Хоркхаймеру, наличие множества некрупных предприятий гарантировало гуманные нормы конкуренции, когда совпало два нетождественных процесса — прогресс и рост свободы индивида⁵. Именно тогда свободная "политизированная общественность", контролируя аппарат власти,

1 H. Marcuse. *One-dimensional man*. London, 1969, p. 257.

2 T. Adorno, M. Horkheimer. *Dialektik der Aufklärung*. Amsterdam 1947, S. 267.

3 Antworten auf H. Marcuse. Hrsg. J. Habermas. Tübingen, 1968, S. 61.

4 H. Marcuse. *An Essay on Liberation*. Boston, 1969, p. 90.

5 M. Horkheimer. *The End of Reason*. In: *The Essential Frankfurt School Reader*... p. 37.

реализовала идеал общественного устройства, как он представляется Ю.Хабермасу. Кирххаймер более прямо указывает, в чём, собственно, состояла главная позитивная черта политической жизни – деньги тогда означали власть¹.

Таким образом, не только возникает картина определённого общественного устройства, но и набор идеальных черт его, которые могли казаться таковыми только совершенно определённым слоям. Ещё более чётко классовая сущность экскурса в прошлое, совершаемого франкфуртскими теоретиками, проявляется при анализе атрибутов неотчуждённого индивида. Прежде всего он был "независимым экономическим субъектом", с исчезновением которого исчезает субъект вообще. Он обладал свободой предпринимателя, имел возможность планирования своей жизни и, в то же время, свободного, "спонтанного" поведения². "Засота о собственности, при регулируемой конкуренции под охраной закона, – поучает Хоркхаймер, – всегда была конституирующей для Эго. Рабы и пауперы не имеют индивидуальности"³. Так, выясняется, что идеал Франкфуртской школы – это ретроутопия, обременённая ценностями прошлого, ценностями узко социальными, пытающаяся с этих позиций судить настоящее.

Проведённый анализ атрибутов субъекта концепции отчуждения Франкфуртской школы выявил его социально-ограниченный характер. Ограничено и восприятие этим субъектом реального многообразия явлений отчуждения. Отчуждение представляется ему в виде действия неясных по истокам факторов, угрожающих существованию его индивидуальности, и складывающихся в общую картину, часто концептуально не связную, реальных и ожидаемых бедствий. К этим факторам относятся угроза вовлечения в производственную деятельность, сама необходимость труда, воспринимаемого всегда как отчуждение. Этому соответствует перспектива вовлечения в организованные формы социально-политической жизни. Угрозой является и растущая тенденция к слиянию с массой, растворению в ней. Как отчуждение воспринимается отлучение от связи с господствующим классом, от участия в управлении общественными процессами. Короче говоря, отчуждение – это лишение всего того, чем обладал этот субъект в прошлом, когда он являлся "свободным экономическим субъектом", когда деньги означали власть, и он, наравне с подобными, определял судьбы общества.

1 O. Kirchheimer, *Changes in the Structure of Political Compromises*. – In: *The Essential Reader*... p. 70.

2 M. Horkheimer, *Zur Kritik der instrumentellen Vernunft*. *Film*, 1974, S. 134.

3 M. Horkheimer, *The End of Reason*... p. 307.

. Проанализированные моменты франкфуртской концепции позволяют утверждать, что субъект, от лица которого она выступает, обладает целым рядом весьма определённых социальных характеристик.

Возникающая картина отличается от собственных утверждений франкфуртских идеологов о представительстве общих интересов. Если учесть огромное методологическое значение, которое придаётся в "критической теории общества" правильному выбору социальной позиции субъекта познания, можно сделать вывод, что с точки зрения собственных критериев претензии на универсальность оказались не состоятельными.

Видимо, нет необходимости ещё более узко определять социальный адрес франкфуртской концепции, достаточно утверждать, что реальным прообразом концептуального субъекта отчуждения является та часть "средних слоёв", которая обладает выясненными выше атрибутами. Собственная социальная позиция авторов столь явно наложила отпечаток на теорию прежде всего в силу применения порочного методологического приёма. Наука не может являться наукой о единичном индивиду и тем более претендовать, что он несёт в себе закономерности общего. Только посредством анализа классового, типичного, особенного, причём такого особенного, которое несёт в себе богатство единичного и общего, можно охватить в познании все уровни социальной жизни.

Субъектом теории отчуждения в марксистской методологии является рабочий класс. Его позиция в мире несёт с собой и определённые преимущества в социальном познании. Позиция рабочего класса позволяет представить все уровни реального отчуждения, от конкретно-единичного в труде рабочего, поскольку судьба рабочего всё больше становится судьбой большинства населения, до общественно-исторического, поскольку рабочий класс с определённого этапа представляет интересы общественного целого. Благодаря цельному всеохватывающему характеру практики рабочего класса, высвечиваются все уровни, деятельность всех субъектов отчуждения. Субъект марксистской теории интернационален, он отражает общность интересов всех трудящихся планеты. Субъект марксистской теории прогрессивен, обладая исторической перспективой, он способен выйти за пределы отчуждённого сознания, познать его как переходящее историческое явление. Субъект марксистской теории связан с определяющей, базисной формой отчуждения, отчуждением труда, что позволяет наиболее чётко представить сущность явления.

Узость субъекта теории отчуждения франкфуртской школы как по сравнению с марксистским субъектом, так и по сравнению с реальным многообразием явлений отчуждения, не позволяет ему в принципе создать теорию, адекватно отражающую общественную реальность, исследующую причины, сущность и перспективы преодоления отчуждения.

Указанный принципиальный недостаток позволяет не только сделать гносеологический вывод о невозможности познания отчуждения с подобных позиций, но и наметить границы использования критического заряда франкфуртской концепции в современной классовой и идеологической борьбе.

С одной стороны, эта концепция отражает некоторые, наиболее общие, в основном социально-психологические моменты отчуждения, воздействующие на все слои населения, что и позволяет ей в определённые периоды находить довольно широкую базу в демократической общественности.

С другой стороны, франкфуртская концепция может претендовать на анализ отчуждённого общества только на этом, предельно абстрактном уровне, уровне не сущности, но явления. Это предполагает использование её критического потенциала только на первых этапах демократической борьбы. Дальнейшие этапы последней нуждаются в теории, раскрывающей саму сущность явления и перспективы его преодоления. Это показывает историческую узость, бесперспективность теории с точки зрения задач демократической борьбы.

Наконец, франкфуртская концепция несёт в себе некоторые моменты, характеризующие её как реакционную, антидемократическую идеологию. Социально узкая, привязанная в своих идеалах к прошлому, отрицающая своей антикоммунистической, антисоветской направленностью реальные модели будущего, по мере углубления демократического процесса, она всё более превращается в реакционную идеологическую силу.

РОЛЬ КЛАССИФИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ (на примере проблемы классификации социальной информации)

Н.Д. Данилина (Томск)

Классификации в практике науки давно служат мощным орудием познания. В ряде случаев создание классификации равносильно выдающемуся и даже эпохальному открытию (классификация К.Линнея, периодическая система элементов Д.И.Менделеева).

Тем не менее теоретическое изучение классификаций как средства познания — актуальная проблема методологии науки, о чем свидетельствуют материалы Всесоюзного семинара по проблемам классификации¹.

Но если слабо изучены методологические возможности классификации естествознания, то в общественном — это почти белое пятно, хотя обществоведы (философы, историки, экономисты, социологи и др.) пользуются классификациями не менее широко, чем естествоиспытатели. Достаточно сказать, что уже в античной философии мы находим, например, классификацию форм государства у Аристотеля.

Классификация как логическая операция лежит в основе всевозможных типологий, периодизаций, группировок — характерных примеров в истории, культурологии, социологии и т.п.

Все классификации, с одной стороны, выступают как система знаний об определенном объекте, а с другой — являются способом организации этих знаний. Авторы, занимающиеся теорией классификации, выделяют несколько типов классификаций. Так, С.С.Розова выделяет классификации описательные и сущностные².

Примерно такое же деление классификаций мы находим в статье С.В.Мейена и Ю.А.Шрейдера "Методологические аспекты теории классификации", которые выделяют экстенциональные и интенциональные классификации. Экстенциональные или дескриптивные классификации связаны с внешними признаками объекта, а интенциональные — с внутренними, сущностными характеристиками. В рамках общей теории классификации экстенциональные (описательные) и интенциональные (сущностные) типы представляют собой прямые противоположности. Но эти противоположности находятся в единстве, так как отражают, по сути дела, общий путь познания: от явления к сущности, от сущности первого по-

1. Розова С.С. Философское осмысление классификационной проблемы. — Вопросы философии, 1980, № 8, с. 163 — 165.

2. Розова С.С. О видах научной классификации. — В сб.: Строительство коммунизма и философские науки. Новосибирск, 1963.

рядка к более глубокой сущности и т.д.

Роль указанных типов классификации в познании не одинакова. Первые помогают выяснить, в каких формах существует нечто общее, подлежащее изучению, позволяют привести к удобному виду имеющиеся эмпирические знания (результаты). Вторые представляют собой своеобразную вершину исследований, некоторый окончательный результат, вскрывающий сущность изучаемого класса объектов. В процессе познания происходит переход от экстенсинальных классификаций к интенсинальным.

Теоретически процесс классификации предполагает уже заданную предметную область и структуру классифицируемого объекта с определенными известными исследователю связями между составляющими их элементами. На практике же классификатор сталкивается с новыми, часто не предусмотренными теоретической схемой объекта, признаками. Это меняет объем и структуру понятия, обозначающего классифицируемый объект. Поэтому в процессе классификации изменяется и само представление о классифицируемом объекте и в этом смысле любая классификация является одновременно и целью, и инструментом познания.

Кроме выделенных выше типов имеется классификация, целью которой является изучение не только и не столько самого классифицируемого объекта как такового, сколько процессов его взаимодействия с другим предметом, выступающим в конкретном исследовании непосредственным объектом изучения. Основанием в этом типе классификации выступают такие признаки классифицируемого объекта, которые существенны для его взаимодействия с другим изучаемым объектом. Назовем такие классификации прагматическими. Все классификации обусловлены, в принципе, характером объекта и интересами (потребностями) субъекта.

Отсюда вытекает, как нам кажется, особенности классификаций в социальном познании.

С точки зрения особенностей объекта имеет значение изменчивость, историчность общественных явлений. Поэтому изменение классификаций в ходе развития познания может быть отражением не только углубления познания или исправления ошибок, но и отражением изменений в самом объекте.

С точки зрения особенностей субъекта социального познания, существенно классовая принадлежность, мировоззрение классификатора. Они оказываются на выборе оснований классификации, её идеологических целей.

Отсюда следует, что к социальным классификациям нельзя подходить

только как к логическому приему, требующему лишь сугубо научной оценки. Часто классификации выступают как носители идеологического принципа, мировоззренческой идеи (например, периодизация истории, культур, цивилизаций у Шпенглера).

В качестве примера всего ранее изложенного рассмотрим некоторые подходы к классификации социальной информации с точки зрения их познавательного значения, имеющиеся в марксистской литературе. Так, А.Д.Урсул, исходя из идеи о неразрывной связи информации и отражения, делит социальную информацию в соответствии с формами общественного сознания (естественно, здесь речь идет о той информации, которую автор называет идеальной). Это политическая, правовая, научная, философская, эстетическая, этическая, религиозная. Эти виды социальной информации автор считает основными ¹.

Обширную классификацию мы находим у В.Г.Афанасьева, который классифицирует информацию по нескольким основаниям как содержательного, так и формального характера. Так, если за основу классификации берется объект управления, то можно различать экономическую, идеологическую, научно-техническую и др. информацию (в соответствии с различными сферами общественной жизни, подвергающимися управленческому воздействию). В зависимости от субъекта управления различают партийную, государственную и т.п. информацию.

В качестве основания для выделения различных видов социальной информации могут служить и функции, которые она выполняет, материальные носители, направленность и границы её циркуляции ². Кроме того, социальную информацию классифицируют по степени её соотношения с действительностью, по сферам применения, по степени организации и т.д. ³

Даже при первом приближении к существующим классификациям становится очевидным, что сколько-нибудь единой и достаточно полной классификации социальной информации в литературе нет. Подавляющее большинство имеющихся классификаций представляют собой простое механическое перечисление легко выделяемых на эмпирическом уровне видов социальной информации.

1. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. - Философские очерки. М.: Наука, 1975, с. 200-205.

2. Ленинизм и управление социальными процессами при социализме. М.: Мысль, 1973, с. 163 - 164.

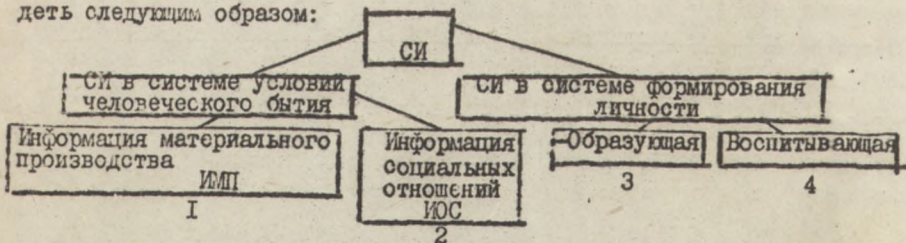
3. Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. О сущности, видах, свойствах и функциях социальной информации. - В сб.: Научное управление обществом. М.: Мысль, 1977, вып. 2, с. 162 - 163, 166 - 167.

Часть из них можно отнести к описательным (дескриптивным) классификациям, скажем, деление социальной информации на экономическую, политическую, научно-техническую и др. Иногда в одну схему объединяются виды (типы, формы), выделенные по различным основаниям¹.

Современное состояние классификации социальной информации отражает уровень познания самой социальной информации, и новые классификации освещают этот феномен с новых сторон. Главная трудность заключается в том, что ныне остается дискуссионным вопрос о самом понятии информации вообще и о социальной информации, в частности. Понятно, что невозможно создать сколько-нибудь единую классификацию об объекте, суть которого еще неясна и сама является предметом изучения. Мы попытаемся составить еще одну прагматическую классификацию, подчиненную анализу взаимосвязи социальной информации и общественного прогресса. Имеющиеся типологии и классификации социальной информации не могут быть использованы для решения данной проблемы в силу отсутствия в них тех признаков, которые бы отражали связь и взаимодействие социальной информации и социального прогресса.

Общественный прогресс в самом общем плане включает в себя два главных элемента: прогресс в условиях человеческого бытия и прогресс самого человека (разумеется, с точки зрения его социальных качеств). Это объективное внутреннее членение общественного прогресса и будет первым общим основанием для нашей прагматической классификации. Её основными блоками будут, соответственно, информация в системе условий человеческого бытия и в формировании личности как динамической развивающейся системы. В первый блок входит информация материального производства и общественных отношений. Во второй блок входит информация, связанная с прогрессом личности. Назовем ее образующей и воспитательной.

Итак, предложенная нами классификация схематически будет выглядеть следующим образом:

1. См. напр.: Тихомиров Ю.А. Научная организация управления. М., 1973.

Характер первых трех типов социальной информации одинаков - они существуют, главным образом, в виде данных, фактов, теорий. Четвертый тип имеет особый характер - эмоционально -образный, хотя и не исключает и перечисленных выше форм.

Неодинаков характер движения и каналы передачи этих типов социальной информации. 1-й и 3-й типы - это преимущественно организованная, узконаправленная информация. Она рассчитана на определенного потребителя, обладающего уже некоторой подготовкой к её восприятию (некоторой информированностью). Такая информация специально подбирается, систематизируется и используется для достижения определенных целей. Каналами передачи служат, например, научно-техническая документация, школы передового опыта на предприятиях, система народного образования.

Четвертому типу информации в гораздо большей степени присущ элемент стихийности. Вероятно, потому, что воспитательным воздействием обладает все, с чем человек сталкивается в жизни. Организовать всю эту информацию в единую систему, подчинить её единой цели практически невозможно (по крайней мере, на современном этапе). Это связано, прежде всего, с борьбой двух противоположных идеологических систем на нашей планете, с остатками и пережитками прошлого в нашей стране.

Следует, однако, отметить, что наличие (а иногда и преобладание) элемента стихийности в воспитывающей информации вовсе не исключает её определенной организации и направленности. Более того, эти тенденции становятся сегодня все более очевидными. Об этом самым непосредственным образом говорит, например, принятое ЦК КПСС постановление "О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы". Одним из основных каналов воспитывающей информации является средства массовой информации, большая роль которых в распространении воспитывающей информации отмечена в указанном выше постановлении.

Другим общим основанием, важным в нашей прагматической классификации СИ, является её устойчивость: её можно разделить на устойчивую и неустойчивую. Такое деление является для нас важным, т.к. очевидно, что степень устойчивости информации является существенной чертой для взаимодействия с прогрессивным развитием системы (это достаточно хорошо уже доказали биологи и генетики).

Неустойчивая информация - это, прежде всего, устная информация, наиболее характерная для сферы повседневного человеческого общения.

Она хранится только в памяти индивида, более всего подвержена искажению (по содержанию). Но она имеет место и в других сферах. Так, если мы обратимся к основной классификации, то увидим, что все выделенные в ней типы могут существовать в форме устной информации.

Одним из достоинств устно⁴ информации является её непосредственность и подвижность. Она является одним из важнейших каналов повышения информированности населения. (Мы сейчас отвлекаемся от качественной оценки информированности, возникшей этим путем). Но она имеет и столь же существенные недостатки, главным из которых является её недолговечность. Она относительно легко может быть уничтожена. Она мало приспособлена для передачи во времени. (Это, конечно, не исключает того, что некоторые формы устной информации могут существовать во времени довольно долго, скажем, устная народное творчество: сказки, легенды, поговорки)

Устойчивая информация - это, во-первых, информация, зафиксированная в документах, научно-технической и художественной литературе, т.е. письменная информация и, во-вторых, - заключенная в других устойчивых носителях, например, в произведениях изобразительного и прикладного искусства, в орудиях и продуктах труда. Эта информация может быть передана не только в пространстве, но и во времени. Так, наскальная живопись несет нам информацию о быте, уровне культуры наших дальних предков, в орудиях труда заключена информация о путях и способах развития производительных сил человеческого общества и т.п.

Предложенная нами прагматическая классификация социальной информации не исчерпывает, конечно, классификационных возможностей в этом направлении, и является лишь попыткой составления такой классификации, которая может стать одним из инструментов анализа связи информации и общественного прогресса.

Ч А С Т Ь II

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СРЕДСТВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Г.И.Хмара (Ленинград)

Выявление механизмов функционирования и развития системы средств идеологического воздействия — неотложная как теоретическая, так и практическая задача, решение которой прежде всего направлено на оптимизацию управления многоступенчатым информационно-идеологическим процессом, протекающим через каналы этой системы и призванным вносить научное мировоззрение в сознание масс, содействовать коммунистическому воспитанию каждого советского человека. Актуальность этой задачи неоднократно подчёркивалась в решениях XXVI съезда партии и соответствующих постановлениях ЦК КПСС.

Естественно, что для определения общих и специфических тенденций функционирования системы средств идеологического воздействия необходимо проведение фундаментальных и широких исследований, а также всесторонний сравнительный анализ их итогов. Автор осуществил такую попытку в ходе монографического и диахронного исследования, которое проводилось в течение 15 лет с периодичностью съёма первичной информации в пять лет. В результате удалось выявить на основе социологического и социально-психологического анализа полученных статистических материалов следующие общие тенденции функционирования данной системы:

I. Средства идеологического воздействия в условиях развитого социализма и строительства коммунистического общества воздействуют на личность (социальные и демографические группы) одновременно. Невозможно выявить объективную картину структуры отношения и интересов населения к различным средствам идеологического воздействия, не учитывая степень одновременного их влияния на ту или иную аудиторию.

Однако характер воздействия тех или иных каналов на различные группы населения неоднозначен. Неодинакова и их популярность; она дифференцируется по социально-профессиональным, демографическим признакам населения и обуславливается объективными факто-

I Под одновременностью (единовременностью) понимается комплексное воздействие различных каналов на индивида (социальные группы, классы, население в целом).

рами макро- и микросреды, и, в частности, размещением производительных сил, отраслевой структурой того или иного региона, города, села, их пространственно-географическим расположением, а отсюда — социальным и демографическим составом населения, его национальными особенностями, уровнем культуры.

Степень популярности тех или иных средств идеологического воздействия изменчива и объясняется преобразованиями в экономическом, политическом, социальном, духовном развитии общества, конкретными политическими ситуациями, находится под воздействием достижений научно-технического прогресса, технической оснащённости различных каналов, радиуса и зон их влияния. Эти процессы составляют как бы главный социальный фон информационно-идеологического воздействия на массы.

В рамках целостной системы средств идеологического воздействия находятся в определённом состоянии, обуславливают развитие и эффективность влияния друг на друга. Такая же тенденция наблюдается во взаимодействии её подсистем. При определении "удельного веса" того или иного канала в общей системе в итоге обследования выявляется его "порядковое место" по степени непосредственного эффекта; по степени реализации функций (социальных целей); популярности у различных групп населения; направленности и содержанию социальной информации, идущей через данный канал; по массовости охвата и диапазону влияния. Это, в свою очередь, даёт возможность определить пути централизованного управления системой средств идеологического воздействия, а также специфику руководства её подсистемами и отдельными каналами. Так, приведённые ниже статистические данные (см. табл. I) наглядно иллюстрируют не только динамику одновременности использования населением Ленинграда тех или иных каналов для получения многопроблемной информации, но и различия их популярности.

2. Единая система средств идеологического воздействия по диапазону охвата её аудиторией вышла за рамки нашей страны. Она воздействует на мировую социалистическую систему, развивающиеся страны, а также оказывает влияние на капиталистический мир. Сферы её охвата условно можно назвать "информационным полем". Важно установить "радиус" и степень воздействия каждого вида информации, входящего в общий её поток, то есть определить границы влияния системы в целом. С этой целью возможно изучить "информационное поле" различных каналов, которое, с одной стороны, не совпадает, с другой, — имеет определённые "сектора" совмещения.

Динамика использования населением Ленинграда различных средств идеологического воздействия, форм общения для получения информации различного вида (в % к числу опрошенных)

Вид информации	Годы	Социально-экономическ.		Научная	Культура и искусство		Использование нуклеарными семьями в ЦР-дом 1975 г.			
		1965г.	1970г.		1965г.	1970г.				
Каналы	Годы	Средства массовой информации и пропаганды								
Радио		90	93	50	95	57	83	62	88	89
Телевидение		74	89	33	87	58	79	67	88	88
Газеты		89	93	58	90	57	83	59	85	90
Журналы		51	72	32	68	67	68	54	72	80
Книжки		34	74	18	65	37	69	37	79	84
Кино		49	62	26	58	36	54	59	76	38
Средства массово-политического воздействия										

Политинформация по месту работы
Лекции, читаемые обществом
"Знание" и др. организациями
Культпросветучреждения (политико-массовые и культурно-массовые мероприятия)
Беседы агитаторов по месту работы или жительства
Собрания, совещания общественных организаций

-	39	-	32	-	25	-	17	63
29	23	12	24	16	21	14	29	18
8	21	14	14	6	10	16	22	6
-	19	-	17	-	15	-	12	3
27	27	31	32	8	23	9	21	68

ФОРМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕНИЯ

Беседы с товарищами по работе	37	48	24	42	29	36	29	33	84
Беседы с друзьями в кругу семьи*	30	49	19	33	23	32	27	45	90
Беседы с соседями**	-	11	-	7	-	7	-	9	-
Беседы в туристических поездках по стране, в зарубежных странах	8	7	10	6	5	6	12	8	23
Случайные разговоры в местах общественного питания, в городском транспорте, торговле	14	3	10	4	11	3	12	5	10

* Ввиду того, что в Ленинграде большое воздействие на использование различных каналов оказывают факторы микросреды, особенно семейное положение, в 1975 г. автором было проведено исследование, выявляющее отношение к системе средств и психологического воздействия семьи как ячейки, изучались различные типы семей (в таблице представлена ядерная семья как перспективная в будущем).

** Данных нет, так как этот канал не исследовался.

Исследование данной проблемы позволит улучшить координацию деятельности каждого звена системы средств идеологического воздействия, что, безусловно, повысит её общую эффективность.

Ряд каналов, особенно телевидение и радио, а в значительной мере и печать, по диапазону влияния уже сегодня вышли далеко за географические границы. Большие перспективы в этом отношении имеет телевидение, так как человечество стоит на пороге мировой системы телевидения ("мировидения"). Исследование "информационного поля" этих каналов и общих зон их воздействия является актуальной как теоретической, так и практической задачей.

3. Переработка социальной информации в процессе информационно-идеологического воздействия происходит в определённой последовательности, отражая диалектику взаимосвязи объекта и субъекта информации. Субъект может выступать объектом, а объект-субъектом. Более того, переработка информации на уровне субъекта и объекта качественно различна. В работе показано, какие общие и специфические функции осуществляют субъект и объект в процессе переработки получаемой информации.

Диапазон воздействия совокупного субъекта информации неоднороден и дифференцируется по его уровням. Объясняется это тем, что на каждом конкретном уровне субъект информации реализует не только общие, но и конкретные, присущие только ему социальные цели. Основным субъектом информационно-идеологического воздействия, субъектом управления, определяющим в условиях нашей страны стратегию и тактику единой системы средств идеологического воздействия, выступает Коммунистическая партия Советского Союза, которая является руководящей и направляющей силой советского общества и ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций¹.

4. Каждый канал идеологического воздействия имеет свою аудиторию. Причём эта аудитория может одновременно (частично или полностью) быть объектом информации другого канала и, тем не менее, с позиции последнего она также будет специфична, так как при восприятии информации по этому каналу будут появляться её определённые особенности. К числу таких средств, аудитория которых частично совпадает, относятся радио, телевидение, газеты, кино и др. Однако подобная тенденция проявляется не во всех каналах. Ряд из них имеет свою целевую аудиторию (об-

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик. Раздел I, ст. 6.- Правда, 1977, 4 июня.

щие и специально образовательные каналы, система партийной учёбы и т.п.)

Объект информации с позиции субъекта может быть разбит на две группы: реальный и ожидаемый (предполагаемый). Реальным объектом является та массовая аудитория, которая систематически получает информацию из определённого канала. Ожидаемым — те группы и слои населения, которые являются потенциальными зрителями, читателями, слушателями, в которых предполагается включить в состав постоянной аудитории. Проблема перевода потенциального объекта информации в реальный может быть решена при учёте его конкретных интересов, запросов, социальных установок и ценностных ориентаций.

5. Селективность (избирательность) объекта информационно-идеологического воздействия в условиях зрелого социализма, с одной стороны, характеризуется тенденцией к однородности, что обуславливается стиранием классовых и социальных различий, с другой — неоднородна и дифференцируется по социальным, демографическим признакам различных групп населения, а также по структуре их социальных установок и ценностных ориентаций. Под селективностью объекта информации, то есть аудитории, понимается её активное избирательное отношение к использованию канала и видов информации для удовлетворения познавательных, эстетических, досуговых и других потребностей. Избирательность аудитории может определяться не только её внутренними побудительными механизмами (интересами, установками, ценностными ориентациями), но и актуализированной социальной потребностью макросреды. Тогда даже при недостаточно высоком уровне избирательности той или иной аудитории актуальная информация будет воспринята ею.

6. Восприятие субъектом и объектом многоплановой социальной информации, идущей через систему средств идеологического воздействия, осуществляется на логико-теоретическом и эмоциональном уровнях. Социальная практика в этом процессе выступает критерием истинности получаемых знаний. Однако результаты (эффективность) этого процесса неадекватны у субъекта и объекта информации.

Субъект непосредственно воплощает конкретную социальную информацию в определённые тексты, адресованные той или иной аудитории, причём прежде всего заботится о качестве материала, об его идейном уровне, политической направленности, злободневности, информационной насыщенности, убедительности аргументации, о соответствии размера содержания и формы подачи и т.п. Однако одно-

временно субъект информации (субъект I)^I осуществляет и другие функции объекта информации, то есть, с одной стороны, постоянно является объектом информационного воздействия макро- и микросреды, с другой — выступает объектом информации в процессе осуществления обратной связи с теми аудиториями, к которым он адресовался.

Объект информации, дифференцируемый по социальным, демографическим признакам, по роли и месту в общественном производстве под воздействием информации реализует убеждения и полученные знания в материальные или духовные ценности общества и, осуществляя свои совокупные социальные функции, выступает одновременно как субъект информации (субъект II) и как субъект деятельности, целям которой эта информация предназначена. Поэтому закономерен и интерес советских учёных к анализу её содержания, степени информативности, форме подачи знаний, к эффективности воздействия социальной информации в целом на многогранную деятельность членов развитого социалистического общества.

7. Структура интереса различных групп населения к политической, социально-экономической, научной информации, к проблемам культуры и искусства по общей направленности едина, а в зависимости от социальных и демографических их характеристик нетождественна. Большое воздействие на активизацию интереса масс к перечисленным видам информации оказывает авторитетность социальной информации, которая достигается объективностью, убедительностью, правдивостью, доказательностью и доступностью подачи информации через различные средства исследуемой системы. Авторитетность передаваемой информации зависит также от оперативности информирования населения о тех или иных актуальных событиях. Чем выше оперативность и одновременно объективность интерпретации того

I См.: Алексеев А.Н. Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы). Автореф. дис. ... канд. философ. наук. — Новосибирск, 1970, с. 11–16. Рассматривая субъектно-объектную связь в процессе коммуникации, автор правомерно называет субъект информации — субъектом I и объект информации — субъектом-II.

2 См.: Федотова Л.Н. Анализ содержания местной прессы, радио и телевидения как источников информации. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. — М., 1969; об. Проблемы контент-анализа. Н., 1970; Коган В.З. Проблемы осознания воздействия социальной информации. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. — Т., 1971; об. Методологические и методические проблемы контент-анализа. М. — Л., 1973; Вихарев Р.А. Роль социальных установок в восприятии газетной информации. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. — Л., 1974; Лидзе Т.М. Лингвосоциологические аспекты массовой информации. — Социологические исследования, 1975, № 4; Ляуистия М.П. Анализ содержания как метод исследования со-

или иного сообщения, тем выше авторитетность и эффективность воздействия тех каналов, через которые эта информация проходит. Всякое, даже незначительное, умаление этого ленинского методологического принципа пропаганды и агитации ведёт к идеологическим издержкам.

8. Всеобщей социальной целью системы средств идеологического воздействия в условиях развитого социализма и развернувшейся НТР является воспитание нового человека и достижение полного соответствия её многогранной деятельности запросам социального прогресса строительства коммунистического общества. Поэтому, чем оптимальнее данной системой, её подсистемами и каналами реализуются универсальные функции (образовательная, воспитательная, организационно-управленческая, эмоционального воздействия), чем теснее её деятельность связана с практикой коммунистического строительства, тем выше эффективность. Однако для осуществления сформулированной выше социальной цели важно в организации деятельности системы средств идеологического воздействия, её подсистем и каналов учитывать специфику характера их влияния. Результаты обследований показывают, что воздействие каналов данной системы при единой направленности всегда индивидуализировано¹, то есть адресуется конкретному человеку, сочетающему в себе богатство общего (общечеловеческого), особенного (коллективного) и единичного (индивидуального)².

В современных условиях значение этого ленинского принципа возрастает, так как его практическая реализация содействует всестороннему развитию личности и росту социальной активности каждого советского человека.

9. В результате комплекса проведённых обследований установлено, что характер влияния системы средств идеологического воздействия в современных условиях сочетает в себе как непосредственный эффект воздействия каждого канала, так и опосредованную эффективность всей системы в целом³.

Непосредственный эффект возникает в процессе получения инди-

циальной направленности массовой информации. Автореф. дис. канд. философ. наук., - М., 1976:

1 Данный принцип раскрыт в работах В.И. Ленина. См., например; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 272.

2 См.: Афанасьев В.Г. Об управлении идеологической сферой в социалистическом обществе. - Коммунист, 1975, № 12, с. 68.

3 До сих пор в теоретической литературе по данному вопросу нет единой точки зрения. Преимущественно рассматривается эффективность средств массовой информации и пропаганды.

видом или социальной группой информации (знаний, сведений, сообщений), передающейся через тот или иной канал, и вызывает активизацию их познавательной деятельности, то есть стремление и далее использовать конкретный канал для получения информации; повышение интереса к ней и желание использовать другие каналы для его реализации; расширение сферы информационного общения в микросреде (в семье); возникновение потребности к всестороннему развитию и т.п. Опосредованная эффективность единой системы в целом — это такое воздействие на объект информации каналов всей системы, которое воплощается в практической деятельности масс по реализации конкретных задач коммунистического строительства.

Критерии изменения опосредованной эффективности системы средств идеологического воздействия как целостной системы расчлениются на основной и частные. Основным критерием является активизация социальной направленности каждого человека и социальных групп общества в целом на реализацию совокупных общественных потребностей и интересов, определенных программой коммунистического строительства. Она проявляется прежде всего в уровне активности жизненной позиции каждого советского человека и обусловливается степенью его убежденности в необходимости вносить свой конкретный вклад в общее дело строительства коммунизма. Социальная направленность, как основной критерий, определяет и другие критерии эффективности влияния системы средств идеологического воздействия на реальное поведение человека в различных сферах деятельности в рамках социалистического образа жизни. К ним относятся: трудовая и социально-политическая активность; устойчивое стремление к повышению уровня образования, культуры, всестороннего развития и активное воплощение этого стремления, осуществление правовых и нравственных норм поведения; активная реализация функций в сфере семьи и быта. Каждый из перечисленных критериев имеет сложную внутреннюю структуру и подразделяется на сумму показателей, с помощью которых можно произвести измерение опосредованной эффективности информационно-идеологического воздействия в целом. Ввиду того, что это воздействие имеет определенную временную протяженность, измерение его необходимо вести постоянно, периодически сопоставляя полученные данные, доводя их до сведения трудящихся и стимулируя, тем самым их многогранную деятельность.

При оптимизации управления системой средств идеологического воздействия необходимо учитывать специфику отношения к ней.

различных групп населения. Одним из параметров, раскрывающих это отношение, является фактическое использование этими группами разных каналов идеологического воздействия, которое выступает как внешнее выражение деятельности людей. Реальное поведение в данном случае представляет собой сложную структуру обращения и одновременно информационного общения населения¹ с каналами идеологического воздействия как через прямой контакт, так и сложную систему технических средств. Частота обращения населения к различным каналам исследуемой системы отражает также интенсивность спроса и потребления социальной информации, массовость охвата населения этими каналами, одновременность их воздействия, место каждого средства в данной подсистеме или системе в целом, что дает возможность составить картину об общих и специфических особенностях функционирования системы средств идеологического воздействия, её подсистем и каждого отдельного канала.

В ходе исследования устанавливалось влияние степени урбанизации на отношение населения к различным средствам идеологического воздействия. Оказалось, что фактическое их использование, а также популярность каналов неоднозначна по городам, ввиду их специфики, и неодинакова внутри каждого города в зависимости от социальной и демографической структуры населения. Чётко определились некоторые общие тенденции: высокий уровень использования средств массовой информации и пропаганды во всех городах. Причём, чем крупнее город, тем больший процент населения черпает информацию из каналов этой подсистемы, исключения носят частный характер. В целом расхождения статистических данных по городам незначительны (см. табл. 2).

Средства подсистемы массово-политического воздействия (политинформации, лекции, читаемые обществом "Знание", беседы агитаторов; собрания и совещания как источник информации; мероприятия, проводимые культпросветучреждениями) используются недостаточно широко, хотя в малых городах обращение к ним более активно, чем в больших и средних.

По абсолютной частоте фактического использования населением городов различного типа средств идеологического воздействия можно разделить на три группы: с высокой частотой использования (газеты, радио, телевидение, книги, журналы, кино), средней (по-

¹ Проблема общения как единство отношения и обращения определена Б.Д.Парыгиным. (См.: Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971, с.188-190).

Таблица 2

Фактическое использование населением городов различных подсистем системы средств идеологического воздействия и форм информационного общения (% дан к общему числу опрошенных по каждому городу, по группам, "систематически черпающих информацию" и "часто, но не систематически").

Каналы	Ленин-град	Минск	Андижан	Лиепая	Алмады	Зугдиди
<u>Средства массовой информации и пропаганды</u>						
Газеты	94,8	95,7	94,9	93,5	90,2	91,7
Радио	93,7	92,9	89,9	89,6	87,9	91,2
Телевидение	82,4	90,6	92,9	90,7	92,5	89,8
Журналы	82,5	85,0	86,4	82,0	83,5	81,8
Книги	87,9	88,9	90,1	81,4	87,9	87,3
Кино	78,0	72,3	81,5	76,2	75,2	84,1
<u>Средства массово-политического воздействия</u>						
Политинформация по месту работы	37,3	55,2	50,6	46,8	42,3	51,3
Лекции, читаемые общ. "Знание" и др. орг-ми	26,1	37,8	31,5	31,3	27,6	47,5
Беседы агитаторов по месту работы и месту жительства	23,6	30,4	30,8	16,5	29,3	42,7
Политико-массовые и культурно-массовые мероприятия культ-просветучреждений	25,1	30,7	32,8	21,2	39,5	52,9
Собрания, совещания обществ. организаций	39,6	51,8	52,9	43,7	51,7	48,6
<u>Формы информационного общения</u>						
Беседы с товарищами по работе или учёбе	58,4	67,2	64,0	48,4	68,4	69,1
Беседы с близкими друзьями, в кругу семьи	55,8	54,8	60,7	43,3	57,6	62,9
Беседы с соседями	14,3	15,4	23,6	9,5	22,5	23,7
Беседы в поездках по стране и в зарубежных странах	6,0	8,2	11,9	10,9	9,9	22,5
Случайные разговоры в местах общественного питания, торговли, транспорте	4,8	5,0	8,9	3,8	5,7	20,8

литинформации, театры, музеи, выставки) и низкой (беседы агитаторов, лекции, читаемые обществом "Знание", политико-массовые и культурно-массовые мероприятия, проводимые культпросветучреждениями).

Среди форм информационного общения чаще используются беседы с товарищами по работе или учёбе, с близкими друзьями и в кругу семьи. Очевидно, что эти виды общения оказывают большее влияние на формирование как группового, так и индивидуального мнения по актуальным проблемам современности, ибо здесь обсуждается информация из официальных и неофициальных каналов. Прочие формы общения (беседы с соседями, в поездах, случайные разговоры в местах общественного питания, транспорта, торговли) в крупных и средних городах имеют низкую частоту использования и малопопулярны в отличие от малых городов. Определённое воздействие на использование различных форм общения для получения информации оказывают национальные особенности и традиции.

В крупнейших и больших городах на частоту использования различных каналов, особенно подсистемы средств массовой информации и пропаганды, определенное воздействие оказывает микросреда и прежде всего тип семьи, профессия и квалификация отца и матери, которые влияют на установки и нормы поведения членов семьи. Подобное явление типично для Ленинграда.

Таким образом, населением различных групп одновременно используются многие каналы и это вполне закономерно, так как для средств идеологического воздействия, как уже отмечалось, характерно одновременное функционирование.

Однако важно отметить, что понятия "одновременность функционирования" и "одновременность воздействия" неоднозначны. "Одновременность функционирования" означает согласованное взаимодействие элементов и компонентов исследуемой системы (подсистем, отдельных каналов) для более полной реализации её универсальных функций: образовательной, воспитательной, организационно-управленческой, эмоционального воздействия. Что же касается "одновременности воздействия", то это понятие рассматривается как единое централизованное влияние всей системы в целом, её отдельных подсистем, а также каналов на совокупный объект информации для осуществления всей программы формирования нового человека и его активной жизненной позиции. Через измерение одновременности воздействия устанавливается единовременное функционирование различных каналов в рамках общей системы.

Анализ богатейшей палитры статистических данных, их сравнение с результатами, полученными другими авторами, позволили выявить следующие особенности:

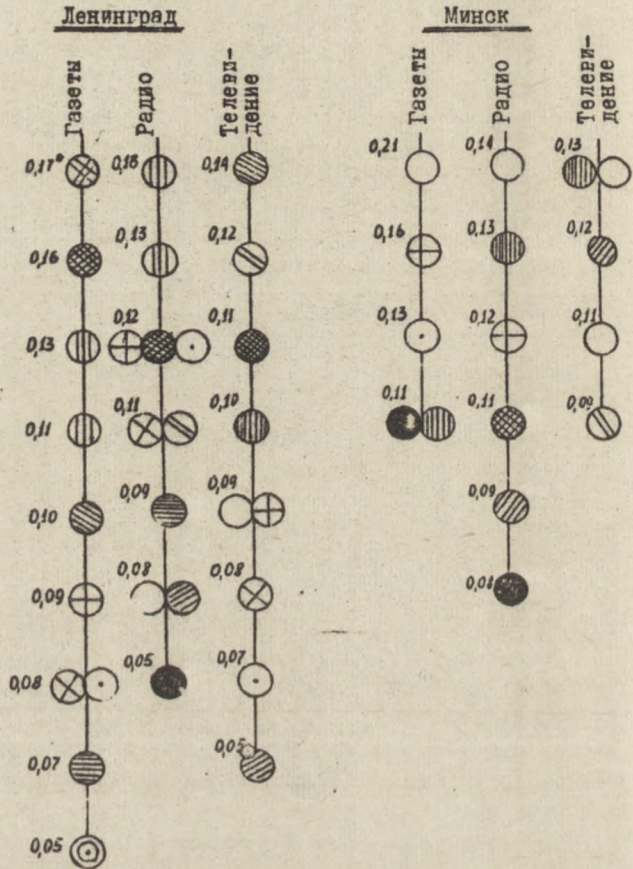
- социальная информация, идущая через каналы изучаемой системы, универсализируется по направленности, содержанию, хотя и различна по насыщенности, форме и методам подачи; это явление отражает сущность её единого целенаправленного функционирования, а также воздействие каналов данной системы на многоструктурную аудиторию; понятие "универсализации социальной информации" нельзя отождествлять с дублированием, которое, с одной стороны, может рассматриваться как одна из плоскостей универсализации - целесообразное дублирование информации с целью расширения сферы влияния средств идеологического воздействия на население в целом, с другой - как отрицательное явление за определённым пределом, снижающее эффект информационно-идеологического воздействия. Выявление этого предела требует специального изучения;

- эффективность воздействия системы в целом определяется степенью одновременного использования тех или других каналов населением; чем выше процент одновременно их использующих, тем выше непосредственный эффект каждого из них и сильнее единовременное влияние системы в целом;

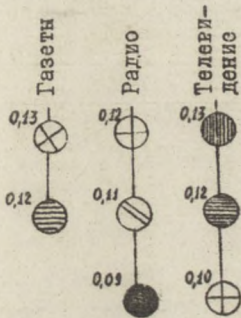
- наблюдается расширение одновременного воздействия различных каналов на население городов (в той или иной степени оно пользуется почти всеми каналами общей системы) и, вместе с тем, - дифференциация этого влияния в зависимости от предпочтения, доминирующего использования населением какого-то одного или группы каналов; такое предпочтение предопределяет очередность и частоту использования других средств идеологического воздействия.

Процесс информационно-идеологического воздействия, который протекает в рамках целостной системы, имеет как прямую, так и обратную связи, является открытым и незамкнутым. Поэтому естественно, что эффективная обратная связь в этом процессе может быть только при всестороннем знании коммуникатором структуры интересов аудитории к многоплановой социальной информации с учётом её социальных и демографических особенностей, а также интеллектуального её диапазона. Важно подчеркнуть, что в условиях лавинного роста информации, вызванного современной НТР, это требование приобретает всё большее значение, так как уже сегодня на первый план среди вопросов определения путей дальнейшего совершенствования управления системой средств идеологического воздействия на

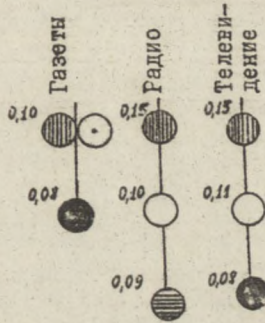
Последовательность роздействия социальных и демографических характеристик на избирательную способность населения городов различного типа к газетам, радио, телевидению.

Андижан

Лиепая

Обозначения:

	возраст		семейное положение
	пол		наличие детей
	образование		численный состав членов семьи
	сфера деятельности		доход на I члена семьи
	квалификация		заработная плата
	партийность		участие в общественной работе

Индексы даны по коэффициенту Т.

первый план встал вопрос повышения уровня информационной насыщенности каналов этой системы.

Повышение информационно-идеологической насыщенности системы в целом и каждой из её подсистем, каждого отдельного канала требует, по мнению автора, решения ряда вопросов: минимизации (сжатия) содержания потоков социальной информации для повышения её качества и ликвидации ненужного дублирования; определения объёма информации и рационального её распределения между каналами с учётом доминирующих видов информации в каждом; совершенствования переработки многопроблемной информации субъектом информационно-идеологического воздействия на всех его уровнях для передачи её объекту, а также форм и методов подачи социальной информации различного типа с учётом специфики каналов и его аудитории; раскрытия механизмов восприятия, усвоения, воспроизведения социальной информации различными группами населения; совершенствования технической и технологической оснащённости каналов данной системы на основе новейших достижений науки и техники.

В результате исследования организационных принципов деятельности того или иного канала удалось установить, что каждый канал имеет свой типичный, только ему свойственный принцип организации, который разнится по обследованным городам ввиду неадекватности социального и демографического состава населения. Приведённый пример наглядно иллюстрирует это положение.

Выявлена также общая тенденция последовательности воздействия социальных и демографических особенностей населения различных городов на избирательную способность к системе средств идеологического воздействия в целом, которую важно учитывать при осуществлении дифференцированного принципа её организации как единой централизованной системы. Иерархия этих факторов (от высшей степени воздействия - к низшей) следующая: образование, сфера деятельности, квалификация, возраст, заработная плата, пол, семейное положение, количество детей в семье, доход на одного члена семьи.

В заключение важно подчеркнуть, что изучение многосторонних аспектов развития и функционирования системы средств идеологического воздействия как целостного социального института развитого социализма требует прежде всего централизации и четкой координации исследований данного профиля; создания единого архива для сосредоточения и хранения уже имеющейся документации, оперативной разработки типовых программ, унификации и стандартизации ме-

тодов, методик, процедуры и техники исследования, расширения круга изучаемых проблем на основе выявленных тенденций развития и функционирования системы средств идеологического воздействия и отношения к ней населения, привлечения к её исследованию представителей различных научных направлений, решения вопросов интеграции и дифференциации их деятельности.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Б.А.Разумов - (Томск)

Организационная диагностика, называемая также информационной оценкой, представляет собой совокупность определённых способов выявления и анализу проблем социальной организации. Сложившаяся в русле системопрактики и, в частности, в рамках научного направления, известного под названием "конструирование организаций", организационная диагностика обычно сводится к эмпирическим методам, более или менее обоснованно репрезентирующим здравый смысл экспериментов. Результаты организационной диагностики сильно зависят от опыта и интуиции исследователя и это обстоятельство делает необходимым уточнение содержания понятия "проблема" в целях более эффективного применения его в социальном исследовании и проектировании.

В социологической литературе встречаются единичные попытки определения социальной проблемы. Так, В.А.Ядов называет проблемой "некое социальное противоречие, требующее организации целенаправленных действий для его устранения или выбора одной из возможных альтернатив социального развития"¹.

Понятие проблемы связывается также с неудовлетворённой общественной потребностью; сама проблема "выступает как стремление что-то изменить в сложившемся положении дел", а её решение "представляет как некоторая задача социального действия, связанная со специфическими для данной социальной системы процессами"².

У В.И.Куценко понятие проблемы прямо связано с понятием задачи, так что проблема выступает одной из форм "назревшей" задачи. Социальная задача, по мнению автора, отражает необходимость для субъекта осуществить в будущем определённую деятельность. Её объективными основами являются необходимость, потребность и интерес, а выражается она в задачах-решениях, целях, проблемах, нормах, обязанностях и других формах общественных требований. Важнейшие понятия, конституирующие задачу, определяются автором как условия и требования задачи, причём требования составляют главное содержание задачи и являются детерминантами отношения между её внутренними элементами. В контексте этих представлений социальная пробле-

¹ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972.

² Здравомыслов А.Г. Методология и процедуры социологических исследований. М., 1969, с.36.

ма определяется автором как "форма выражения и существования задачи, которая фиксирует:

1) развитие противоречий между её требованиями и наличными условиями её существования;

2) усиление недостаточности имеющихся средств этого существования;

3) нарастание неизбежности (при использовании только этих средств в их нынешнем состоянии) дезорганизующих процессов в системе, которая должна решить данную задачу;

4) необходимость поиска и создания новых средств, способов преодоления этих противоречий, выявления и реализации новых возможностей разрешения данной задачи"¹.

Определение проблемы как противоречия, проявляющегося в процессе деятельности между постановкой цели и возможностью её реализации, содержится и в коллективной монографии "Процесс социального исследования"².

В теории и практике управления весьма распространённым является представление проблемы как противоречия между целью и средствами её реализации. Такой подход отчётливо выражен, например, у А.Г.Раппопорта: "Ситуация, в которой перед деятелем стоит задача или цель, но отсутствуют средства её достижения... может быть названа "разрывной ситуацией". Отражённая в мышлении, такая ситуация выступает как "проблемная ситуация", а различные аспекты её сознания выступают как проблемы"³.

В системопрактике проблема определяется как ситуация, в которой есть два состояния: одно называется существующим, а другое — предлагаемым или желаемым. Существующее состояние, представленное существующей системой, является условием проблемы ("известным"). Предлагаемое состояние, представленное желаемой системой, является "неизвестным" и определяется целями, которые вытекают из внешних условий существования системы. Решение проблемы "описывает различие, существующее между двумя состояниями в терминах объектов, свойств и связей. Оно, далее, определяет способ, которым должно быть введено заполнение (между существующим и желаемым состоянием системы, — Б.Р.), чтобы получить определяемое состояние"⁴.

1 Куденко В.И. Социальная задача как категория исторического материализма. М., 1972, с.103.

2 Процесс социального исследования. М., 1975, с.37.

3 Раппопорт А.Г. Проектирование без прототипов. — В кн.: Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975, с.315.

4 Стафорд Л.ОПТИЕР. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1969, с.160-161.

Опуская детальный анализ перечисленных выше представлений о понятии социальной проблемы, отметим только наиболее существенные моменты:

- 1) проблема трактуется как противоречие в деятельности;
- 2) это противоречие связано с некоторой потребностью, стремлением, интересом и т.п.;
- 3) по мнению одних авторов, такое противоречие заключается в несоответствии действительного — желаемому, по мнению других, в несоответствии желаемого — возможному.

Само многообразие и даже пестрота представленных точек зрения свидетельствуют о том, что интуитивно ясное на первый взгляд понятие проблемы на самом деле является весьма сложным и неочевидным. Фиксация отдельных аспектов понятия проблемы обусловлена, конечно, определёнными исследовательскими интересами и задачами.

В одних случаях исследователи формулируют понятие проблемы в контексте сохранения функциональных характеристик объекта, когда цели социальной организации даны как нечто очевидное, но средства их достижения (возможности) не определены или отсутствуют. Тогда проблемой, естественно, называют указанное несоответствие. Однако это отнюдь не единственная ситуация, с которой имеет дело управление, можно даже утверждать, что в современных условиях — и далеко не первостепенная.

Другая ситуация представляет объект управления и социально-производственную систему в целом, в динамике её развития, и тогда на первый план выступают определение целей развития, а проблема трактуется как противоречие между существующим и желаемым (целью). Здесь цели развития приобретают форму ценностно-мотивированного проекта будущего состояния социальной организации, между тем как в первом случае цели формируются нормативно и служат для нормализации или простого количественного наращивания деятельности. Поэтому проблемы развития социальных организаций всегда основываются на признании ценностной неадекватности ситуации, а проблемы функционирования — на признании нормативной неадекватности ситуации. Проективная функция цели, следовательно, основывается в этих двух случаях принципиально различными способами. Кроме того, цель может быть каузально обусловлена факторами предметной сферы. Однако цель не исчерпывает содержания действия и в силу этого не может выступать в качестве единственного основания для выявления проблем.

Обратимся к общей характеристике ориентационного процесса в со-

пиальной системе: Его содержанием является вычленение ситуации действия посредством означения предметов, т.е. определения их ситуативного значения для системы. Это означение предметов возможно благодаря катектической функции культурных значений и целей. Формы ориентационного процесса суть ценностная, нормативная и проективная ориентации, а предметами ориентации являются элементы ситуации действия.

Когда поведение, заданное структурно-морфологическими особенностями социальной системы, характеризуется как "динамическая структура", между структурой и процессом устанавливается такое отношение, что инварианты процессов поведения образуют структуру системы. Поскольку деятельность всегда предметна, структура социальной системы выражает предметное содержание; поскольку же деятельность культурно ориентирована — это предметное содержание существует в виде идеализированных значений; последние имеют статус объективности (предметного знания) и могут принимать форму ценности, нормы и цели.

Таким образом, в процессе действия морфологическая структура социальной системы удерживает идеализированные значения, которые и составляют идеализированную структуру системы. "В идеализированную структуру действующих систем входят . . . типизированные значения, рефлексивно выражающие предметное содержание той системной деятельности, в рамках которого функционирует каждая действующая система". Следует подчеркнуть, что в деятельность входят не только типизированные значения, но именно последние образуют идеализированные предметы рефлексивного оперирования и тем самым являются средствами организации практической деятельности.

Истолкованная ценностно, нормативно и проективно, идеализированная структура выступает тем самым основанием, которое проблематизирует ситуацию действия. С этой точки зрения проблемная ситуация определяется как отношение между идеализированной структурой, представляющей модель действий системы, и актуальной ситуацией действия, а проблема определяется как отношение между отдельным идеализированным значением и предметным элементом ситуации. Указанное отношение выявляется в результате рефлексивного отнесения идеализированных значений и ситуации действия и установления функционального значения предметов по отношению к социально-производ-

ственной системе.

Важно подчеркнуть, что идеализированная структура не совпадает с феноменологией сознания и поэтому конструирование проблем не есть дело чистого произвола исследователя. Основа идеализированной структуры — это культурные значения, т.е. такие значения, которые уже испытаны общественной практикой или, по крайней мере, логически связаны с таковыми, и имеют относительно независимое от субъекта существование. В связи с этим возникает вопрос о содержании идеализированной структуры, представленной в рефлексии индивидуализированного сознания. Очевидно, что различия здесь могут быть очень большими, а отсюда — противоречия в определении и понимании проблем. Поэтому выделяются типы рефлексии по признаку известности для всех идеальных предметов, и эти типы могут существенно различаться по полноте содержания идеализированных значений; содержание системы формируемых проблем и степень определённости их выражения находятся в прямом соответствии с содержательной полнотой рефлексии. Одна из задач исследования организации социально-производственных систем состоит в выявлении содержания рефлексивных структур у различных социальных групп производственного коллектива, выделенных по признакам профессии, должности, образования, квалификации, пола, возраста, принадлежности к тому или иному структурному подразделению предприятия и т.п. Изучение совместимости этих идеализированных структур позволит обнаружить потенциал интеграции коллектива и, вместе с тем, очертить один из важных аспектов проблемной ситуации.

Поскольку описание проблемной ситуации производится с точки зрения некоторой исследовательской модели, организации, постольку необходимо определить ценностные, нормативные и проективные значения этой модели. Такое определение или уточнение мыслится как итерационная процедура соотношения модели и изучаемого объекта, причём объект рассматривается в историко-генетическом и сравнительно-генетическом планах (относительно подобного же типа объектов). Итерационная процедура соотношения модели и объекта позволяет сформировать модель, адекватную данному, а не просто типологическому объекту, и выявить его реальные проблемы развития. Таким образом, исходя из общего определения социальной проблемы, можно выделить ряд основных направлений организационной диагностики. К ним относятся:

- а) исследование организационных структур с их естественными и искусственно-проектными элементами;
- б) исследование собственно организационной деятельности, направ-

ленной на поддержание или изменение этих структур;

в) исследование деятельности управления, направленной на реализацию поставленных перед организацией внешних целей;

г) исследование отношений между собственно организационной деятельностью и деятельностью управления, исходя из тенденций и потребностей развития организационных структур;

д) исследование отношения потребностей членов организации (работников) и требований, предъявляемых к ним организационными структурами;

е) исследование внешних условий, которые влияют на функционирование и развитие социальной организации предприятия.

АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПРОФЕССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИСТА)

Л.С.Гурьева (Томск)

Совершенствование механизмов планирования общественного производства связывается с поиском резервов, и одним из таких резервов является совершенствование социальных аспектов экономического управления, в частности, укрепление кадрового состава экономистов, повышение их творческой активности. Новое понимание функций экономического управления влечёт за собой и новую точку зрения на функции профессии экономиста. Это означает изменение требований общества к профессии и выдвигает задачу: изучить на теоретическом и прикладном уровнях социальные особенности профессии экономиста.

При изучении социальных особенностей профессиональной деятельности необходимо изучать не только идеальные критерии (ценностные представления), на базе которых оценивается профессия, но также их субъективные основания, т.е. свойства оцениваемых профессий, которые лежат в основе этих объективных критериев. Они позволяют ввести понятие социальной значимости профессии. Социальная значимость есть объективное состояние развития функций экономиста в общественном разделении труда, а отражение этих функций в сознании выступает в качестве субъективных показателей значимости.

Результаты, представленные в данной статье, получены с целью выяснения возможных тенденций в развитии взаимосвязей социального и технологического аспектов в профессии экономиста и выявления субъективных факторов, отражающих социальную значимость профессии. Объектом исследования были экономисты по специальности "планирование промышленности". Это контингент слушателей Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников и специалистов Минэнерго.

В соответствии с гипотезами исследования выборочная совокупность была сгруппирована по нескольким признакам - возрасту, полу, образованию и, конечно, по содержанию высказанных суждений относительно работы по профессии. Качественный анализ суждений осуществлялся путём введения ряда критериев, вытекающих из гипо-

тез, по признакам, которые характеризуют субъективные показатели отношения к восприятию социальной значимости профессии и объективные показатели работы экономиста.

К субъективным показателям относятся: 1) профессиональное самосознание личности и, в частности, ориентация на профессию, 2) эмоциональная стабильность как характеристика состояния субъекта деятельности в различных трудовых ситуациях.

К объективным показателям работы относятся: 1) данные о профессиональном перемещении работника и 2) паспортчика обследуемого.

Здесь представлен анализ субъективных факторов, основанный на изучении биографических сочинений испытуемых. Информация о субъективных показателях включает три группы признаков, полученных в итоге анализа биографического сочинения "Я и моя работа". В целом сочинение содержит 3 тематических раздела, предназначенных для выявления степени осознания социальной значимости профессии:

- а) суждения об объективных характеристиках профессии, работы;
- б) суждения о личностном значении профессии, работы;
- в) формирование представлений о профессии.

Использовался контент-анализ текста сочинения, в котором фиксировались следующие смысловые единицы:

а) суждения об объективных характеристиках профессии, работы как: осознание общественной значимости профессии; представление о характере собственной профессиональной деятельности. Выделялись целостные суждения, характеризующие значимость профессии, а во втором случае также и содержание технологических особенностей профессии. Различные текстовые элементы одного и того же содержания объединялись под общей рубрикой и принимались за единицу счёта;

б) суждения о личностном, субъективном значении профессиональной деятельности как: интерес к собственной работе, возможности профессионального роста;

в) формирование представлений о профессии. Анализ данного раздела направлен на поиск факторов, определяющих выбор профессии экономиста.

Анализ даёт возможность вычленить три группы обследуемых, по-разному оценивающих значимость своей профессии, и одновременно нащупать те обстоятельства, которые, возможно, определили отношение к профессии в каждой из выделенных групп.

Первый тип работника можно назвать условно "миссионером", поскольку его позиция активна, она определяется глубоким осознанием объективной социальной значимости профессии, подчас даже её преувеличением, отношение к собственной работе конструктивно связано с творческим поиском.

Второй тип работника можно условно назвать "эгоцентриком", т.к. социальная значимость профессии идентифицируется здесь со значимостью в собственной деятельности, притом через призму восприятия эмоциональных отношений в коллективе.

Третий тип работника условно назовём "индифферентный", его позиция характеризуется скорее безразличием к общественной значимости профессии, а ключевыми моментами профессионального самосознания являются статус и престиж должностного положения.

Основанием для деления обследуемых на указанные типы являются прежде всего мнения испытуемых о содержании профессиональной деятельности, высказанные в биографических сочинениях.

Суждения об объективных характеристиках профессии, которые включают оценки её значения.

Рубрики, полученные на основании контент-анализа (табл. 1,2), практически отражают оценку общественной значимости профессии в соответствии с различными уровнями социальной идентификации специалиста: с обществом в целом, предприятием, управленческими службами а также указывают на связь профессиональной деятельности с различными житейскими событиями работника. Наконец, имеются сочинения, в которых вообще отсутствуют суждения о социальной значимости профессии.

Доминирующей чертой в профессиональном самосознании работников первого типа является понимание важности профессии в рамках управления предприятием. Понимание важности профессии для общества в целом стоит на втором месте, а на третьем месте выходит оценка профессиональной деятельности с точки зрения авторитета планового отдела в системе управленческих служб.

У второго типа доминирует осознание весомости и авторитета деятельности экономиста в системе управленческих служб предприятия. На втором месте - значимость профессии с позиции обобщенного сознания (различных житейских соображений) и только на третьем - оценка профессии в зависимости от её важности для управления производственными процессами на предприятии. Среди представителей этого типа работников сравнительно мало тех, кто оценивает значение профессии экономиста в рамках общества, и совсем немного тех,

Таблица I

Представительность работников разных типов
в числе высказавших суждения о значимости
профессии (в % к N).

Содержание суждений	Тип I "миссионер" N = 52	Тип 2 "эгоцент- рист" N = 38	Тип 3 "индиффе- рентный" N = 30
I. Экономист - организа- тор производства в нашем об- ществе	38	4	0
2. От экономиста зависит возможность управления про- изводственными процессами на предприятии	48	26	14
3. Профессия оценивается в зависимости от весомости и авторитета планового отде- ла для управленческих служб	14	39	17
4. Профессия оценивается о позиции её значимости в житейских событиях работни- ка	0	28	45
5. Суждения о значимости профессии отсутствуют	0	3	24

Таблица 2

Мнения о характере своей работы
(об объективных характеристиках профессии)
у работников разных типов

Содержание суждений	Тип I "миссионер" N = 52	Тип 2 "эгоцентрик" N = 39	Тип 3 "индифферент- ный" N = 30
1. Членение технологических особенностей профессии с указанием на оценку организационного статуса экономиста	47	13	16
2. Конструктивная позиция в отношении к содержанию деятельности, стремление к её постоянному совершенствованию	46	2	0
3. Средение содержания работы к субординации должностных отношений	0	5	44
4. Фокусирование внимания на установлении эмоциональных связей, контактов	7	56	24
5. Содержание работы сводится к показателям опыта в работе и её трудностей	0	24	16

у которых вообще отсутствуют суждения о значимости профессии.

Если обратиться к третьему типу работников, то доминирующей оценкой является здесь рассмотрение профессии и её роли с житейских позиций в личных событиях в жизни работника. Эта оценка достаточно высока. Среди работников этого типа высок процент не высказавших суждений о значимости своей профессии, на третьем месте оценка профессии в зависимости от её важности и авторитета для управленческих служб, на четвёртом – осознания значимости профессии с позиции важности её роли в управлении производственными процессами на предприятии и совершенно отсутствует понимание значимости профессии для оптимизации производства в пределах общества.

Осознание "социального веса" профессии находится в прямой связи с мнениями о характере работы, отражающими понимание её технологических особенностей. Обратим внимание на то, что при высказываниях о характере работы и оценках её содержания обследуемые имеют разные преобладающие суждения для каждой группы (табл. 2).

Для первого типа работников характерно понимание и рефлексия над технологическими характеристиками профессии, причём предметом внимания является организационный статус экономиста как условие его успешной деятельности (47%). Так, один из обследуемых пишет "Сейчас я всё больше прихожу к мысли о нецелесообразности существующего распределения функций между отделами... Большие трудности в постоянном изменении планов, поэтому необходимо расширить полномочия самого предприятия, т.е. планировать снизу". Для "миссионеров" также характерна конструктивная позиция к содержанию труда, стремление его совершенствовать (46 %). ("Каждая реорганизация, каждое изменение требовало большого напряжения... В работе ПО, по моему мнению, было много упущений. За год почти была налажена работа ПО (планового отдела), была налажена на собственном опыте, на опыте вышестоящих организаций и по инструктивным данным. Исходя из своего опыта, мы внедрили анализ автотранспортных перевозок, по его результатам приняты соответствующие меры").

Для второго типа доминантой в работе представляются эмоциональные связи. Этот тип представлен преимущественно женщинами от 40 до 50 лет. Содержание работы ими не структурируется. В их суждениях преобладают технические характеристики процесса труда

экономиста (это преимущественно исполнительская счётная работа), происходит концентрация внимания на эмоционально-коммуникативных моментах труда (общение, контакты, приятие). Зачастую у представителей этого типа понимание особенностей своей работы связывается с показателями опыта механического труда и того напряжения, которое возникает в их деятельности (24 %). Это говорит об отсутствии планомерного режима труда (поквартальные "авралы" и т.п.) Кроме того, на такую оценку труда воздействует образовательный ценз (среднеспециальное образование) и возрастная структура членов этой группы, что сказывается на их психологическом состоянии, и поэтому восприятие труда не происходит на предметно-содержательном уровне. Отсюда низкое стремление к совершенствованию профессиональной деятельности, очень высокая конструктивная позиция.

Для 3-го типа работников характерно понимание содержания работы с точки зрения установления контактов с начальниками подразделений (44 %). Дело в том, что сама специфика труда состоит в том, что им приходится часто вступать в отношения и связи со всеми подразделениями предприятия. Однако, если 2-й тип концентрирует внимание на функциональной стороне этих отношений и их улучшении, то 3-й тип – на регуляции преимущественно должностных контактов. Отсюда в восприятии содержания работы доминирует оценка субординации должностных отношений. На втором месте среди характеристик содержания труда в этой группе – эмоционально-коммуникативные факторы, а на третьем – "корректировка" отношений к содержанию труда с точки зрения напряжённости деятельности. Важно подчеркнуть, что у работников этого типа отсутствуют конструктивная позиция к содержанию своей деятельности и её совершенствованию.

Суждения о личностном субъективном значении профессиональной деятельности составляют второй тематический раздел текстов биографии. Они характеризуют интерес к работе и оценку возможностей собственного развития в процессе труда.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что ценности, отражающие социальную значимость профессии с учётом её технологических аспектов, тесно связаны с личностным значением работы.

Интерес к работе у респондентов 1-го типа связан с творческим отношением к труду и необходимостью обосновывать оптимальное решение тех или иных вопросов в сфере управления – 54 % (схема 1,2)

Схема 1.

Высказывания обследованных I-го - 3-го типов, характеризующие их интерес к работе (в % к N)

Сухления

Не имеет интереса из-за отсутствия пони-
жения содержания работы

Заинтересованность в налаживании контак-
тов и связей со всеми подразделениями

Интерес к сработанности с начальником,
с коллегами

Скептическое отношение к работе из-за
безрезультативности деятельности

Творческое отношение к работе, заинтере-
сованность в том, чтобы находить и обосно-
вывать оптимальные решения

Проценты к N

I-й тип работника (N' = 52)

3-й тип работника (N' = 30)

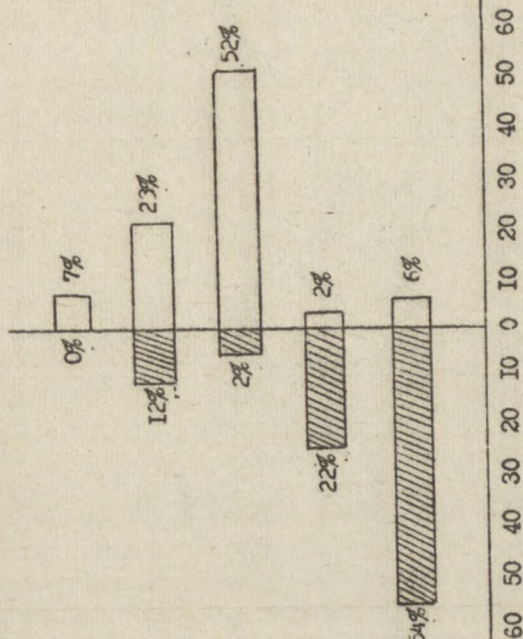
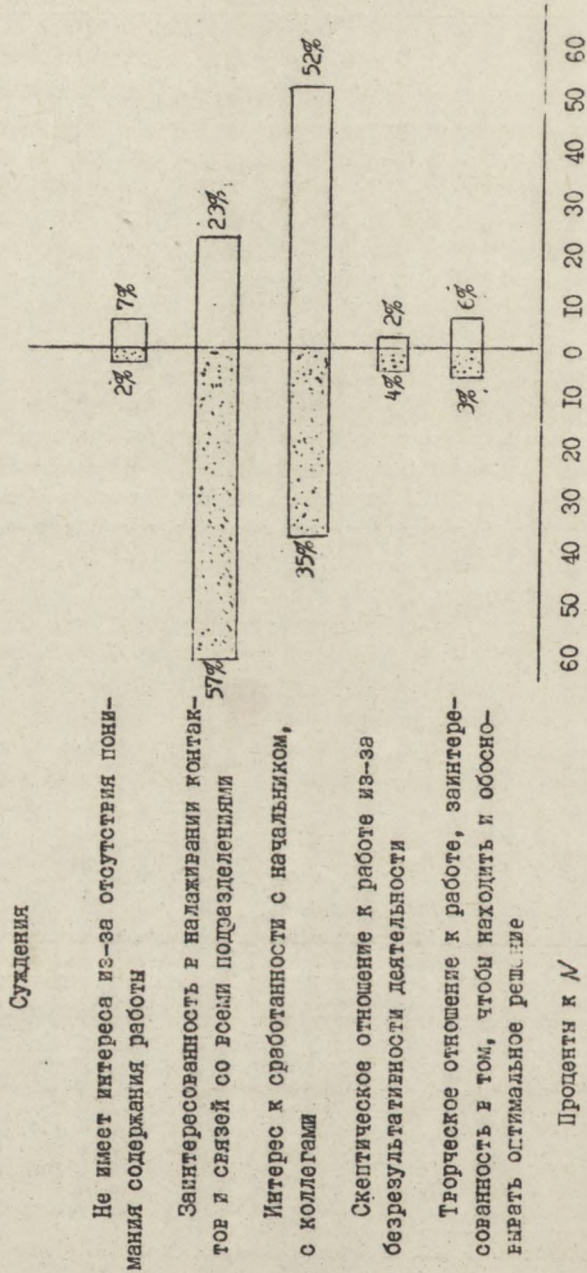

Схема 2.
Высказывания обследованных 2-го и 3-го типов, характеризующие их интерес к работе

Как правило, преобладание такого взгляда на профессию, крайне важного для совершенствования самого работника и процесса производства, сочетается со скептическим отношением к результатам работы из-за её неэффективности *. Из числа обследуемых данной группы такое отношение фиксируется у 1/5-й. Причём оно вызвано спецификой условий труда, поскольку организационный статус иногда минимизирует творческие усилия. До недавнего времени нормы, утверждённые сверху, были далеки от реальных характеристик экономической ситуации на народнохозяйственных объектах, новые правила деятельности экономиста внедрялись недостаточно оперативно. Именно этот "технологический" фактор усиливает неудовлетворённость работников I-го типа.

Для работника 2-го типа ведущим интересом является налаживание связей и контактов со всеми подразделениями (57 %). Одна из работниц этой группы отмечает: "Поскольку работа в ПО меня заинтересовала, я её быстро освоила. Я почувствовала, что старший инженер отдела относится ко мне с доверием, в отделе я тоже почувствовала хорошее отношение, это морально поднимало моё настроение... Мы стали заниматься анализом деятельности нашего предприятия, часто стали обсуждать в коллективе наши результаты, такие собрания проходили всегда бурно, руководитель был удовлетворён нашей работой". Характерным интересом для данной группы является также сработанность с начальником, коллегами (35 %). Практически эта установка выступает главной для данного типа.

У 3-го типа особый интерес в работе вызывает сработанность с начальником и коллегами (52 %). Это может быть связано со спецификой деятельности, предполагающей взаимосвязь с руководителями подразделений предприятия и с чёткой ориентацией данной группы на возможности продвижения.

Возможности профессионального развития личности работника отражены в табл. 3.

* Так, один из обследуемых отмечает: "Работа в строительно-монтажном управлении трудная. Управление убыточное, а отсюда и вытекающие последствия, хотя в отделе работать легко. Тяжело с планированием, иногда передают наши объекты другим генподрядчикам, а план не меняют. Во время передачи объектов не всегда полностью передаётся дополнительная документация, планы часто меняются (в 1977 г. - 22 раза), причём меняются необоснованно. План не выполняем и нет материального стимулирования (за 7 лет получили только одну квартальную премию, авансовых премий мы не получали, а вводных было очень мало). Доведение разных сведений и планов до

Таблица 3

Высказывания о возможности профессионального
развития и совершенствования (в процентах к *N*).

Содержание суждений	Тип I "миссионер" <i>N</i> = 52	Тип 2 "эгоцентрик" <i>N</i> = 38	Тип 3 "индифферентный" <i>N</i> = 30
1. Желание применять и закреплять теоретические знания на практике	63	16	12
2. Стремление научиться налаживать контакты с работниками других подразделений	27	45	23
3. Стереотипные суждения: повышать идейно-теоретический уровень	2	2	10
4. Отмечают, что их развитию мешает усталость и недостаток времени	1	29	8
5. Собственное развитие видится в успешном служебном продвижении	7	8	47

Для работника I-го типа возможности развития личности связываются с использованием своих знаний в практической деятельности и их проверкой на практике (63 %). Одна четвертая из группы считает немаловажным уметь налаживать контакт с другими.

У 2-го типа неожиданно снижается интерес к возможности своего развития. Причиной называют усталость, недостаток времени (29 %). Что касается средств саморазвития, то доминирующими они считают приобретение опыта в налаживании контактов.

Диаметрально противоположная картина возможностей саморазвития наблюдается у работников третьего типа. Доминирующим в своём развитии эта группа считает успешное продвижение (47 %). Однако творческое начало в этом процессе умалается, оценка умения налаживать контакты как средства развития в профессиональной деятельности аналогична той, что имеет место у представителей первого типа (23 %).

И, наконец, третий тематический раздел сочинения относился к выявлению факторов, повлиявших на выбор профессии, (табл.4).

У представителей I-го типа, получивших высшее образование сразу после окончания школы, выбор профессии определила семья (51%), а также друзья семьи в детстве (41%). Для работников 2-го типа решающим оказалось воздействие руководителя отдела, где они работали. Дело в том, что к этой группе относятся преимущественно женщины, которые до получения специального образования работали в различных экономических службах предприятия.

Авторитет и непогрешимость, а также другие личностные характеристики начальника сыграли решающую роль в специализации плановиков. У работников 3-го типа на выбор профессии экономиста оказывали воздействие разные случайные обстоятельства (44 %).

Сведём всё сказанное в общую схему, иллюстрирующую общую характеристику 3 типов работников (табл. 5).

Итак, предпринята попытка подойти к выяснению вопроса о выделении разных систем ценностей при осознании социальной значимости профессии экономиста в зависимости от некоторых социально-психологических особенностей личности работника как субъекта труда, а также от степени отражения в его сознании предметного содержания профессиональной деятельности.

исполнителей не всегда своевременно получается. Отдел делает очень много справочной работы".

Таблица 4

Обстоятельства, оказавшие влияние на выбор профессии
(в % к N)

Р у б р и к и контент-анализа	1-й тип "миссионер" N = 52	2-й тип "эгоцентрик" N = 38	3-й тип "индифферентный" N = 30
1. Представление о профессии форми- ровали члены семьи	51	10	12
2. Представление о профессии форми- ровали друзья семьи в детстве	41	29	26
3. Интерес к про- фессии пробудил ру- ководитель	0	34	18
4. Профессию практически не выби- рал, ибо так сложи- лись обстоятель- ства	8	27	44

Высказывания по разделам биографического сочинения,
доминирующие у различных типов работников

1-й тип - "миссионеры"	2-й тип - "эгоцентрики"	3-й тип - "индифферентные"
I. Мнения о социальной значимости профессии		
Профессия экономиста даёт возможность управлять производственными процессами на предприятии	Профессия оценивается в зависимости от весомости и авторитета планового отдела для управленческих служб	Профессия оценивается с позиций её значимости в конкретных обстоятельствах
II. Мнения о характере своей работы (об объективных характеристиках)		
Выделение технологических особенностей профессии с упором на организационный статус работника	Фокусирование внимания на установлении эмоциональных связей, контактов	Сведение содержания работы к субординации должностных отношений
III. Характер интереса к собственной работе		
Теоретическое отношение к работе, заинтересованность в том, чтобы находить и обосновывать оптимальное решение	Заинтересованность в налаживании контактов и связей со всеми подразделениями	Интерес к сработанности
IV. Возможности профессионального развития и совершенствования		
Желание применять и закреплять теоретические знания на практике	Стремление научиться налаживать контакты с работниками других подразделений	Собственное развитие происходит в успешном служебном продвижении
V. Обстоятельства, оказывающие влияние на выбор профессии		
Представление о профессии формируется в детстве	Интерес к профессии пробужден для руководителя	Профессию не выбирали, сложились обстоятельства

ЛИЧНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ПРОБЛЕМА КАДРОВОЙ РАБОТЫ

В. А. Заргаров, Н. С. Крылова, К. М. Скобеев (Новосибирск)

В настоящее время с учётом усложнившейся системы народного хозяйства, в условиях всё ускоряющихся темпов научно-технического прогресса, а также обостряющейся демографической ситуации существующая система работы с кадрами уже не может полностью удовлетворить потребности народного хозяйства в высококвалифицированных кадрах руководителей.

Необходимость перестройки системы кадровых служб предъявляет повышенные требования к научным разработкам в этой сфере. Основными проблемами, возникающими в практике работы с кадрами, являются следующие: разработка организационных структур кадровых служб на разных уровнях; научно-методическое обеспечение кадровой работы, где важнейшим становится выяснение роли личностных свойств в деятельности руководителя и выработка способов воздействия на них. Поскольку достаточно чётких теоретических построений и методических разработок этих вопросов не существует, то практические работники вынуждены действовать наугад, интуитивно, используя лишь те методы, которые сложились чисто опытным путём.

Проблема построения научного знания о процессах совершенствования кадровой работы имеет предметный и историко-генетический аспекты, которые позволяют проанализировать развитие модели руководителя, как в западной, так и в марксистской социологии.

В последние годы буржуазные социологи вынуждены обратить серьёзное внимание на перспективное развитие организационных теорий, где они пытаются дать ответы на вопросы, связанные со спецификой управленческой деятельности. Растущее внимание буржуазной науки к теоретическим и прикладным вопросам организации и управления обусловило появление различных теорий, представляющих модель работника организации. В настоящее время в качестве такой модели фактически используется так называемая концепция "человека экономического".

При определении факторов включения человека в производственную деятельность в указанной теории роль решающего стимула приписывается материальным факторам, которые выражаются в размере заработной платы и денежных поощрений.

Негативные последствия выбора этой концепции в качестве моде-

ли усугубляются тем, что вся совокупность работников при этом рассматривается как однородная, без различия и выделения особенностей стимулирования рабочих и других категорий исполнителей, специалистов и руководителей. Однако результаты проведённых в нашей стране социологических исследований показывают, что материальные стимулы играют определяющую роль только на уровне исполнителей. На уровне руководителей решающее значение приобретают другие движущие мотивы, такие как высокая сознательность, коммунистическое отношение к труду, социалистическое соревнование.¹ Кроме того, при ориентации на модель "человека экономического" процесс личностного становления, а тем самым и формирования желаемого типа работника оказывается практически нерегулируемым, пущенным на самотёк.

Чтобы создать основу для марксистского методологического подхода к построению системы кадровой работы, необходимо рассмотреть другие концепции человека-работника и оценить их с точки зрения соответствия задачам, стоящим перед кадровыми службами современного производства.

Эвристичность модели "человека экономического" исчерпала себя ещё в прошлом веке. Эта концепция возникла как результат обобщения практики простого товарного производства домонополистического капитализма. Поскольку основным регулятором экономической деятельности был рынок, то действующим на нём людям ничего другого и не оставалось, как максимизировать свой денежный доход. А для идеологического объяснения причин такого поведения была создана эта концепция, в соответствии с которой человек устроен так, что всегда стремится максимизировать уровень удовлетворения своих потребностей.

Концепция "человека экономического" в условиях современных организаций показала свою существенную ограниченность, свою очевидную неадекватность для целого ряда видов деятельности, поэтому она была расширена до концепции "человека потребляющего", что было достигнуто расширением номенклатуры рассматриваемых потребностей включением в неё таких нематериальных потребностей, как власть, статус, самоуважение и самоактуализация. Однако сохранение исходной парадигмы, исходного представления об обществе как сумме индивидов привело к тому, что практически дело ограничилось лишь "сменой вывески".

¹ Хабакук М.Я. Целевые методы управления на предприятии. М.; Экономика, 1981, с.33.

Одним из проявлений этого явилось возникновение представлений (совокупность которых может быть названа концепцией "человека иерархического"), что человек в своём определении в социуме стремится занять как можно более высокое место, что на более высоком иерархическом уровне больше возможностей для самоактуализации, для проявления себя как деятеля, для реализации своей человеческой сущности. Фактически эта концепция является прямым продолжением концепции "человека экономического", т.к. более высокий социальный статус в современном капиталистическом обществе связан и с большим объёмом получаемых благ.

Происхождение этой концепции можно понять, изучая те реальные возможности, которые получает человек, двигаясь по иерархии. Заняв первую руководящую должность, человек ещё практически не оторвался от той предметной деятельности, которой он руководит, а его непосредственные подчинённые (других у него просто нет) выступают для него и объективно, и субъективно как средства её реализации. Тем самым он как бы обогащает свою собственную личность, получая возможность сделать больше того, что он мог бы сделать в одиночку. Однако чем выше он поднимается по иерархической лестнице, тем больше он отрывается от непосредственно предметной деятельности. И если объективно его непосредственные подчинённые продолжают оставаться для него средствами реализации предметной деятельности, то субъективно они выступают для него как средства реализации уже особой, "надпредметной" деятельности.

В предметной сфере этот разрыв выступает как расхождение действительных результатов предметной деятельности с её целями, а осознаётся он как недостаток возможностей, прав, ресурсов. Поэтому руководитель начинает считать, что если бы этих возможностей у него было больше, ему бы удалось реализовать свои замыслы с большим успехом. А поскольку чем выше по иерархии расположена та или иная позиция, тем больше прав и возможностей она предоставляет, и человеку начинает казаться, что и деятельностных возможностей она предоставляет также больше.

Эта кажимость усугубляется тем, что человек, на какой бы ступени иерархии он ни находился, является не более чем средством в человеческой деятельности. Однако в реальной деятельности он выступает как средство по отношению не к социуму

вообще, а к вполне определённой иерархической позиции, которая по отношению к нему играет роль всего социума. Поэтому, двигаясь вверх по иерархии, человек как бы "приближается" ко всему социуму, что ещё больше подкрепляет иллюзию расширения деятельностных возможностей.

Наконец, в сегодняшней организационной реальности отношения руководителя с подчинёнными строятся таким образом, что подчинённый для своего руководителя выступает как полномочный представитель всей совокупности индивидуальных предметных деятельностей, которыми руководит сам подчинённый. Индивидуальная деятельность подчинённого тем самым для его руководителя репрезентирует стоящую за ним предметную деятельность определённой совокупности людей. Это создаёт почву и для идентификации руководителем себя со всей совокупностью стоящих "под ним" людей, что усиливает действие указанных выше факторов.

Концепция "человека иерархического" помимо своей псевдообъяснительной функции в отношении к людям в организациях, порождает ещё и миф о продвижении по иерархии как способе и средстве развития личности. Предполагается, что деятельность руководителя более высокого ранга требует от человека и более высокого уровня развития личности.

На деле всё выглядит несколько иным образом. Вступление на первую ступеньку иерархической лестницы, действительно, требует от человека других личностных свойств (именно других, а не более высоких и развитых), однако совершенно неочевидно, что при дальнейшем продвижении требования к личностному развитию руководителя возрастают. Они изменяются, однако пока нет никаких доказательств, что они возрастают.

Постепенно происходит осознание бесплодности и бесперспективности буржуазных концепций в условиях современного капиталистического производства. Так, в 70-е годы в американской теории управления на смену концепции "человека иерархического" идёт концепция "профессионального человека", на которой практически основана теория "организационного развития"¹. Новая модель существенно отличается от предыдущих. Прежде всего у

¹ Американские буржуазные теории управления. М.: Мысль, 1978, с.225-227.

"профессионального человека" более высокий уровень запросов, осведомлённости, сознательности и восприимчивости. Ему присуще желание вносить свой вклад не только в дела своей организации, но и стремление приносить пользу обществу. Для этого он развивает в себе способность к систематическому обучению, одновременно чувствует себя и профессионалом, и студентом.

Характер его связи с организацией определяется прежде всего продажей им трёх взаимосвязанных продуктов: своих знаний, квалификации и компетенции. Поэтому он принадлежит главным образом себе, а не организации. Его лояльность и обязательства относятся прежде всего к его профессии, а затем к организации.

В то же время "профессиональный человек" нуждается в ощущении причастности к делам организации, хочет, чтобы к его голосу прислушивались при принятии тех решений, которые касаются его работы. "Профессиональный человек" стремится к повышению уровня компетенции и личностному росту. Для него важны осмысленная, продуктивная и интересная работа и признание его достижений. Он нуждается в новом стиле управления и руководства, т.к. "профессиональный человек" больше реагирует на творческие идеи, чем на установленные процедуры и приказы, и стремится к достижениям, признанию и расширению круга своей ответственности. При этом он хочет работать своими методами при минимальном вмешательстве со стороны начальства.

Концепция "профессионального человека" в отличие от двух предыдущих, более приспособлена к объяснению организационного поведения руководителей и специалистов, больше согласуется с реальными фактами их деятельности. Поэтому она является шагом вперёд по сравнению с концепциями "человека экономического" (потребляющего) и "человека иерархического". Одновременно она и шаг назад в осмыслении способов включения человека в производственную деятельность. Дело в том, что основным способом осуществления производственной деятельности является кооперативная деятельность в форме организации. В концепции "профессионального человека" в качестве основного способа выступает индивидуальная деятельность, соединяющаяся с другими по образцу цехового производства.

"Профессионал" в этом смысле — фигура, типичная для феодального, нетоварного способа производства, так что реальное использование концепции "профессионального человека" может лишь привести к дезориентации в кадровой работе, увести от реальных

контекстов управления.

Рассмотренные выше буржуазные концепции чрезмерно упрощают реальную действительность, представляют её неизменной, внеисторической, уводят в сторону от подлинно научного анализа проблемы. Главным образом это проявляется в игнорировании проблемы связи личности с обществом в деятельностном контексте.

Марксистская теория управления организации исходит из признания тесного единства социального и научно-технического прогресса и подчёркивает классовый и исторический подход к анализу деятельности кадров управления. Поэтому встаёт задача выработать концепцию производственной деятельности в управлении, которая:

- рассматривает историческую связь человека с обществом;
 - исходит из представлений о деятельностной сущности человека;
 - объясняет причины включения человека в деятельность, в первую очередь, с точки зрения социума;
 - включает определение конкретного индивида как личности в качестве основы объяснения реального индивидуального поведения.
- Такая концепция пока находится в стадии разработки. Попытки напрямую использовать вышеупомянутые методологические требования в практике управления пока не дали результатов - дальнейшие призывы развить в каждом работнике государственное мышление дело не продвинулось. Да и не могло продвинуться, т.к. для этого не было соответствующей теоретической основы.

Такой основой может и должна стать складывающаяся сейчас марксистская теория организации. Только путём теоретического осмысления способов включения человека в кооперативную деятельность и механизмов его функционирования в ней можно прийти к адекватной концепции работника в профессиональной деятельности.

При этом, если речь идёт о руководителе, неизбежно возникает вопрос о роли личностных свойств, об их влиянии на деятельность. При рассмотрении особенностей руководителя обычно выделяют три основных момента: 1) профессиональные, специальные знания руководителя о той технике и технологии, которая используется в его организации и её сфере деятельности; 2) навыки использования организационных средств и методов, специфических именно для руководящей деятельности; 3) личностные свойства руководителя, в первую очередь, его мировоззрение и социальный опыт.

В существующей системе работы с кадрами все эти три момента учитываются по-разному. Во-первых, если профессиональные знания и организационные навыки ятно учитываются как при подборе, так и при подготовке руководящих кадров, то личностные свойства в значительной мере — нет. Вместо сознательной работы с ними на практике имеет место "естественный отбор" или, точнее, нормативное фильтрование. Во-вторых, все эти три характеристики присутствуют в кадровой работе на партитетных началах, рассматриваются как рядоположенные. На самом деле личностные свойства определяют не только эффективность использования профессиональных знаний и организационных навыков, но даже и сам отбор этих знаний и навыков, их содержание.

В существующих условиях, когда профессиональные знания, организационные навыки и личностные свойства выступают как рядоположенные происходит спонтанное организационно не контролируемое ранжирование этих трёх факторов. Причём это ранжирование реально осуществляется не по критерию их важности для руководителя, а по случайным соображениям, например, просто по техническим возможностям измерения этих факторов.

Такая практика кадровой работы находится в противоречии с реальными взаимодействиями рассматриваемых характеристик. Поскольку руководитель действует в условиях организации, а средства организационной поддержки представлены всегда в ограниченном объёме, то руководителю приходится опираться на собственный личностный ресурс, из-за чего к личности руководителя на определённой должностной позиции и в определённой организационной ситуации предъявляются ограничивающие требования. Они касаются прежде всего личностных свойств, а затем имеющихся у руководителя знаний и квалификации. Именно акцент на личностную составляющую определяет специфику деятельности руководителя по сравнению со специалистом или исполнителем. Ещё Файолем была отмечена закономерность, которая заключается в уменьшении значения личностных качеств по мере снижения должностного ранга, в замещении их качествами, чисто функциональными¹.

Можно выделить два фактора, обуславливающих важность роли личностных свойств руководителя в его деятельности. Первый фак-

¹ Грейшани Д.М. Организация и управление. М.: Наука, 1970, с.1037.

- III -

тор связан с особенностями регулирования деятельности руководителя, второй — с использованием личности руководителя в качестве важнейшего организационного средства. Действительно, использование профессиональных знаний и организационных навыков исполнителями, рядовыми сотрудниками контролируется в современных организациях достаточно эффективно посредством нормативного регулирования их индивидуальной деятельности. Одной из основных особенностей деятельности руководителя является ослабление прямого нормативного регулирования его операторной деятельности. Если подниматься вверх по ступеням организационной иерархии, то значение правил, устанавливающих или сграничивающих трудовые усилия, будет неуклонно падать¹. Акцент в нормативном регулировании деятельности переносится с операторного регулирования на целевое, что предъявляет вполне определённые требования именно к личности руководителя, а не к его знаниям и умениям.

Существенным моментом деятельности руководителя является использование им других людей в качестве средства своей деятельности. Это не может не быть связано с личностным взаимодействием его со всеми подчинёнными, которое выступает здесь уже не как форма деятельности, а как само её содержание. Следовательно, личность самого руководителя тем самым объективно становится средством организации. А поскольку основной организационной тенденцией является её стремление сознательно, явно использовать свои средства, тем более важно в кадровой работе делать акцент на формирование личности руководителя.

Таким образом, потребности практики управления требуют перейти от эмпирического уровня в решении вопросов кадровой работы к использованию уже имеющихся знаний о личности, а также к проведению систематических научных наблюдений за деятельностью руководителей как субъектов деятельности, а не просто как функционеров в организации. В содержательном плане центром всей кадровой работы должна стать проблема личности руководителя, её формирования и поддержки.

¹ См.: Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979, с.103-104.

ГЕНЕЗИС КОНФЛИКТА КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Н.П. Каменев (Новосибирск)

В статье конфликт рассматривается как социальное явление, возникновению которого предшествуют проблемная ситуация, конфликтная ситуация и коллизия. Это основная методологическая посылка, которая была выдвинута ещё В. Гегелем и получившая развитие, обоснование и завершение в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Процесс возникновения конфликта воспроизводится в производственном подразделении.

Проблемная управленческая ситуация. Каждый компонент в подразделении выполняет определённые функции, направленные на решение задач подразделения. Для реализации своих функций компонент должен обладать некоторыми свойствами. Свойства и функции компонентов характеризуются параметрами и показателями, изменение которых во времени в пределах пороговых границ называется функционированием. Функционирование – базисный процесс подразделения. Рассмотрение процесса функционирования подразделения предполагает описание его компонентов, взятых только в своей функциональности. Значение показателей в конкретный момент времени характеризует состояние подразделения и его компонентов. При определённых внутренних или внешних воздействиях состояние подразделения и его компонентов может отклоняться от заданного.

Можно выделить три вида состояний: экстремальное, оптимальное и отклоняющееся. Экстремальное – это набор параметров и показателей в конкретный момент времени, при котором целевая функция подразделения или его компонентов достигает предельной величины (максимально или минимально допустимой). Параметры и показатели, характеризующие оптимальное состояние, изменяются в пределах, максимально и минимально допустимых. Параметры и показатели оптимального и экстремального состояний подразделений задаются организацией, а для организации – вышестоящим управляющим органом. Если параметры и показатели отклоняются от предельно допустимых, то мы имеем дело с отклоняющимся состоянием.

Отклоняющееся состояние можно выявить, сравнивая фактическое состояние с нормативным. Если фактическое состояние совпадает с нормативным, то имеет место нормальная управленческая ситуация. Если фактическое состояние отклоняется от нормативного, то имеет

место проблемная управленческая ситуация (ПУС).

В ПУС можно выделить следующие явления, придающие ей проблемность:

- нарушение принципа совместимости. Сущность нарушения состоит в том, что некоторые компоненты приобретают свойства, носящие нейтральный или дисфункциональный характер относительно функций других компонентов и функций подразделения в целом. Актуализация и реализация нейтральных или дисфункциональных свойств приведёт к тому, что часть компонентов, а возможно, и подразделение в целом не выполнит свою функцию;
- дисфункциональность или нейтральность действий отдельных компонентов относительно функций других компонентов и подразделения в целом;
- низкая эффективность действий отдельных компонентов. Отклонение показателей, характеризующих действия, от нормативно заданных.

Дисфункции элементов создают для конкретного индивида стрессовые ситуации. Дисфункции обусловлены изменениями основных характеристик элементов, приобретением ими крайних или нежелательных значений:

- диспропорции между компонентами. Это происходит при наличии отклонения показателей, характеризующих свойства отдельных компонентов от нормативно заданных.

Атрибутами ПУС являются:

1. Сущность ПУС и её важность для функционирования подразделения в целом.
2. Масштаб ПУС или критичность, т.е. размеры отклонения от требуемого состояния.
3. Место возникновения ПУС в подразделении.
4. Время её возникновения.
5. Модальность ПУС — отношение людей, включённых в ситуацию, ко всей ситуации.

Проблемные ситуации могут быть реальными и мнимыми. Можно выделить три вида реальных проблемных ситуаций в зависимости от причастности взаимодействующих работников к их созданию и степени влияния ситуаций на достижение кем-либо из них своих целей:

- ПС, не носящие отпечатка деятельности кого-либо из работников данного подразделения и никоим образом не связанные с их личностью;
- ПС — как результат деятельности кого-либо из работников данного подразделения, но не направленные в явной форме против кого-

бы то ни было (по мнению создателя, хотя на самом деле это может быть и не так);

- ПС - как результат деятельности одного из работников подразделения, созданный как препятствие в достижении цели другого работника. Некоторые люди не ожидают пассивного наступления ПС, а активно способствуют её наступлению, иногда даже провоцируют её, например, создают стрессовую напряжённость в отношениях резкими словами, излишне подчёркнутой прямоотой и др.

О мнимой проблемной ситуации мы можем говорить тогда, когда у кого-либо из работников подразделения возникает субъективное представление о том, что фактическое состояние отклоняется от нормативного или ожидаемого, или, что подвергается сомнению его право занимать определённые позиции в рамках данной системы отношений, или, что возникли затруднения при общении с кем-то (хотя на самом деле всё не так).

Конфликтная ситуация (КС). Осознание КС и её восприятия работниками, вовлечёнными в неё, может быть различным:

- ПС не осознаётся;

- ПС осознаётся и воспринимается неадекватно. Образы ПС существенно отклоняются от действительности или воспринимаются как препятствие к достижению цели, не являясь им. В этом случае можно сказать, что ПС переросла в мнимую конфликтную ситуацию;

- ПС осознаётся и адекватно воспринимается. Если один из работников (в дальнейшем будем называть его протагонистом), вовлечённых в ПС, воспринимает её как потенциальную угрозу возможности достижения поставленных им целей, либо даже как прямое препятствие этому достижению, которое, в свою очередь, может привести не только к дополнительным затратам значительных усилий и времени, но и ставит под сомнение самую возможность достижения поставленной цели вообще. При наличии этих условий можно сказать, что ПС переросла в реальную конфликтную ситуацию. Проблемную ситуацию отделяет от конфликтной временной интервал, необходимый на то, чтобы ПС вошла в зону внимания кого-либо из работников, была осознана как потенциальная угроза или препятствие.

В структуру КС входит ПС и индивид с нереализованными потребностями. Реализация его потребностей ставится под сомнение ввиду наличия ПС. Если в ПС человек фигурирует как функционер и мы рассматриваем отклонение его фактических характеристик от нормативно заданных для функционера, то в КС человек выступает как индивид, оценивающий ПС и соотносящий её со своими целями. Оценка ПС идёт

прежде всего с точки зрения определения её пригодности как средства достижения цели. Т.е. работник прежде чем сказать, является ли ПС препятствием или нет, для достижения его целей должен оценить ПС как средство достижения целей. В разворачивании ПС в КС значительная роль принадлежит субъективному фактору (оценивание действительности по мерке личных идеалов) и пределу личностного "порога чувствительности" к ПС. До известного предела каждый человек, вовлечённый в ПС, может продолжать действовать в соответствии с установившейся системой отношений до тех пор, пока степень неудовлетворённости остаётся в пределах личностного порога чувствительности к этим явлениям. Как этот порог оказывается перейдённым, участник воспринимает ситуацию как препятствие, т.е. ПС может восприниматься как препятствие не только сразу после её осознания, но и после многократного её повторения. Величина порога зависит от характера внешней ситуации, её повторяемости, жизненной позиции личности и др. Если ПС повторно не возникает, то может оказаться, что ранее оказанные отрицательные её воздействия на личность не останутся бесследными. Полученная субъектом отрицательная информация будет циркулировать в его сознании по кругу и может оставаться в нём длительное время и проявиться при случайных обстоятельствах, создавая впечатление о полной "необъяснимости" поступка.

Для описания КС важны следующие характеристики индивида: цели, достижения, возможности (средства достижения целей). В зависимости от соотношения этих компонентов, их оценки индивидом, а также ПС, входящей в КС, конфликтные ситуации можно разбить на две группы: реальные и мнимые. О реальной КС можно говорить, если она включает в себя реальную ПС, индивид адекватно осознаёт ПС, ставит перед собой реальные цели и адекватно оценивает возможности их достижения. Мнимая КС возникает в следующих случаях:

- КС содержит мнимую ПС;
- индивид ставит перед собой нереальные цели. Цели в этом случае значительно выше его реальных возможностей.

Коллизия. При восприятии ПС как неприемлемой и требующей изменения возможны реакции протагониста двух видов: адекватная и неадекватная. Основным содержанием адекватной формы реакции являются действия, направленные на разрешение ПС. Неадекватная реакция характеризуется малой связью с ПС.

Адекватные реакции могут быть следующими:

- шаблонная реакция. ПС типична и стандартна и для её разреше-

ния применяются однозначные определённые шаблоны действий;

- нешаблонная реакция. В этом случае человек, вовлечённый в ПС, оказывается в новой, беспрецедентной ситуации, где все первые, и уже нельзя ограничиваться наличным опытом. Включаясь в новую ситуацию, индивид творит себя, ситуацию, новые связи с другими людьми. При этом расплачивается за всё им сотворённое, сталкиваясь с результатами, которые не всегда совпадают с намерениями.

Наибольший удельный вес в производственных организациях занимают стандартные повторяющиеся ПС, для которых документально оформлены или традиционно закреплёны определённые программы или правила решения (действия в случае останова технологической линии, нарушения трудовой дисциплины и т.п.)

Неадекватные реакции могут быть следующими:

- отсутствие действия из-за: а) неадекватного представления о фактическом состоянии компонентов подразделения (увеличение или уменьшение величины отклонения и значимости его для работников); б) того, что решение ПС не может быть сделано в приемлемые сроки, не оправдывает ожидаемых затрат на выработку и реализацию соответствующего курса действий или нельзя повлиять на факторы, порождающие ПС;

- изменение отношений к ПС;
- уход от ПС;
- реакция тревоги I.

В этом случае появляется резко выраженное эмоциональное напряжение и сознательный контроль за поведенческими реакциями ослабевает. Мотивы деятельности меняются. На первый план выходят мотивы страха, ухода от ситуации. При тревоге высокой степени наступает прекращение активной формы деятельности или деятельность характеризуется полным отсутствием логичности действий (действия не доводятся до конца, повторяются, одно действие меняется противоположно направленным).

При неадекватной реакции КС не получает дальнейшего развития и реакция индивида остаётся на уровне внутреннего, не выносимого в явной форме возмущения, эмоционального напряжения, тревоги, тревожной депрессии и не перерастает в готовность преодоления препятствий и тем самым изменения ситуации в свою пользу. К дальнейшему изменению ситуации в направлении к конфликту приводит только деятель-

I Экологическая физиология человека. М.: Наука, 1979, гл. 13
"Психологические реакции человека в экстремальных условиях".

ность, направленная на разрешение ПС. Чтобы деятельность по разрешению ПС была начата, у работника, чьи интересы ущемляет ПС, должна сформироваться готовность к активным, решительным действиям по изменению ситуации. Степень готовности, начало, интенсивность и длительность борьбы зависят от многих факторов: накопленного опыта борьбы, уровня организованности, правильной стратегии и тактики и т.д.

Дальнейшее изменение КС будет происходить по двум направлениям в зависимости от реакции на КС окружающих:

- сотрудничество (окружающие протагониста работники активно помогают ему в разрешении возникшей ПС);

- коллизия (появление человека, препятствующего разрешению ПС).

Если в определённый момент времени появляется человек, который воспринимает действия протагониста как прямое нарушение своих интересов (девторогонист), мы можем сказать, что конфликтная ситуация переходит в коллизию. Коллизия — это такое состояние при взаимодействии сторон, когда позиция одной из них (протагонист) выражена в явной форме и характеризуется фиксированной направленностью действий на изменение ситуации, а другая сторона (девторогонист) воспринимает эти действия, как нарушение своих интересов и не заинтересована в изменении ПС.

Компонентами коллизии являются: протагонист, девторогонист, ПС, знание протагониста о том, что девторогонист сделал противоположный выбор, деятельность протагониста по преодолению ПС.

Конфликт. В коллизии действие остаётся односторонним, протагонист утверждает решительными действиями свою прамерность. Взаимодействие протагониста с девторогонистом может пойти по следующим направлениям: переговоры, борьба, уход протагониста или девторогониста из ситуации. Выбору стратегии "переговоров и борьбы" предшествует "разведка боем", обмен действиями, которые позволяют определить ресурсы, которыми располагает другая сторона; соотносить собственные ресурсы и возможности с соответствующими характеристиками другого; определить затраты на борьбу и на переговоры.

Стратегия переговоров может быть выбрана при следующих условиях:

- ресурсы обеих сторон оцениваются как равные;
- враждебные или агрессивные чувства у каждого из участников не превышают того предела, до которого они выполняют только мобилизующую функцию;
- по крайней мере один из участников способен идти на уступки в определённых пределах.

Вероятность выбора ситуации борьбы весьма высока при наличии

следующих условий:

- враждебность и агрессивность у одного из участников достигла такой интенсивности, что он не в состоянии их контролировать и в своих действиях постоянно допускает бестактность, обман, подстрекательство;
- ни один из участников не считает стратегию "борьбы" недопустимой;
- оба участника потеряли надежду достичь своей цели другими средствами, кроме борьбы;
- оба участника решили, что затраты на борьбу оказываются более выгодными для них в случае выигрыша, чем затраты, связанные с переговорами;
- субъективная оценка возможности победы у участников достаточно высока.

Если действия протагониста вызывают у деэтерогониста устойчивое противодействие, то можно говорить, что коллизия переросла в конфликт. Таким образом, под конфликтом мы будем понимать такое взаимодействие индивидов, в котором каждый сознательно противодействует достижению целей, поставленных другим, независимо от отношения к этим целям.

Проведённое в статье исследование генезиса конфликта расширяет представление о природе конфликта как социального явления и позволяет поставить вопрос о построении исследовательских программ и средств их реализации, которые были бы предназначены для изучения конфликтов в организации. Необходимость решения этой гносеологической задачи продиктована потребностями конкретной практики повышения эффективности функционирования организаций.

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ СОРЕЗНОВАНИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Л.Ф.Зайцева (Новосибирск)

Проектирование является связующим звеном между наукой и производством, в условиях же интенсификации общественного производства роль этого звена (этапа) в научно-производственном цикле¹ неизменно возрастает. Однако в настоящее время проектирование как сфера деятельности, а также взаимодействие его с наукой и производством изучено меньше, чем деятельность научная и производственная. Это отражается, прежде всего, на сроках разработки и качестве проектно-сметной документации, а в конечном итоге — на научно-техническом уровне сооружаемых и вводимых в действие объектов.

В "Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981 — 1985 годы и на период до 1990 года" особое внимание уделяется роли социальной и трудовой активности советских людей в решении задач, стоящих перед нашим обществом². Действенным же методом повышения этих форм активности является социалистическое соревнование.

Проектирование представляет собой творческий процесс, в котором участвуют специалисты различных профессий. Проектирование — это процесс коллективного творчества группы людей, объединённых одной целью — выпуском комплексной проектно-сметной документации, или, иначе говоря, созданием модели будущих основных фондов, выражаемой в форме проекта.

Труд проектировщика по природе своей — труд творческий, сродный научному, содержащий, однако, в то же время элементы механической деятельности (например, расчёты и графические работы). Анализ трудовых процессов в проектной деле³ даёт возможность утверждать, что в современных условиях возрастает требования к творческому потенциалу проектировщиков. Соответственно возрастает значение социаль-

1 Научно-производственный цикл — это новая форма производственного процесса, представляющая собой специфическую форму выражения обобществления производства в условиях развитого социализма.

2 Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с.136.

3 Зайцева Л.Ф., Щербakov А.М. Резервы повышения эффективности труда проектировщиков в строительстве (вопросы соцсоревнования). Новосибирск, 1978. Депонировано в ИНИОН АН СССР (№ 2955 от 8.01.79)

ных факторов проектного производства.

В настоящее время, как известно, существует насущная необходимость поиска путей повышения эффективности проектного дела в целом как технологического процесса, как сферы занятости, так и труда отдельных работников проектных организаций. В конечном же итоге стоит задача ускорения этапа "проектирование" в научно-производственном цикле.

Эффективность проектирования и труда проектировщиков может повышаться по направлениям, каждое из которых характеризуется совокупностью факторов, оказывающих определённое воздействие на эффективность проектирования и труда проектировщиков: 1) научно-прогностические; 2) технико-технологические; 3) организационно-экономические; 4) социальные.

Особого внимания заслуживают социальные факторы. Если другие факторы (технико-технологические, организационно-экономические) оказывают относительно самостоятельное, непосредственное влияние на повышение эффективности труда проектировщиков, то социальные факторы влияют на эффективность труда опосредованно, через воздействие на все остальные без исключения факторы. Социальные факторы можно подразделить на следующие группы¹:

- социально-производственные (технико-технологические условия труда и его содержание);
- социально-личностные (общеобразовательный, квалификационный и культурный уровень работников);
- социально-психологические (нравственно-психологические отношения в трудовом коллективе).

Социальные факторы наиболее существенно проявляются в социальном соревновании. Проблема совершенствования организации социалистического соревнования проектировщиков, повышения его социальной роли, таким образом, в современных условиях представляет серьёзный научный и практический интерес.

Социальный аспект соревнования проявлялся так или иначе и оказывал воздействие на проектное производство с самого начала зарождения соревнования в проектном деле. Ведь в своё время и в проектном деле возникли предпосылки стахановского движения. Так, ещё весной 1935 г. ряд проектных институтов Ленинграда включился в конкурс пм. Жданова, основной задачей которого был выпуск технически совер-

¹ Кисилёв В.Н. Социальная функция социалистического соревнования. М.: Профиздат, 1980, с.55.

шенных и экономичных проектов. В стахановском движении проектировщиков одними из первых были ленинградские институты: Гипромез, Гипрометиз, Гипромаш, Гипроазот, Гипрохим. Проекты, разработанные в этих институтах, пересматривались с учётом стахановских достижений, сопоставлялись с достижениями лучших предприятий. Очень важным моментом в развитии стахановского движения явилось творческое содружество стахановцев-проектировщиков, стахановцев-учёных и стахановцев-рабочих.

Стахановское движение в проектных институтах способствовало сокращению капитальных вложений по проектируемым предприятиям и объектам.

Уже в начале развития стахановского движения в проектном деле возникли серьёзные трудности. Считалось, что применение стахановских методов в проектировании невозможно, так как труд проектировщика — это прежде всего труд творческий, который нерационально строго регламентировать. Но, с другой стороны, было ясно, что значительная часть работников проектных организаций была занята работой, изо дня в день повторяющейся. Такую работу можно и нужно было нормировать. Кроме того, стахановцы-проектировщики ставили перед собой задачу не только перевыполнять нормы выработки, но и добиваться высокого качества выпускаемой продукции.

Заметное развитие стахановское движение в те годы получило во Всесоюзном тресте строительного проектирования промышленных предприятий чёрной и цветной металлургии машиностроения — Промстрой-проекте и его Московском, Ленинградском и Ростовском отделениях.

Стахановский стиль работы требовал коренного пересмотра самого процесса проектирования, стала очевидной необходимость ещё более серьёзного подхода к его организации.

Стахановские методы позволили выработать основные принципы правильной организации труда проектировщиков — расчленение процесса проектирования на отдельные составляющие, чёткое разграничение функций между исполнителями, централизованная подготовка инструмента и приспособлений, правильная и эффективная организация рабочего места, комфортные условия труда. Шли поиски более совершенной организационной структуры проектных организаций, появилась необходимость улучшения плановой работы в проектном деле. Всё это создавало творческую атмосферу в коллективах проектировщиков, что, в свою очередь, способствовало активизации в них рационализаторской деятельности.

Кроме того, деятельность стахановцев-проектировщиков была также направлена на улучшение организации строительства и обеспечение со своей стороны развития на строительных площадках стахановских методов работы, для чего в проектах требовалось применение прогрессивных решений, которые позволили бы снижать трудоёмкость строительства, максимально использовать типовые и стандартные конструкции и механизировать производственные процессы в строительстве. Здесь особенно заметна социальная роль стахановского движения.

Социалистическое соревнование в проектировании в отличие от промышленных и строительных организаций долгое время ограничивалось рамками отдельных проектных организаций, и лишь в переные годы девятой пятилетки коллективы проектировщиков включились во Всесоюзное социалистическое соревнование коллективов научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций.

Основу соревнования в любом коллективе составляет индивидуальное соревнование, которое обеспечивает учёт и контроль работы каждого. Именно на этом уровне проявляется, прежде всего, социальная роль соревнования. "Камнем преткновения" в проектных институтах является как раз организация индивидуального соревнования, которое очень часто, к сожалению, носит формальный характер. Это подтверждает анализ полученных нами данных при обследовании ряда проектных организаций. Выяснилось, например, что о формах индивидуального соревнования не имеют представления около 14% опрошенных, более половины опрошенных не имеют индивидуальных обязательств. Анализ результатов обследования также показал, что часть сотрудников плохо представляет, что такое индивидуальные обязательства. Защищать свои обязательства перед коллективом не приходилось (не было необходимости) ни одному человеку.

Это обстоятельство наводит на определённые размышления. В деятельности анализируемых проектных организаций имеется целый ряд недостатков, однако обязательств, направленных на улучшение дел, не обнаружено, не было и отдельных лиц, кто бы, как в период стахановского движения, внёс кардинальные улучшения для устранения недостатков.

Лишь часть сотрудников (около 13 % опрошенных) уверена, что их обязательства вносят вклад в успешное решение основных задач коллектива.

Только около половины сотрудников заявили о том, что достижения отдельных работников в ходе соревнования становятся достоянием

гласности. Возникает вопрос о соблюдении принципа гласности индивидуального соревнования.

Главным в соревновании для большинства сотрудников института является, в первую очередь, повышение квалификации; для весьма незначительного числа сотрудников — активное участие в управлении производством.

По мнению опрошенных, благодаря участию в соревновании в коллективе произошли некоторые изменения, в том числе социального характера: улучшились условия труда, коллектив стал более сплочённым, улучшились отношения между руководителями и подчинёнными. Однако почти треть сотрудников считает, что никаких изменений в коллективе не произошло.

Слабая организация индивидуального соревнования в проектных институтах объясняется прежде всего недостаточным вниманием к нему со стороны организаторов соревнования, отсутствием у них специальных знаний, а также отсутствием научно обоснованных рекомендаций.

Об этом свидетельствует также тот факт, что среди показателей соревнования социальные показатели или вовсе отсутствуют, или же отдельные из них включаются в группу дополнительных, или учитываемых, но, как правило, малозначимых показателей.

Нам представляется, что все показатели, по которым разрабатываются обязательства, а затем подводятся итоги, следует сгруппировать в соответствии с функциями соревнования: экономической, социальной и воспитательной. В группу социальных показателей необходимо включить показатели, отражающие прежде всего:

- участие работников в управлении производством;
- уровень квалификации;
- уровень образования;
- культурный уровень.

Необходимо также усилить контроль за ходом выполнения индивидуальных обязательств. Ведь именно индивидуальные обязательства менее всего подвержены контролю. Подчас никого не интересует, как они выполняются и выполняются ли вообще. Прямая зависимость между выполнением индивидуальных обязательств и обязательств всего коллектива в целом отсутствует.

Совершенствование индивидуального соревнования, всесторонний учёт социальных факторов — вот, на наш взгляд, основной резерв повышения влияния социалистического соревнования на совершенствование деятельности проектных организаций.

О ВЛИЯНИИ ОБУЧЕНИЯ НА УСПЕШНОСТЬ РЕШЕНИЯ ДИСПЕТЧЕРСКИХ ЗАДАЧ

В.С.Никифоров (Новосибирск)

В настоящее время нет единого подхода к подготовке и подбору кадров оперативного управления — диспетчеров. В одном случае ориентируются на "практиков", в другом — на выпускников вузов. Однако само по себе наличие длительного опыта работы или высшего образования ещё не гарантирует успешной работы в должности диспетчера. Необходимо изучение этой деятельности в целях формирования требований к системе подготовки и подбора диспетчерских кадров.

Центральным моментом анализа деятельности диспетчера служит то, что предметом его труда является информация, продуктом — решение, а основное содержание деятельности составляют сбор, хранение, переработка и передача информации. Это позволяет использовать при изучении труда диспетчера методы инженерной психологии, с успехом применяемые в исследовании труда оператора. Специфика деятельности диспетчера проявляется в основном в её внешних средствах (информационная система, средства отображения информации и т.д.), в организации исполнения решений. Кроме того, зачастую решение диспетчером принимается путём совместной разработки вариантов и исполнителем (в режиме диалога).

Деятельность диспетчера во многом определяется её должностным статусом. В то же время большое влияние на деятельность оказывают и те неформальные структуры, связи, отношения, процессы, которые возникают как в недрах формальной группы, так и вне её. В деятельности же чисто операторской большое значение имеют такие факторы, как рабочий режим и физико-химическая среда.

Следует отметить ещё один момент. При изучении труда диспетчера мы имеем дело с двумя видами деятельности: внешней "теплой", где средствами выступают вещи, предметы, и внутренней психологической (многительной, рефлексивной), где в качестве средств выступают понятия.

1 См.: Введение в эргономику. Под ред. В.П.Зинченко. М., 1974, 352 с.; Венда Н.Ф., Нафтульер А.И., Рубахин В.Ф. Организация труда операторов (инженерно-психологические проблемы). М., 1978, 234 с.; Галактионов А.И. Основы инженерно-психологического проектирования АСУТП. М., 1978, 208 с.; Практикум по инженерной психологии. Под ред. А.А.Крылова и В.А.Ганзона. Л., 1978, 168 с.

Как показали наши исследования труда диспетчеров речного флота, операции, связанные с решением диспетчерских задач, занимают до 40 % рабочего времени. Однако дело не только в затратах времени. Решения диспетчера определяют ход и характер производственного процесса, непосредственно влияют на показатели работы многих коллективов.

С умением решать диспетчерские задачи логически связаны такие качества диспетчера, как способность к адекватной оценке ситуаций, самостоятельность, решительность, деловитость. Можно сказать, что успешно работает тот диспетчер, который умеет решать диспетчерские задачи.

Из этого утверждения следует очень важный вывод. Система подбора и подготовки диспетчерских кадров может быть построена на использовании диспетчерских задач. Они могут выступать как средство оценки, отбора лиц с задатками диспетчера, а также как средство обучения.

Обучение решению диспетчерских задач может быть реализовано несколькими путями, которые сводятся к двум основным направлениям — теоретическому (названному нами эксплицитным) и игровому (имплицитному). Эксплицитный путь обучения требует глубокой теоретической подготовки, системных представлений об объекте, знания методологических основ процесса решения задач (принятия решений)¹. Игровой (имплицитный) путь обучения основан на предположении о том, что в деятельности диспетчера, характеризующейся неопределённостью, возникают ситуации "игры" с воздействиями окружающей среды. Вырабатываемая в процессе учебной игры стратегия может быть использована и для решения специальных задач².

Традиционный подход — от простых задач к сложным, на конкретных фактах и примерах, с акцентом на специфику объекта управления — малопродуктивен при подготовке диспетчерских работников. Многообразие и сложность задач управления приводит к необходимости описания их в языке высокого уровня абстракции. Стремление выйти на "предписания", "конкретные рекомендации", "рецепты", "живые примеры" можно было бы только приветствовать, если бы это не влекло за собой упрощения, огрубления и даже искажения реально существующих

¹ См. об этом: Психолого-педагогические проблемы профессионального обучения. М., 1979, 203 с.; Кулыткин Ю.Н. Эвристические методы в структуре решений. М., 1976, 232 с. и др.

² Практикум по инженерной психологии, с.85-86; Набутов А.И. и др. Игровой подход к формированию оптимальных стратегий решения задач. — В кн.: Психология и управление. Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 9. Л., 1979, с.116-123.

явлений, их связей, закономерностей функционирования и развития. Режим принятия решений в условиях обучения должен соответствовать не внешним, физическим характеристикам реального процесса, а внутренним, концептуальным категориям, определяющим содержательную основу управляющей деятельности.

Ниже излагаются методические основы проведения эксперимента, имеющего целью исследовать влияние форм обучения на процесс формирования стратегии решения задач оперативного управления.

Игровая подготовка реализуется с помощью игр, подчиняющихся правилам наилучшей игры. Следование им ведёт неуловимо к достижению цели. Кроме того, игры должны допускать как наглядно-образную, так и абстрактную форму представления ситуации. Этим требованиям соответствуют разработанные в Ленинградском государственном университете игры "Ним" и "Счёт"

Теоретическая подготовка осуществляется на основе лекционного курса "Основы теории решения задач", включающего следующие разделы: "Решение задач как деятельность", "Классификация задач и методов их решения", "Процесс решения и его структура", "Теоретическая основа процесса решения задач", "Формы представления задач", "Некоторые приёмы решения задач", "Алгоритмизация и автоматизация процесса решения задач".

Для проведения эксперимента избираются три группы: две экспериментальные и одна контрольная. Первая экспериментальная группа проходит игровой путь обучения, вторая — слушает лекционный курс "Основы теории решения задач". Затем все три группы решают контрольные задачи.

Можно указать на несколько путей подбора диспетчерских контрольных задач. Первый — эмпирическое изучение диспетчерской деятельности. Второй — интервьюирование и анкетирование специалистов. Как показал наш опыт, указание пути является малоэффективным. Число задач, собранных двумя сотрудниками в течение навигации по двум пароходам, составило немногим более десяти.

Более продуктивным может оказаться подход, который можно назвать формально-логическим. В этом случае строится логическая модель управляемой системы и вычисляются формальным образом все возможные её состояния.

Нами в процессе проведения работ по договору о творческом содру-

1 См.: Нафтульев А.И. О выборе уровня подобия тренажёра реальному объекту управления. — В кн.: Проблемы общей и инженерной психологии (Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 7). Л., 1976, с. 129-133.

2 Практикум по инженерной психологии. Л., 1978, с. 85-102.

жестве между ИИМВТ и ЛТУ использован наиболее простой способ формирования задач, основанный на том, что процесс решения задач по своей сути является мыслительной деятельностью, где присутствуют все основные механизмы мышления. Физическое подобие задачи реальному объекту не всегда является необходимым, а во многих случаях абстрагирование от физической сущности может привести к лучшим результатам.

Классификация задач производится по двум признакам - проблемности и формализуемости, т.е. могут быть выделены следующие классы задач (ситуаций):

- типичные-формализуемые;
- типичные-неформализуемые;
- проблемные-формализуемые;
- проблемные-неформализуемые.

Каждому классу задач соответствуют определённые методы решений²:

- стандартные, которые можно рассматривать как автоматические ответные действия;
- алгоритмические, в основе которых лежит перебор вариантов;
- эвристические, отражающие мыслительные способности человека;
- адаптивные, основанные на познании законов функционирования больших систем и построении обобщённых семиотических моделей ситуаций.

Классы решаемых задач и методы их решений связаны довольно жесткой зависимостью. Поэтому можно перейти к следующей классификации задач:

- стандартные;
- алгоритмические;
- эвристические;
- адаптивные.

Стандартные и адаптивные задачи для нас интереса не представляют, поскольку первые всецело определяются конкретными условиями ситуации, которые в обучении воссоздать невозможно, а последние связаны исключительно с использованием ЭЕМ и соответствующего математического аппарата. Кроме алгоритмических и эвристических мето-

¹ См.: Никифоров В.С. Разработка модели управленческой деятельности в системе оперативного управления. - В кн.: Проблемы познания и моделирования социальных явлений. Томск, 1979, с.163-167.

² См.: Никифоров В.С. Методы решения задач оперативного управления флотом. - В кн.: Пути повышения эффективности работы флота в парокходствах восточных бассейнов. Труды ИИМВТ, вып.134. Новосибирск, 1978, с.66-75.

дов можно выделить класс промежуточных задач, названных нами условно аналитическими. В основе этих задач лежат очевидные зависимости, которые, вообще говоря, должны быть известны лицу, решающему задачу. Однако точное решение может быть найдено не всегда. Какое-то дополнительное "практическое" значение, здравый смысл должны быть использованы при их реализации.

В соответствии с указанными принципами нами было подобрано около тридцати задач диспетчерского типа. Анализ результатов эксперимента включает сравнение показателей экспериментальных групп с показателями контрольной группы, а также поиск корреляционных связей между способом обучения и успешностью решения задач определённого типа. Разработанная классификация задач позволяет наиболее полно описать "внутренние" характеристики профессиональной деятельности диспетчера.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ДЕЛОВЫХ ИГР В ОБУЧЕНИИ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Я.С.Тинзбург (Новосибирск)

Начиная с 1975 г. количество деловых игр, применяемых и разрабатываемых в СССР, быстро увеличивается. Сейчас они используются во многих ИПК, вузах как средство активизации учебного процесса; имеются попытки использования этого метода в техникумах, школах и других учебных заведениях. В литературе описаны случаи применения данного метода в проектировании, управлении производством и научных исследованиях. Большинство публикаций, посвящённых деловым играм, содержат в себе либо описание конкретных игр, либо анализ результатов их применения. В литературе, освещающей принципы разработки и проведения деловых игр, в основном содержатся советы, полученные из опыта разработки и проведения конкретных игр. Лишь незначительное количество работ ставит перед собой задачу изучения феномена "деловая игра".

Совершенно естественен вопрос: существует ли какая-либо связь между явлением, называемым "игрой", и деловыми играми, или это различные явления, имеющие лишь общее название. Если нет, то необходимо избавиться от этого термина, тем более, что он вызывает многочисленные нарекания своей несерьёзностью. Если же да, то это позволит использовать при разработке и применении деловых игр значительный игровой опыт, накопленный человечеством в самых различных областях.

Большинство исследователей считают не только связанными эти два явления, но более того. "...глубокое понимание природы имитационных управленческих игр (так некоторые авторы называют деловые игры, - Я.Г.) возможно только при рассмотрении имитационных управленческих игр как подмножества более широкого класса явлений, объединяемых термином "игра"¹.

Чаще всего деловую игру производят от детской игры, точнее детской ролевой игры, аргументируя это тем, что:

- деловые игры также являются ролевыми;
- детская игра, так же как и деловая, является формой модели-

¹ Ефимов В.М. К теории имитационных управленческих игр. - В сб.: Динамическая и вероятностная оптимизация экономики. Новосибирск: Наука, 1978, с.136.

рования социальных отношений и воссоздания их в новой форме;

- детские, как и деловые игры, являются инструментом обучения и познания.

Немаловажную роль играет и то, что детские игры являются наиболее исследованным классом игр. По нашему мнению, это seriously сужает проблему, так как другие виды игр: развлекательные, спортивные, салонные и т.д. — выпадают из рассмотрения. Значительно более перспективными являются попытки разработать универсальную теорию игры, предпринимаемые в настоящее время в СССР и за рубежом, и через неё рассматривать отдельные её проявления.

Одной из интереснейших в этой области является работа Р. Кайя^I. В ней автор выделил ряд признаков, характеризующих игровую деятельность в отличие от других видов деятельности. После этого он определяет игру как деятельность, которая является:

- 1) добровольной: игрок не обязан в ней участвовать...;
- 2) обособленной: протекающей в точных, заранее определённых пространственных и временных границах;
- 3) неопределённой: не имеющей предсказуемого развития или результата, у участника игры всегда есть возможность проявить свою сообразительность и находчивость;
- 4) непродуктивной: не приводящей к созданию новых (материальных, — Я.Г.) элементов или обретению материальных благ... в конце игры складывается точно такая же ситуация, какая существовала в начале игры;
- 5) подчиняющейся определённым правилам и условиям; правила игры подменяют собой обычные законы и временно служат новым кодексом, который единственно имеет силу;
- 6) иллюзорной: участники игры сознают, что они действуют в рамках условной реальности или даже абсолютно вне рамок реальности, в отличие от повседневной жизни.

Автор доказал, что указанными принципами можно пользоваться как критериями при определении: относится ли некоторая деятельность к игровым или иным формам деятельности.

Покажем, что деловая игра подпадает под вышеприведённое определение и, следовательно, является одной из форм игровой деятельности. Для этого рассмотрим признаки игры применительно к деловым, но начнём со второго признака, т.к. первый требует особых пояснений.

Обособленность деловой игры очевидна, т.к. она протекает в течение определённого программой эксперимента или учебного занятия времени (временные границы) и в специально отведённом помещении или учебной аудитории (пространственные границы).

Деловые игры в большинстве своём являются неопределёнными по получаемому в игровой модели результату, т.к. он, не являясь априорным, зависит от целого ряда решений, принимаемых участниками игры, от их квалификации, взаимодействия между отдельными участниками и т.д. Некоторые так называемые "свободные игры" непредсказуемы и по своему развитию, т.к. от решений участников в них зависит не только результат, но и само течение игры: входная информация, связи между игроками, изменения игровой ситуации. Особенно это характерно для исследовательских игр, в которых роль внешних по отношению к имитируемой системе компонентов, а также подсистемы низшего уровня выполняют специально подготовленные эксперты. Лишь так называемые "демонстрационные игры" полностью определены как по результату, так и в своём развитии, в них отсутствует процесс принятия решения. Но такие игры собственно играми, в полном смысле, не являются, они ближе к театрализованному представлению и служат для демонстрации процесса проведения деловой игры пользователям.

Для деловых игр выполняется и требование непродуктивности в материальном смысле, т.к. основным "продуктом" деловой игры, так же как и других игр, является информация. Действительно, хотя в игре участники распоряжаются экономическими ресурсами ("элементами собственности" по терминологии Кайфа), это условные ресурсы и в конце игры экономические отношения между участниками игры остаются такими же, как и прежде, хотя отношения между ролями, которые они исполняют, могут существенно измениться. Кстати, по этому признаку азартные игры не являются играми в том виде, как они были определены выше, а представляют из себя "прочие виды деятельности", т.к. приводят к перераспределению материальных благ между участниками, аналогично, с "играми" в профессиональном спорте. Вообще говоря, при решении этого вопроса необходимо учесть существенность такого определения. Если оно не существенно в доходах участников, являясь скорее моральным поощрением, и не влияет на их материальное положение, то оно не влияет и на сущность игры. Так некоторые разработчики вводят в свои модели материальное поощрение участников, которое носит скорее символический характер.

Основой каждой деловой игры являются правила осуществления

игровой деятельности. В отличие от других видов игр правила здесь преимущественно не искусственные. Иногда они переносятся из жизни практически "один к одному". Всегда оговаривается, какие правила войдут в игровой кодекс, "который единственный имеет силу в течение игры"¹. Собственно игровыми (и в этом смысле искусственными, т.е. не имеющими аналогов в имитируемой системе) являются правила взаимодействия с элементами, внешними по отношению к имитируемой системе и её подсистемам, по каким-то причинам не представленным в модели. В некоторых экспериментах допускались действия, не разрешённые "жизненим кодексом", но допустимые в рамках игрового кодекса, например, для проверки устойчивости реального прообраза игрового кодекса и возможностей его обхода.

Существенной чертой деловых игр является то, что в деловой игре силу имеют только написанные или специально оговоренные правила, что роднит деловые игры, например, со спортивными.

Несмотря на всю реальность воспроизводимых процессов в деловой игре присутствует и иллюзорность. Участникам деловой игры свойственна двуплановость поведения: серьёзное и условное. С одной стороны, существует реальный аналог имитируемого процесса — серьёзное, с другой — участник осознаёт, что не живёт в игре реальной жизнью, а лишь исполняет роль — условное.

Эта условность осознаётся, даже если участник исполняет очень близкую ему роль (например, играет самого себя). Величина доли иллюзорного различна в различных игровых моделях и составляет одну из важнейших проблем обоснования метода деловых игр в социально-экономических исследованиях. Конечно, иллюзорность в деловой игре носит несколько другой характер, нежели в детской. Она ограничена рамками условности: настоящей, прошлой или будущей.

Сложнее дело обстоит с первым признаком — добровольностью. В деловой игре она понимается несколько по-другому, нежели в детских или развлекательных играх. Для всех типов игр этот принцип важен, т.к. напрямую связан с привлекательностью их для участников. Дети, например, быстро бросают навязанную им игру, или, во всяком случае, не получают от неё удовольствия, а следовательно, информационный потенциал такой игры низок.

В деловой игре "добровольность" вроде бы отсутствует, т.к., если это учебная игра, она является обязательной для всех обучаемых независимо от их желаний, а если игра проводится в исследова-

¹ Op. cit, p. 43.

тельских целях, то участников чаще всего назначают специальным приказом. Так как деловая игра является помехоустойчивым методом, нежелание игроков принимать в ней участие может привести либо к развалу игры, либо к совершенно неверным результатам, либо, в лучшем случае, к тривиальным результатам. Следовательно, деловая игра должна быть привлекательна для своих участников, но эта привлекательность рождается не до игры, а внутри игрового процесса. Если игра стала привлекательной для участников, то, начиная с какого-то этапа, их дальнейшее участие становится добровольным. Именно так надо понимать требование "добровольности" применительно к деловой игре. Подобное может происходить и в других видах игр, когда навязанная игра (детская, салонная, спортивная) становится привлекательной в процессе игры и дальнейшее участие в ней становится добровольным.

Мы показали, что деловая игра отвечает всем признакам игровой деятельности, из чего можно сделать вывод, что деловая игра является одной из форм многообразного явления, называемого игрой. Но это, в свою очередь, накладывает определённые ограничения на модели типа "деловая игра", определяет некоторые принципы разработки и проведения их, в рамках которых возможно максимальное использование игровых особенностей метода. Дальнейшая часть работы посвящена формулировке и описанию этих принципов.

I. Требование адекватности модели объекту моделирования предъявляется к моделям всех типов и, как модель, деловая игра должна быть адекватна объекту настолько, насколько это необходимо для проведения эксперимента с ней. Принадлежность к играм дополняет это требование следующим: адекватность (или степень адекватности) конструкции игры объекту должна соответствовать уровню знаний об объекте потенциальных участников игры. Пример из области детских игр: ребёнок, получивший сложную электронную игрушку, будет использовать её, как использовал бы макет. Аналогично, если ввести в игру, предназначенную для студентов, изучающих основы управления предприятием, все реальные аспекты и методы управления, игра во многом будет непонятна, а средства, причём немалые, затраченные на достижение излишней адекватности, будут потрачены впустую. С другой стороны, слишком простая игра перестанет быть увлекательной. Простая игрушка (которая не заставляет ребёнка задуматься) не может ничему научить. Также конструкция игры, излишне абстрактно описывающая объект для участников, будет не интересна для них, что нарушит требо-

вание добровольности, и игра будет менее эффективна, чем могла бы быть.

2. Чем большее число вариантов может рассмотреть метод, тем он предпочтительнее. В игре же многовариантность результатов и способов их достижения является необходимым требованием ("неопределённость" у Кайова). Т.о. в конструкции игры обязательно должна быть заложена возможность генерации различных вариантов решений или их рассмотрения. Чисто игровым является требование того, чтобы в конструкции игры была предусмотрена возможность генерации альтернатив решения участников в процессе игры. Игра по-настоящему становится игрой, когда в ней не только проверяют разработанные ранее решения, но и разрабатывают или координируют их в игре.

3. Следствием требования "неопределённости" в той его части, которая говорит о том, что каждый участник должен иметь возможность проявить свою сообразительность и находчивость, является следующий принцип: каждый участник деловой игры должен иметь возможность принимать решения в процессе игры. В деловой игре, в которой некоторые участники не имеют возможности принимать решения, они через некоторое время оказываются практически выключенными из игры и их действия сводятся к автоматическому заполнению игровых форм или другим рутинным действиям. У таких участников резко снижается интерес к игре и она теряет свою ценность как для участников, так и для организаторов игры в той её части, которая касается этих участников. Аналогично и в детской игре: игрушки-автоматы привлекают интерес детей на считанные часы, а затем навсегда забываются либо разламываются и переделываются. В конструировании игр это требование проявляется так. В игровой модели отражается не вся имитируемая система, а только её "узловые точки", т.е. те функциональные места (группы мест), в которых осуществляется преимущественное принятие решений, обеспечивающих функционирование имитируемой системы. Функциональные места, на которых осуществляется преимущественно рутинная деятельность, но необходимая для воспроизведения имитируемой системы (ручные расчёты, вспомогательные вычисления и т.д.), имитируются либо группой организации игры, либо специально подготовленными лицами, для которых эта деятельность не является игровой, а будет основываться на других принципах (работа, общественное поручение и т.д.)

4. Цель — одна из важнейших характеристик игры. Наиболее

распространённой целью различных классов игр является определение победителя, а, соответственно, цель участников игр — выигрыш. В них присутствует критерий определения победителей и побеждённых. Но цель, как игры в целом, так и её участников присутствует и в играх, в которых нет победителей и проигравших, хотя в этом случае она является гораздо более сложным образованием. Например, одна из целей детских ролевых игр, таких как "дочки-матери", "магазин" и т.д., может быть определена как достижение максимальной похожести игры и реального имитируемого процесса. Причём в соответствии с пунктом I достигнутая похожесть определяется знаниями участников о реальном процессе. Цель участника игры заключается в представлении себя участником реального процесса, отождествлении целей с ролевыми. Хотя цели игры в целом во многом определяют цели участников, но далеко не полностью. Доопределение происходит с помощью правил игры, а также самими участниками. Доопределение участниками тем сильнее, чем менее чётко определена цель в правилах и чем менее чётки сами правила. Вследствие этого существует опасность подмены цели участником, игрок может в случае слабого определения цели сам придумать её и в дальнейшем преследовать в игре именно эти цели, что, естественно, изменит проводимую игру по отношению к разработанной её конструкции.

Разрабатывая деловую игру, необходимо учесть целенаправленность игровой деятельности, ввод в качестве обязательного компонента цель игры и цели участников (если не поставлена специальная задача выявления подобных целей). В противном случае, участники игры могут начать играть в "свою собственную игру", что, чаще всего, предопределяет неудачу эксперимента или учебного занятия.

5. Последствия некоторой деятельности человека в организации могут проявиться не только непосредственно в организационной форме (изменении статуса, должности, взаимоотношений и т.д.), но также в виде некоторой оценки субъекта деятельности, что в некоторых случаях может повлиять на его организационное положение в будущем. Естественное стремление субъекта действовать так, чтобы изменить своё положение в благоприятном направлении или, во всяком случае, не ухудшить его. Таким образом такое использование оценки деятельности во многом определит цель субъекта вне зависимости от тех целей, которые были для него сформулированы. Конечно, это верно лишь в тех случаях, когда оценка или её последствия имеют ценность для субъектов дея-

тельности прямо или через их непосредственное окружение. Так как деловые игры проводятся в рамках организаций: учебных, научно-исследовательских, производственных и результат может быть использован организацией для оценки деловых качеств сотрудников, определения уровня его квалификации и т.д., то организация считает результаты действий участника игры организационно значимыми (имеются в виду не результаты игровой роли, а собственно участника). Если участник знает или предполагает о таком использовании игры, игра становится для него одним из видов деятельности в организации. Прямым следствием этого является лишение игры иллюзорности, т.к. игра становится разновидностью реальной деятельности. Изменяются и цели участника. Вне зависимости от его игровых задач он будет максимизировать свою оценку, что, как рассматривалось в пункте 4, может привести к нежелательной модификации игры.

Принцип "отсутствия организационной значимости" является следствием требования "непродуктивности" игры. Он не означает, что игры не могут быть использованы для оценки участников, но, в таком случае, и цели игры должны определяться в соответствии с задачей оценки участников.

6. Рассматривая особенности требования "добровольности" применительно к деловым играм, мы отметили, что она возникает не сразу, а на первых этапах игры. Начальные этапы включают в себя знакомство с правилами, особенностями игровой деятельности, призывание к роли и интегрирование игровых упрощений. По этой причине познавательный и исследовательский потенциал первых этапов игры низок. Организаторы не должны усложнять работу участников, навязывая им дополнительные задачи, т.к. в противном случае, они скорее всего будут не выполнены или выполнены неверно. Кроме того, знакомство с игрой может растянуться на следующие этапы игры, что может сказаться на успешности эксперимента.

В заключение стоит отметить одно игровое ограничение, которое является производным от вышеперечисленных, но, в отличие от них, косвенно касается конструкции и принципов проведения игры через подбор участников.

7. Каждый участник игры должен видеть возможность принятия решения, т.е. не только иметь такую возможность (согласно п.3), но также:

- видеть необходимость принятия решения в игровой ситуации;

- иметь потенциальную возможность генерации альтернатив решения;
- уметь анализировать альтернативы и отбирать лучшие из них.

Нарушение этого ограничения может привести к тому, что участник, который не видит возможностей принятия решения, будет исключен из игры так же, как и участник, не имеющий возможности для принятия решений. Это ограничение требует специального подбора участников для реализации игровых ролей. Вместе с игрой необходимо разрабатывать и квалификационные требования на все игровые роли, в соответствии с которыми будут подбираться участники игры.

Таким образом, мы выяснили, что модели типа "деловая игра" действительно принадлежат к многообразному явлению, называемому "игрой". Эта принадлежность является весьма существенной для конструирования моделей, накладывая ограничения на саму модель, её реализацию и её человеческую компоненту. Недоучёт или нарушение этих ограничений могут привести к тому, что эксперименты с моделями этого типа будут не только неэффективны, но и вообще могут не достичь поставленных перед ними целей.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ "ДЕРЕВЕНСКОЙ" ПРОЗЫ)

В. А. Заргаров (Новосибирск)

Социология села занимает несколько необычное положение в общей системе социологического знания как по значимости стоящих перед ней проблем, так и по характеру исследуемого ею объекта. Проблемы, решаемые сельской социологией, важны не только для самого села, но и для города, так как наряду с проникновением города, городских норм жизни в село одновременно идёт очень интенсивный процесс — проникновение села в город в виде сельского образа жизни. Урбанизация, таким образом, — это, с одной стороны, превращение сельского жителя в городского, а с другой — "ввоз" сельской культуры в город на плечах свежееурбанизированных жителей села.

Выступая в качестве объекта социологических исследований, село является таким специфическим феноменом, в котором деятельность всякого социального института персонифицируется в определённом человеке — институт торговли представлен продавцом, институт власти — бригадиром или управляющим и т. п.

Данная особенность села порождает необходимость непосредственного общения людей друг с другом и, в свою очередь, приводит к тому, что село выступает устойчивым целостным образованием с чрезвычайно упрощёнными связями.

При исследовании села необходимо выделять устойчивость и целостность двух типов:

- 1) само село как целостная система, как единый организм, как некоторое единство;
- 2) отдельно взятый человек как целостность, в отличие от человека в городе, во многих отношениях являющегося "частичным" человеком.

Существующие в настоящее время теоретические концепции села не отражают в полной мере специфику этого объекта, так как нет достаточной теоретической ясности в том, как и на какие элементы расчленять единый органический объект, чтобы в итоге не потерять самое главное — целостность. Кроме того, инструментарий, используемый в массовых обследованиях, построен зачастую по принципу — получить те сведения, которые можно, а не те, которые нужно. В этой ситуации широко используемые сейчас в сельской социологии различные оп-

росники, анкеты и интервью, как вредство изучения села, не всегда дают даже адекватную информацию. Во-первых, отсутствуют экстериоризированные модели села, из которых, видимо, исходит составитель инструментария. Во-вторых, как бы мы ни расчленили объект, интервьюер имеет дело с человеком, вопросы которому он задаёт в надежде получить ответ. Всегда ли эти надежды обоснованы? Может ли опрашиваемый всегда ответить на вопросы, поскольку ответ предполагает достаточно развитую рефлексия жителей села?

Зачастую ответы могут исказить действительную картину и это уже становится недостатком анкетного метода. Тут возможны различные варианты – искаженный ответ, спровоцированный неточно поставленным вопросом; ответ, выдающий желаемое за действительное, за то, что уже есть; в качестве ответа выдаётся норма, усвоенная человеком, а не то, что имеет место в действительности, и т.д.

Помимо чисто методических сложностей существуют серьёзные методологические ограничения, выходящие за рамки просто достоверности исследовательских процедур. Так как социальный исследователь имеет дело с социальными феноменами, каждый из которых по своему характеру неповторим и уникален, то всякая попытка расширить объектную область приводит к тому, что исследование превращается из конкретно-социального в социально-историческое, генетически развертывается в пределах исторически более широкого периода времени существования того же самого объекта. И критерий предметной верификации в условиях конкретной исторической ситуации, таким образом, подменяется объектно-генетической верификацией исследуемого социального феномена.

Такая ситуация делает невозможной процедуру сравнения и обработки унифицированных теоретических гипотез достаточно высокого ранга, так как полностью охватывается ситуация достоверности материала – феномен реальности существует в одном экземпляре и никаким образом не может быть сопоставлен с другими аналогичными объектами того же класса.

Выходом из этого положения для социологии села, на наш взгляд, является возможность использовать дополнительно к существующим методам иной вид социальной рефлексии по поводу её непосредственного объекта – так называемую "сельскую" прозу или "деревенскую" литературу.

В отношении к селу в целом писатель "деревенщик" и социолог "деревенщик" выступают в одной и той же позиции: дать изображение исторически конкретного этапа существования социального феномена

во всей полноте и многообразии его связей. Но если социолог реализует свою задачу путём создания обобщённых теоретических моделей села, сформулированных в языке социологии, то писатель, в силу специфики своей социальной рефлексии, создаёт изображение персонифицированных носителей социальных отношений, фиксируя их в виде художественных образов. Т.е. возникает любопытная ситуация — литература реконструирует как раз то, что и нужно социологу, но при этом она создаёт ещё одну социальную реальность, сопоставимую и равную по значимости и операторным возможностям той реальности, которая для социолога выступает основным объектом его деятельности.

Художественная литература уже не раз служила источником сведений для самых разных социальных наук. Достаточно назвать хотя бы тот широко известный факт, что при изучении капитализма романы О.Бальзака принесли К.Марксу не меньше пользы в построении концептуальных схем, чем сочинения специалистов по политэкономии¹. Так что в принципе обращение к художественной литературе как к эмпирическому материалу, как к самостоятельному источнику социальной информации можно считать естественным и закономерным шагом.

Теоретическим основанием для такого использования является механизм познавательной деятельности художественной литературы, важнейшей характеристикой которого являются его поиски типического как обобщения реальных эмпирических фактов и конструирование модели — типических характеров, типических ситуаций. Этот момент был выделен Л.Н.Толстым, когда он писал: "Да, я часто пишу с натуры... Но я думаю так, что писать прямо с натуры одного какого-нибудь человека, то это выйдет совсем не типично, — получится нечто единичное, исключительное и неинтересное. А нужно именно взять у кого-нибудь его главные характерные черты и дополнить характерными чертами других людей, которых наблюдал. Тогда это будет типично. Нужно наблюдать многих людей, чтобы создать один определённый тип. Ту же мысль высказывает и М.Горький: "Необходимо человеку всмотреться в сотни других попов, продавцов, рабочих, чтобы верно нарисовать портрет этого рабочего, продавца или попа".

Такой способ работы, реализуемый в художественных текстах, позволяет, в частности, говорить о необходимости использования худо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.37, с.36-37.

жественной литературы в качестве источника разного рода социальных занятий, так как именно литература превращает временное, индивидуальное, уникальное в нечто всеобщее, которое может, по словам М. Арнаудова, "приобрести и практическое значение: обосновать глубже существующие человеческие институты, политические, религиозные или нравственные, показав их подлинное разумное значение"¹ (подчёркнуто нами - В.З.) И хотя форма выражения всеобщего в художественной литературе и науке различна, однако это не может быть существенным препятствием для извлечения того общезначимого содержания, которое изображено писателем в конкретных образах конкретных людей, что особенно относится к литературе о деревне, когда средства выражения (персонифицированные носители социальных отношений - художественные образы) совпадают с характером самого объекта (персонифицированной репрезентацией социальных институтов в реальном объекте - селе).

Таким образом, в результате работы писателя получается своего рода "удвоение" реальности - т.е. кроме эмпирически существующего социального объекта, данного в чувственно воспринимаемой форме, конструируется равный ему социальный объект, выраженный в виде системы уже оторефлектированных художественных образов.

Поэтому можно выделить общую по отношению к ним процедуру методологического построения концепции исследования, разделённую на ряд условных этапов. И так как, вероятно, трудно предположить, что у исследователя нет никаких первоначальных концепций, теоретических схем, гипотез относительно того объекта, который он хочет исследовать, то речь может идти лишь о степени ясности этих гипотез, о степени их экстерниоризации. Следовательно, первый этап - это чёткая экстерниоризация всех имеющихся схем, допущений, предположений, их различных вариантов, даже если они и прямо противоположны. Возникли ли они из существующей социологической или социально-психологической теории, из опыта предшествующих исследований или ещё откуда-либо, в данном случае это не важно. Важно лишь, чтобы были поставлены задачи, которые требуется решить.

Второй этап - отбор работ с художественными текстами о селе и проигрывание получения ответов на те вопросы, которые уже были сформулированы раньше, соотнесение, уточнение и выбор гипотез и т.д. В результате этого должна получиться часть научная, часть художественно-индуктивная картина объекта, своего рода модель, реализующая представления об объекте как целостной системе, о его

I См.: Арнаудов М. Психология литературного творчества М., 1970.

элементах, принципах взаимодействия между ними.

Следующий этап – составление программы исследования эмпирически существующих социальных феноменов с тем, чтобы верифицировать объективными методами то, что уже было частью обнаружено в материале художественной литературы. Происходит некое исследование достоверности реальности, отображённой в художественных текстах. Кроме того, анализ художественных текстов может открыть исследователю новую для него реальность, новые факты и связи, по поводу которых ещё нет достоверных научных теорий и предположений.

Значение анализа художественных текстов определяется ещё и тем, что литература выступает элементом в общей системе социальной рефлексии в отношении села как социального феномена. Можно выделить в этой системе шесть устойчивых позиций, которые не составляют всей системы, но, тем не менее, имеют устойчивые связи между собой и выступают достаточно устойчивой структурой: писатель, критик, литературовед, публицист, социолог, социальный инженер. Каждая из этих позиций определяется специфическим взаимодействием с исследуемым объектом, а также присущим ей способом рефлексии и экстерииоризации полученных представлений. При этом только четыре позиции непосредственно взаимодействуют с объектом, и в специфической для каждой из них форме конструируют концептуальные представления об объекте: писатель, публицист, социолог, социальный инженер.

Писатель – непосредственно взаимодействует с объектом и в качестве продукта создаёт художественные модели, используя процедуры типизации, а не простой фиксации исследуемого материала. При этом специфической чертой сельской прозы является наличие регионального аспекта в изображении села – создаётся обобщённая картина процессов, свойственных какому-либо исторически достоверному району. И что особенно существенно, потому что писатель в художественных образах моделирует не проект, а естественное развитие отображаемого объекта.

Критик – непосредственно с реальным объектом не взаимодействует, а в качестве материала для рассмотрения берёт художественные тексты, созданные писателями, придавая им статус реальности, и конструирует более широкую концептуальную схему, с одной стороны, верифицируя на внутреннюю непротиворечивость созданной писателем картины села, а с другой – проводит работы по сравнению данного писателем материала с другими, сопоставимыми с ним художественными текстами, создавая более ёмкую концепцию отображаемого объекта более высокой степени общности. Критик, создавая свою модель, пре-

одолевают региональную и временную ограниченность писательского видения материала путём включения этого материала в качестве элемента в построение более широкой картины села через анализ инвариантов художественных текстов. Обобщённая картина села служит для критика моделью сравнения во всех его оценках.

Литературовед не взаимодействует с реальным объектом непосредственно - для него материалом служат художественные тексты писателей и посвящённая им критическая продукция. Сравнивая художественные тексты и их критическое осмысление в разные временные отрезки, литературовед создаёт целостную картину развития концептуальной модели села, реализованной в художественных образах, расширяя временной интервал рассмотрения, и тем самым демонстрирует генетическую развёртку объекта во времени и определяет основные направления его развития.

Выделение и осмысление направленности развития моделей села дают литературоведу возможность перейти на другой, более общий уровень рефлексии, преодолевающий конкретно-исторические ограничения, зафиксированные писателями и критиками. Такой подход означает, что литературовед не только переосмысливает общую картину села, но и рассматривает традицию в изображении села как в художественной литературе, так и в критике.

Публицист непосредственно, как и писатель, взаимодействует с объектом, но результат его работы отличается от результатов писателя, критика, литературоведа. Публицист показывает, как реально функционируют существующие социальные институты в конкретно-исторических условиях, и говорит о реальных людях и учреждениях, создавая идеологическую концепцию модели села как особого образования в социализме, соотносит и соединяет в своих построениях проблемы села с проблемами всего остального социума. Тем самым публицист выступает представителем особого вида рефлексии по поводу села - социальной или глобально-общественной.

Социальный инженер - также непосредственно взаимодействует с объектом, но собственного языка для описания реальности и собственных экстериоризированных моделей села не имеет и не может их создать, и в силу специфики своего места (непосредственное включение в систему объекта) вынужден пользоваться смешанным языком (состоящим из обыденных понятий, научных терминов и т.д.) и смешанными концептуальными представлениями, не всегда отражающими специфику объекта и являющимися по большей части выражением проектировочной интерпретации села как социального феномена.

Кроме различения позиций по типу социальной рефлексии и по отношению к самому объекту, можно выделить позиции через связи по использованию материала рефлексии. При этом возможно дальнейшее уточнение и конкретизация предыдущих позиций и выявление новых связей между ними. Предлагаемый методологический приём предназначен для рассмотрения системы социальной информации по отношению к оселу с позиций и с точки зрения задач социолога.

ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЛИЧНОСТИ

Н.М.Коряк, В.И.Шаляпин (Новосибирск)

Всё более широкое распространение социально-психологического тренинга (СПТ) в нашей стране, попытки использовать его для решения самых различных социальных задач — воспитания подготовки специалистов, развития личности — делает насущной необходимостью теоретическое обоснование данного метода, чёткое определение границ и возможностей его применения. СПТ — очень тонкий и вместе с тем очень эффективный инструмент воздействия на личность; он может стать средством достижения позитивных социальных целей, а может превратиться в орудие нежелательного воздействия на сознание личности.

Итак, каковы же социальные функции и задачи СПТ? Насколько правомерна постановка в качестве основной цели СПТ задачи развития личности участников тренинга? На этот вопрос невозможно ответить без осмысления методологических проблем использования указанного метода, воздействующего на развитие личности. Уровень развития личности определяется степенью деятельностного освоения индивидом общечеловеческой культуры, освоения, которое в каждую эпоху осуществляется в конкретно-исторических формах, представляющих собой объективные, независящие от воли и сознания людей, условия и ограничения их личностного развития. Этот важный методологический факт позволяет чётко определить социальные функции методов, аналогичных социально-психологическому тренингу и направленных не на изменение объективных условий существования личности, а на изменение её отношения к этим условиям, т.е. её самосознания, мировоззрения и т.д. Реальное развитие личности может происходить лишь в широком социальном контексте (ни в коей мере не сводимом к локальной и изолированной среде тренинговой группы) путём изменения всей совокупности общественных отношений, в которые включён человек. Однако роль субъективного фактора в самовоспитании личности в настоящее время возрастает.

СПТ может быть одним из элементов социального воздействия, направленного на развитие личности, имеющего своей целью создание субъективных предпосылок для личностного развития.

Методологической основой для понимания характера и природы

объективных социальных ограничений развития личности (и, соответственно, возможностей и ограничений СПТ) является философский анализ процесса отчуждения деятельности. Возникнув вместе с разделением труда, отчуждение деятельности находит свой прототипное выражение в организации капиталистического производства, где за каждым рабочим закрепляется лишь отдельный фрагмент целостного акта деятельности, например, только целеполагание или целевыполнение. В результате "деятельные изменения предметов и изменение людьми самих себя в общении отрываются друг от друга. Время активной жизни индивида разрывается на необходимое... (рабочее) и представленное в его индивидуальное расположение, "распоряжимое" (или так называемое "свободное") время. В результате на одном полюсе люди совершают лишь практически техническую работу, "общаясь" как будто лишь с вещами, а на другом — вступают в общение друг с другом, но уже не как деятельные субъекты, а как социальные персонажи, утратившие способность к движению в самом предметном, природном и культурном содержании"¹.

Социализм, уничтожив противоречие между индивидом и производственными силами путём обобществления средств производства, сделал первый шаг на пути преодоления отчуждения деятельности. Однако полное и окончательное его преодоление произойдёт лишь с исчезновением разделения труда. Поэтому противоречия отчуждённой деятельности составляют основной источник противоречий развития личности и при социализме. Личностные структуры индивида "вырастают" как бы из двух противоположных основ: первая — это отчуждённая деятельность (функционирование), обезличивающая индивида, отчуждающая его от самого себя и от других людей, вторая, противостоящая первой, — тенденция к самостоятельности (неотчуждённой деятельности), которую в большей или меньшей мере реализует каждый человек, как правило, в сфере свободного времени.

Самоизменение, т.е. развитие личности, возможно только через самостоятельность — такую деятельность, в которой человек выступает активным субъектом, а не пассивным исполнителем извне предписанных функций и ролей. Однако современная организация общественного производства ещё в значительной мере ограничивает возможности самостоятельности личности. Производственная деятельность каждого работника строго регламентирована системой организационных норм, т.е. в значительной мере является функционированием. Что касается

¹ Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип. — В кн.: Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969.

самодетельности в сфере свободного времени (хобби, межличностные отношения), то она, будучи оторванной от широкого социального контекста, от общественных отношений, исходно ограничена в своих возможностях.

Отсюда можно сделать вывод, что развитие личности может происходить только в социальной деятельности путём превращения её (пусть частичного) из функционирования в самодетельность; иными словами, в сфере преодоления отчуждения, в повышении социальной активности личности.

Но ведь социально-психологический тренинг имеет своим объектом не социальную деятельность, а межличностные отношения членов тренинговой группы. Могут ли в принципе изменения в сфере межличностных отношений человека повлиять на его социальные отношения и социальную деятельность? Для обоснования социальных функций СПТ этот вопрос является ключевым. Отрицательный ответ на него сразу низводит тренинг до уровня компенсаторного средства, позволяющего приглушить остроту внутренних конфликтов личности, но отнюдь не повлиять конструктивно на их динамику. Положительный ответ делает тренинг одним из средств реализации наиболее прогрессивных общественных тенденций, связанных с развитием личности.

На этот вопрос можно ответить словами Л.Сэва: "Межличностные отношения в той мере, в какой они не являются общественными отношениями в широком значении, придаваемом этому понятию историческим материализмом, могут быть, единственно благодаря усилию индивидов, более или менее освобождены от отчуждений... и тогда этот сектор психологической деятельности, частично освобождённый от отчуждения, этот способ "подлинно" человеческих отношений, предвосхищающих общество, в котором все отношения будут такого рода, смогут заставить свою личность отказаться от дихотомии, придать ей динамику, которая не даст себя запереть ни в отчуждённых формах социальной деятельности, ни в жалких формах частной жизни"¹.

В тренинговой группе освобождению от отчуждений в сфере межличностного общения соответствует постепенный переход от общения с помощью готовых штампов и схем (общения-функционирования) к открытому общению, общению-самодетельности. Этот реальный опыт самодетельности, полученный в тренинговой группе, может послужить толчком к усилению самодетельного начала и в других видах деятельности личности. Изменение личности происходит за счёт того, что в от-

крытом общении изменяются отношения участников СПТ к своей жизни, к себе, к другим людям, возникает то, что М.М.Бахтин назвал "смысловым преобразованием бытия". Эти изменения воплощаются затем в реальные изменения образа жизни личности, её социальной позиции и даже производственной деятельности.

Однако последнее оказывается возможным лишь при условии, что объективная жизненная ситуация, в которой находится личность, допускает такие изменения (например, смену должности, места работы, профессии, проявление самостоятельности в профессиональном или социальном плане и т.д.) Иногда самостоятельный потенциал, полученный человеком в тренинговой группе, оказывается недостаточным для преодоления "сопротивления среды", обстоятельства оказываются сильнее человека, в результате психологические предпосылки развития личности, созданные в группе СПТ, так и остаются нереализованными. Это отнюдь не является свидетельством неэффективности СПТ, а лишь подтверждением того факта, что во всякую историческую эпоху существуют объективные границы развития личности, преодолеть которые не во власти отдельного человека. И всё же в большинстве случаев человек далеко не полностью использует возможности для самостоятельности, для личностного развития, предоставляемые его актуальной жизненной ситуацией. Целью СПТ является развитие способности личности видеть эти возможности и как можно полнее их использовать.

Но вернёмся ещё раз к высказыванию Л.Сева. На вопрос, могут ли межличностные отношения выполнять роль катализатора развития личности, он даёт двойкий ответ: "и да и нет". В каком же случае межличностные отношения (в том числе и отношения в группе СПТ) не работают на развитие личности и даже, более того, блокируют его?

"Межличностные отношения, — отмечает автор, — сами, исключая из себя абстрактную социальную деятельность, что облегчает их частичное освобождение от отчуждения, но в то же время узко ограничивает их непосредственную значимость, постоянно рискуют не только не способствовать борьбе против общей дихотомизации личности, но изолироваться от неё в качестве привилегированного сектора, более или менее иллюзорно не дихотомизированного, т.е. в действительности рискуют упрочить эту дихотомизацию, полагая ей в качестве компенсации некоторое псевдорешение, даже алиби другой формы ухода в частную жизнь" ¹.

Итак, одна из главных опасностей СПТ заключается в том, что он

¹ Там же. с.526-527.

может стать для членов тренинговой группы формой социального эскапизма, способом бегства от реальных жизненных конфликтов и противоречий. Только целенаправленное противодействие руководителя тренинговой группы, а на каком-то этапе и её участников, такому направлению развития группы позволяет избежать этой опасности.

Именно поэтому критерием эффективности СПТ ни в коей мере не может служить субъективная удовлетворённость членов тренинговой группы групповым процессом и его результатами. Более того, излишняя привязанность к группе СПТ (сопровождающаяся обычно резким снижением значимости для членов группы повседневных межличностных контактов) или ностальгия по тренинговой группе после её окончания – это первые признаки "вырождения" группы, превращения её из средства самопознания и самоизменения личности в компенсаторное средство, приглушающее остроту межличностных конфликтов.

Особо следует остановиться на роли руководителя группы СПТ. Её специфика, в отличие от традиционной роли руководителя, заключается в двойственности его позиции. С одной стороны, групповой процесс в группе СПТ возможен только в том случае, когда все участники, в том числе и руководитель, включены в него, т.е. различие в позициях "руководитель" – "руководимый" отсутствует. С другой стороны, руководитель является организующим началом в группе СПТ: он обеспечивает необходимую направленность группового процесса, отсекает нежелательные варианты развития группы и т.д. Эта организующая роль руководителя особенно значима на первых этапах становления группы СПТ. Однако по мере усиления в группе процессов самоорганизации и самостоятельности на первый план выступает вторая (субъект-субъектная, в отличие от первой – субъект-объектной) позиция руководителя как полноправного и полноценного участника тренинговой группы.

Если представить групповой процесс как чередование самостоятельных периодов и пауз, в которых процесс самостоятельности и самоорганизации как бы затухает, то искусство руководителя группы СПТ можно определить как искусство, с одной стороны, вести группу через эти паузы, а с другой – включаться в процесс "на общих основаниях", когда паузы пройдены. Однако вся трудность заключается в том, чтобы уметь отличать самостоятельные периоды от пауз, поскольку их неразличение ведёт к разрушению группового процесса.

Таким образом, как мы уже отмечали, социально-психологический тренинг может быть эффективным инструментом управления процессом

развития личности, но в определённых условиях его эффект сводится к роли компенсаторного средства, позволяющего сглаживать внутренние конфликты личности или даже, в предельном случае превратиться в орудие манипуляции человеком. Вопрос об использовании социально-психологического тренинга как метода в практических ситуациях (воспитание, подготовка специалистов к коллективной деятельности на производстве) не может быть решён в области взаимоисключающих абсолютно позитивных или негативных ответов. Дальнейшее его обсуждение должно быть перенесено на почву выявления объективных ограничений использования этого метода с целью максимально возможного применения его возможностей для управления развитием личности.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРУГА ОБЩЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Н.Н. Кабрина (Томск)

В студенческие годы продолжается интенсивное развитие и формирование личности. Наряду с другими видами деятельности известен также развивающий фактор общения¹. В процессе своей жизнедеятельности каждый человек так или иначе вступает в прямые или косвенные контакты с другими людьми, которые и образуют круг его общения. Однако не все контакты, не все коммуникативные связи личности имеют одинаковый развивающий эффект. Наиболее способствуют развитию личности её постоянные межличностные связи, в которых наиболее ярко проявляются индивидуальные качества партнёров общения – это так называемый постоянный круг общения. "Сам факт наличия постоянного круга друзей – характерная черта нормально развивающейся личности, свободно удовлетворяющей одну из жизненно необходимых нравственно-психологических потребностей общественного индивида – потребности в общении"².

Конкретные социологические исследования круга общения направлены на выявление таких его характеристик, как объёма (количества партнёров)³, социальной и возрастной структуры, мотивов выбора партнёров³. Так, в исследованиях, проведённых уральскими социологами, направленных на изучение межличностных отношений трёх социальных групп – рабочих, колхозников, интеллигенции – была сделана попытка установить конкретное число лиц, составляющих постоянный дружеский круг. Число лиц колеблется от 2 до 19 человек. Широта диапазона зависит от пола, возраста, семейного положения и типа поселения. Наблюдается увеличение числа друзей в зависимости от возраста (18–24 лет – до 6 друзей, 40 лет и старше – 11). Установлено, что "социальное положение определённой роли в установлении дружеских связей не играет, однако, как показывают данные ис-

1 Бодалев А. А. Общение и формирование личности. – Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения. Краснодар, 1978; Личность и общение. – Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979 и др.

2 Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974, с. 177.

3 См.: Архангельский Л. М. Указ. соч.; Кон И. С. Психология юношеской дружбы; Рубин Б., Колесников Ю. Студент глазами социолога. Изд-во Ростовского ун-та, 1968 и др.

следований, определённое предпочтение отдаётся все же людям одинакового социального статуса" ¹. Ростовскими социологами исследовались интриколлеktивные отношения в академических группах, объём, структура и мотивы личностного общения студентов ². В результате было выявлено, что студенты поддерживают дружеские связи с представителями различных социальных групп. Среди мотивов, поддерживающих дружеские контакты, преобладали общность интересов и духовных вопросов, совместная деятельность, учёба.

Задача нашего конкретного исследования — проанализировать специфику общения среди женщин и ценностные основания выбора партнёров. Метод исследования — опрос. В качестве испытуемых выступали студенты III курса химического и филологического факультетов Томского университета (всего 61 человек). Возраст опрашиваемых — 20–22 года. Опрос проводился фронтально по студенческим группам. Испытуемых перечисляли партнёров общения с указанием возраста, пола, образования и социального статуса каждого из них. Кроме того, нужно было назвать главную черту характера предпочитаемого партнёра и главную черту характера непредпочитаемого партнёра.

Исследование показало, что объём постоянного круга общения (широта межличностных контактов) весьма разнороден и колеблется от 2 до 14 человек. Частотное распределение кругов общения по их количеству обнаруживает три вершины, следовательно, их можно рассматривать как три распределения, характеризующие соответственно типы кругов общения с их количественной точки зрения: малый круг общения (1–3 партнёра), средний круг общения (4–8 партнёров), большой круг общения (9–14 партнёров). В нашем исследовании большой круг общения имеют 30% опрошенных студентов, средний круг общения — 62% опрошенных, малый круг общения — 8% опрошенных.

Итак, количественное распределение испытуемых по их кругам общения одвинуто в сторону большого круга общения (почти в 4 раза больше студентов, имеющих большой круг общения, чем студентов, имеющих малый круг общения). По-видимому, количество постоянных связей со сверстниками, увеличиваясь к ранней юности ³, достигает апогея в студенческие годы, затем снова с возрастом уменьшается; в исследовании уральских социологов наблюдается увеличение круга общения с возрастом и, по-видимому, это происходит за счёт изменения

1 Архангельский Л. М. Указ. соч., с. 170.

2 Рубин Б., Колесников Ю. Указ. соч., с.

3 Кон И. С. Психология юношеской дружбы. М., 1973.

самой структуры круга общения (сверстники заменяются другими возрастными категориями). Количество постоянных связей зависит от типологических особенностей личности: экстравертированная личность имеет больше коммуникативных связей, чем интровертированная. Есть точка зрения, что "чем больше у человека друзей, тем менее исключительной и интимной будет дружба"¹. На наш взгляд, расширение диапазона постоянного общения не обязательно ведёт к упрощению связей. Тут немаловажную роль играет уровень развития самой личности: чем более зрелая личность, тем больше полноценных связей она может иметь².

Кто же составляет круг общения испытуемых? Студентки обоих факультетов выбирают в основном друзей из своей же социальной группы, т.е. студентов; это и не удивительно, так как совместная деятельность (в данном случае – учёба) является одним из объективных условий, способствующих закреплению дружеских контактов³. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что не мала в кругу общения испытуемых и доля лиц, принадлежащих к другим социальным группам. Это разнообразие круга общения студентов, по-видимому, связано с особенностями объективных условий студенчества по сравнению с другими социальными группами: студенчество формируется из выходцев разных социальных групп, при этом, закрывая новые (неизбежные) контакты, многие сохраняют и старые дружеские связи. Кроме того, разнообразие контактов свидетельствует о свободном характере удовлетворения потребности в общении, основанном на общности интересов, на личных симпатиях и предпочтениях. Но, как показывают исследования, некоторые ограничения сохраняются, в частности, возрастные и образовательные.

В нашем исследовании дружеские связи поддерживаются в большей части со сверстниками (круг общения испытуемых на 2/3 состоит из сверстников). Существенным ограничителем закрывания и поддержания постоянных дружеских контактов оказывается образовательный уровень. Так, исследование показывает, что всего 10% опрошенных включают в свой круг общения по одному преподавателю или аспиранту и научному сотруднику. В то же время партнёров с более низким образованием, т.е. рабочих и учащихся школ, ПТУ и техникумов, включает в свой круг общения больший процент опрошенных: 24% –

¹ Кон И.С. Указ. соч., с.34.

² Кабрин В.И. Симптоматическое индивидуальности в коммуникативном мире. – Психолого-педагогические вопросы учебно-воспитательного процесса в вузе. Томск, 1979

³ Кон И.С. Указ. соч.

рабочих по 1-2 человека и 14% - учащихся школ, ПТУ и техникумов - по одному человеку. Следует указать, что для более успешного развития и воспитания личности связь преподаватель - студент, по-видимому, наиболее важна, хотя в рамках данного типа общения осуществляется по преимуществу профессиональное воспитание студентов. Но для студентов не менее важно иметь и неофициальные контакты с преподавателями. "Благодаря социально-психологическому доверию, которое сопровождает статус преподавателя, его мнение, выраженное в условиях неофициального (дружеского) общения, для студентов приобретает силу воспринятого внушения и тем самым служит эффективным средством воспитательного воздействия"¹.

Своеобразным ограничителем в выборе партнёров в круг общения выступает и принадлежность к той или иной социальной группе. Так, только половина опрошенных включает в постоянный круг общения лиц своего пола, т.е. женщин, принадлежащих к другим социальным группам, в то время как практически все опрошенные студентки независимо от их общего объёма общения находятся в дружеских отношениях с партнёрами своего же пола своей социальной группы. С лицами противоположного пола - не студентами - поддерживают дружеские связи 61% опрошенных, имеющих большой круг общения; 37% опрошенных, имеющих средний круг общения, а испытуемые, имеющие малый круг общения, не включают их совсем. Что касается дружеских связей с мужчинами - студентами, то 83% испытуемых, имеющих большой круг общения, 76%, имеющих средний круг общения и 20% испытуемых, имеющих малый круг общения, поддерживают с ними постоянный дружеский контакт. Таким образом, результаты показывают, что большой круг общения образуется за счёт преимущественного включения в него партнёров-мужчин. Эта общая закономерность сохраняется, как мы видим, как внутри своей социальной группы (студентства), так и за её границами: с увеличением объёма общения увеличивается число лиц, включающих в круг общения мужчин.

Далее анализ результатов исследования даёт возможность увидеть, за счёт какой социальной группы преимущественно образуется количественный состав круга общения опрошенных. Так, наибольшее количество партнёров составляют женщины-студентки, затем по количеству располагаются мужчины-студенты, затем женщины других социальных групп и на последнем месте - мужчины других социальных групп, при-

¹ Панфёров В.Н. Общение и массовая информация в учебно-воспитательном процессе в вузе. - В сб.: Человек и общество. Вып. 13, Л., 1973, с. 56.

чём количество их увеличивается с увеличением общего объёма круга общения.

В рамках своей социальной группы, т.е. студенчества, учитывая разделение последнего на две категории – естественников и гуманитариев, мы видим, что предпочтение в выборе партнёров общения отдаётся своей категории. 90% всех опрошенных студенток химического факультета включают в свой круг общения студентов-естественников своего пола и 96% всех опрошенных филологического факультета называют партнёрами общения студентов-гуманитариев женщин. С женщинами гуманитарных факультетов поддерживают дружеские связи только 17% опрошенных студенток химического факультета, в то время как с женщинами естественных факультетов поддерживают дружеские связи 35% опрошенных филологов. У студенток-филологов круг общения, как видим, разнообразнее, коммуникабельность более разносторонняя. Половина опрошенных с филологического факультета включает в свой круг общения мужчин с естественных факультетов, 40% – с гуманитарных факультетов; 72% опрошенных химического факультета включают в круг общения мужчин с естественных факультетов, 22% – с гуманитарных факультетов. По-видимому, причиной большего разнообразия круга общения обследуемых студенток-филологов по сравнению со студентками-химиками служит поиск партнёров противоположного пола в силу резко ограниченного количества их на своём факультете. Следовательно, этот фактор имеет не только отрицательную, но и положительную сторону: установление более разносторонних коммуникативных связей студентов.

Социальный состав "не студентов", включаемых опрошенными в круг их общения, довольно разнообразен, но малочислен. Лица других социальных групп включаются студентами в дружеский круг в большей части по одному человеку. Так, по одному человеку включают в свой круг общения: рабочих – 24% опрошенных студенток, служащих – 47%, инженерно-технических работников – 23%, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей – 10%, учащихся школ, ПТУ и техникумов – 14%, военных – 10%, пенсионеров – 11%, причём большой количественный состав служащих и инженерно-технических работников в общей социальной структуре категории "не студентов" образуется за счёт включения в круг общения родителей.

Исследование даёт возможность проанализировать ценностные основания выбора партнёров, от которых зависит количественный и качественный состав круга общения. 40 студенткам филологического факультета было предложено выбрать из их постоянного круга общения, наиболее предпочитаемого и не предпочитаемого, партнёров и назвать

главную черту характера в каждом из них, которую мы интерпретируем как эталон предпочтения или непредпочтения, основание для выбора постоянного партнёра общения, а содержание эталона характеризует социально-психологическую дистанцию, на которой общается человек с партнёром, т.е. степень близости внутренней и степени дальности внешней границы круга общения. Эталоны наименее предпочитаемого партнёра характеризуют максимальную социально-психологическую дистанцию, а эталоны наиболее предпочитаемого партнёра – наименьшую социально-психологическую дистанцию. 50% опрошенных назвали предпочитаемым партнёром мужчину, 50% – женщину. 1/3 опрошенных назвали непредпочитаемым партнёром мужчину, 2/3 – женщину.

Эталоны предпочтения – непредпочтения очень индивидуализированы. Пересекаются, т.е. определяют введение в круг общения как мужчин, так и женщин, всего 5 эталонов предпочтения (доброта, чуткость, внимательность, заботливость, честность), и 4 эталона непредпочтения (приспособленчество, утилитаризм, лицемерие, эгоизм). Два качества – скромность и флегматичность – вошли в оба эталона. Эталоны предпочтения у партнёров-мужчин и партнёров-женщин по содержанию можно разделить на 3 группы: волевые, интеллектуальные, нравственно-коммуникативные, хотя соотношение их для партнёров-мужчин и для партнёров-женщин неодинаковое (1/3 испытуемых предъявляет к мужчинам требования интеллекта, 1/3 – волевые, 1/3 – нравственно-коммуникативные, а в партнёрах-женщинах 90% испытуемых предпочитают нравственно-коммуникативные качества).

Относительно содержания эталонов (самая минимальная граница определяется содержанием именно нравственно-коммуникативных эталонов) на более близкой социально-психологической дистанции оказываются партнёры-женщины. Структура эталонов непредпочитаемых партнёров как мужчин, так и женщин примерно такая же, как для предпочитаемых партнёров, только со знаком "минус". В непредпочитаемом партнёре-мужчине испытуемые называют такие качества, как "мягкость", трусость, тщеславие, цинизм; в непредпочитаемом партнёре-женщине – ветреность, глупость, ограниченность, хитрость, бестактность, высокомерие, раздражительность, приязнчивость, ханжество. Анализ результатов показывает, что женщины распределяются по всему диапазону общения данного человека, а мужчины находятся только в среднем диапазоне этой дистанции, несколько тяготея в сторону ближней.

Таким образом, по трём основным аспектам исследований можно сделать следующие выводы: I) в целом общий объём круга общения такой же, как в других исследованиях, наблюдается сдвинутость в от-

рону большого круга; 2) как и другие исследования, наше подтверждает преимущественность постоянных связей с партнёрами своего социального статуса, профессии, возраста, образования, и есть тенденция преимущественного включения в круг общения людей с более низким образованием, чем с более высоким. Кроме того, круг общения студенток-гуманитариев более разнообразен, чем у студенток-естественников; 3) следует отметить индивидуализированность эталонов предпочитаемого и не предпочитаемого партнёров, нравственно-коммуникативную направленность пересекающихся эталонов, преобладание в общей структуре эталонов нравственно-коммуникативных качеств.

ТИПЫ КЛУБНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

А.В.Винарский (Томск)

В последнее время в практике организации свободного времени большое распространение получили молодёжные организации клубного типа. Число таких организаций постоянно растёт, с ними связывается решение многих вопросов рациональной организации досуга. Всё это ставит ряд задач по выявлению различных типов клубных организаций, нахождению среди них наиболее перспективных форм и т.п. В данной статье на материале анализа деятельности клубных организаций Томского государственного университета предпринята попытка классифицировать клубы по характеру их основной деятельности.

В зависимости от характера коллективного продукта основной деятельности клуба выделяются два основных типа клубных организаций: целевые коллективы и ассоциации. Если основная деятельность клуба результирует в коллективный продукт, то мы имеем целевой коллектив. Таковыми видами деятельности являются, например, "хоровое пение", "ансамблевая игра" (в отличие от "индивидуального исполнения песен", "сольной игры на каком-либо инструменте"), "театральная игра", исследовательские виды деятельности, которые предполагают коллективный сбор и обработку материала. В спортивной деятельности сюда можно отнести (помимо командных видов спорта) "туризм" во всех его разновидностях ("спелеотуризм", "альпинизм").

Индивидуальный характер деятельности ведёт к созданию ассоциаций (клубов по интересам в собственном смысле). К таковым видам деятельности можно отнести "прослушивание музыки", "сочинение, исполнение самодеятельных песен", некоторые виды исследовательской деятельности, "общение".

Основная деятельность целевых коллективов всегда продуктивна, и этот продукт выступает во-вне, т.е. он потребляется не членами данной организации. Основная деятельность ассоциации непродуктивна. Её цель — налаживание и поддержание общения по теме, непосредственно интересующей каждого её члена. Часто на заседаниях ассоциации исполняется некоторая программа просветительского характера, которая потом обсуждается участниками. Т.е. можно сказать, что деятельность ассоциации продуктивна, хотя и продукт реализуется внутри неё. Но эта просветительская деятельность внутри ассо-

циации носит вспомогательный характер, как и деятельность обучения внутри целевого коллектива. Без основной деятельности общения ассоциация превратилась бы в "лакторий" (тогда как без основной продуктивной деятельности целевой коллектив превратился бы в "курсы"). Цель программ внутри ассоциации – интенсификация общения и обмена (т.е. непродуктивной деятельности).

Такой же вспомогательный характер носят внутри ассоциации и индивидуальная продуктивная деятельность (например, сочинение стихов, самодеятельных песен). Собственной деятельностью ассоциации является не сочинение, исполнение стихов или песен, которые являются продуктами индивидуальной деятельности, но общение по поводу этой деятельности, её организация и помощь в её осуществлении.

Характер деятельности клубных организаций оказывает непосредственное влияние на их формы деятельности. Основной формой деятельности ассоциаций является внутриклубное заседание, в котором члены ассоциации воспринимают новую информацию, обсуждают её, просто общаются. В этих заседаниях их участники непосредственно реализуют свой интерес к данной деятельности, к данному новому материалу (т.е. реализуется основная деятельность, вся или значительная часть её).

В целевых коллективах основных форм деятельности две: а) подготовка продукта коллективной деятельности; б) выступление с ним во-вне.

Первый этап – это репетиции, тренировки, подготовка к экспедиции, сбор данных и их обработка (в исследовательской деятельности), занятия, консультации, обсуждения (если в коллективе выделяется особая деятельность обучения).

Второй этап предполагает выступление с результатом этой деятельности во-вне. Это могут быть концерты и выступления перед широкой публикой, участие в соревнованиях, экспедиции, публикации в научных журналах и выступления на конференциях (в случае исследовательской деятельности). Результат обучения – человек, освоивший ту или иную деятельность – как правило, включается в основную деятельность коллектива, но может и самостоятельно выступать с ней во-вне. Характерной чертой целевых коллективов является также и то, что часто они совмещают в себе несколько видов деятельности.

Если сопоставить описанные выше клубные организации свободного времени с идеалом развивающегося массового досуга, то можно заметить, что они в разной степени ему соответствуют. Здесь преж-

де всего привлекает внимание такая черта ассоциаций, как адекватность их деятельности сформировавшимся интересам и потребностям молодёжи. Молодёжь объединяется в ассоциации на основе наиболее популярных видов деятельности — кино, художественная литература, поп-музыка. В ассоциациях легко реализуются самые распространённые мотивы деятельности — развлечение и приобщение к культуре, а участие в клубе такого типа не накладывает практически на его члена обязательств, а его деятельность остаётся индивидуальной (восприятие, ощущение).

В противовес ассоциациям целевые коллективы менее "открыты". Типы их деятельности пользуются меньшей популярностью в среде молодёжи ("художественная самодеятельность", "любительское творчество"). В них практикуются определённые требования временных затрат, большей дисциплинированности и самоотдачи. Но целевой коллектив в большей степени, чем ассоциация, отвечает критериям жизнеспособности, развивающей и воспитательной направленности.

На практике существует также ещё третий тип клубной организации, занимающий как бы промежуточное положение между ассоциацией и целевым коллективом — это большой самостоятельный коллектив. В его рамках происходит сомещение разных видов деятельности: коллективных и индивидуальных, продуктивных и непродуктивных на базе одной основной деятельности продуктивного типа.

Это даёт основание отнести такую организацию к целевым коллективам. Но возможность для индивида достаточно свободно выбирать в таком коллективе свою область применения сил, наличие внутри коллектива признанных функциональных мест "теоретика", "организатора", "специалиста по...", "барда", "историка" и т.п., развитости сферы внутриклубного общения придаёт продуктивной деятельности каждого его члена спонтанный и индивидуальный характер. "Открытость" таких организаций способствует также служба по обучению новичков. Поэтому можно сказать, что большие самостоятельные коллективы представляют собой ассоциации на качественно ином уровне развития. Они свободно ассоциируют свою совокупность сугубо индивидуальной деятельности в общественно значимую деятельность коллектива.

Такие организации в наибольшей степени отвечают идеалу развивающего, жизнеспособного и массового коллектива, но на их становление уходят годы. Поэтому важной практической задачей конкретного социального исследования клубной деятельности являются поиски путей трансформации в большие целевые коллективы других клубных организаций сферы свободного времени.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ (ИЗ ОПЫТА "ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ")

А.Н.А. Яковлев (Ленинград)

Начиная с января 1980 г. на протяжении двух лет нами осуществляется научно-практическое изучение социальных механизмов функционирования производственной организации и социально-психологических механизмов трудовой и общественной активности работника в условиях социалистического промышленного предприятия. Особенностью данного исследования является его поисковый и экспериментальный характер.

Методическая суть предпринятого изыскания состоит в принятии исследователем новой социальной роли, обеспечивающей возможность "наблюдающего участия" в конкретной социально-производственной ситуации. Специфическим "наблюдательным пунктом" является рабочее место наладчика технологического оборудования на одном из ленинградских машиностроительных предприятий.

Переход на это рабочее место не был условным, т.е. включал в себя увольнение из научного учреждения, где исследователь занимал должность старшего научного сотрудника, оформление на завод в качестве рабочего и овладение ранее незнакомой производственной специальностью. Таким образом был осуществлён предельный вариант исследовательского "погружения" в определённую среду, за которым в известных классификациях социологических методик закрепились название включённого или участвующего наблюдения.

Выбор конкретного "поля" исследования осуществлялся в инициативном порядке. Программа исследования разрабатывалась в секторе социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР (зав. сектором — проф. В.А.Ядов), где автор, поступив на завод, продолжал сотрудничать.

Конкретные задачи, поставленные в ходе настоящего научно-практического эксперимента, формулируются и группируются следующим образом:

1) задачи, относящиеся к исследованию ныне действующей системы социальных норм производственной организации (на примере конкретной социально-производственной ситуации);

2) задачи, относящиеся к исследованию соотношения социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенциалов личности, возможностей реализации активной жизненной позиции в определённой

ном социально-нормативном контексте;

3) задачи, относящиеся к исследованию возможностей и перспектив направленной коррекции ныне действующей системы социальных норм и путей развития личности, на примере производственной организации и личности работника¹.

По мере развёртывания исследовательской ситуации, непосредственно "встроенной" в ситуацию социально-производственную, появилась возможность вычленения трёх объектов изучения. Этими объектами выступают те инновационные процессы на конкретном промышленном предприятии, в которые автор непосредственно включён в своей нынешней социальной роли:

1) процесс внедрения новой для данного предприятия технологии штамповки листовых деталей на многопозиционном координатном прессе;

2) продвинутый на данном предприятии процесс внедрения бригадных форм организации и оплаты труда (БЭОТ);

3) иницируемый самим исследователем процесс экспериментального социального нормотворчества в конкретной социально-производственной ситуации.

Не углубляясь сейчас в специальную область науки и практики, объединяемую понятием "инноватика"², отметим, что процесс нововведения как таковой представляет собой удобное поле для исследования взаимодействия таких социальных субъектов, как личность, коллектив, организация. Поскольку именно в таком процессе осуществляется не только функционирование, но и трансформация и смена социальных норм, выступающих "посредниками" и регуляторами этого взаимодействия. Говоря в самом общем виде, взаимодействие личности и социальной среды выступает здесь основным предметом исследования.

Итак, научный замысел эксперимента не сводится к прагматическому описанию явлений и процессов производственной жизни, в которую "погружён" исследователь. Не сводится он и к описанию "участия" исследователя в соответствующих технологических про-

1 Особую, четвёртую, группу составляют научно-методические задачи, связанные с разработкой методологических принципов, профессиональных и этических норм включённого наблюдения и личностного социального экспериментирования.

2 См.: Материалы республиканской и Всесоюзной конференций "Проблемы управленческих нововведений и хозяйственного экспериментирования". Таллин, 1978, 1981.

цессах ("Участие" выступает здесь главным способом познания.)

Теоретической "сверхзадачей" этого изыскания является попытка в рамках "кейс-стади" (исследования отдельного случая) соотнести друг с другом два ряда общесоциальных процессов:

социально-нормативное воздействие на личность, идущее от социальной общности; адаптация личности социальной средой, при-
своение и воспроизведение индивидами действующих норм-стереоти-
пов поведения;

творчески-преобразовательное воздействие на социальное ок-
ружение, идущее от личности; адаптация личностью социальной сре-
ды к себе, порождение и внедрение новых социальных норм.

Таков некоторый минимум предварительных методологических за-
мечаний. Теперь осветим некоторые содержательные результаты ис-
следования на том уровне их осмысления и систематизации, который
возможен, когда "полевой" этап еще продолжается. Большую часть
выделяемых здесь положений следует трактовать как гипотезы. Для
поискового исследования сама по себе формулировка гипотез явля-
ется содержательным результатом.

В предпринятом анализе системы социальных норм производствен-
ной организации исходим из представления о "двууровневости" этой
системы². В частности, следует различать декларируемые социаль-
ные нормы-требования и реально действующие социальные нормы-
стереотипы поведения, здесь производственного пореждения. Степень
взаимной согласованности тех и других нормативных подсистем мо-
жет быть различной.

Проведённые научно-практические наблюдения и "испытания" дают
основание утверждать, что указанные две социально-нормативные
подсистемы производственной организации являются существенно
рассогласованными. Этому рассогласованию вполне соответствует
известный, установленный ранее проведёнными исследованиями раз-

I В плане исследования путей реализации активной жизненной
позиции в определённом социально-нормативном контексте особый
интерес для нас представляло научно-практическое испытание и вы-
яснение своего рода "пределов": а) возможностей отдельной личности
адаптироваться в новой среде, не разрушая своей внутрилич-
ностной целостности; б) возможностей отдельной личности воздей-
ствовать на социальную среду, не разрушая своих связей с нею. По
нашему глубокому убеждению, те и другие возможности гораздо ши-
ре, чем это иногда принято думать.

2 О "расщеплении нормативного" и формировании в единой норма-
тивной системе двух нормативных подсистем в пределах полностью
противоположных друг другу, в частности, пишет М.И. Бобисов в своей
книжке "Социальные нормы и регуляция поведения". М., 1978, с. 52-54

рыв, отсутствие достаточной согласованности между различными уровнями диспозиционной структуры, такими как ценностные ориентации, социальные установки личности работника, а также между ценностными ориентациями личности и её реальным поведением¹.

Как известно, реальное производственное поведение регулируется преимущественно "частными" диспозициями личности (ролевые и ситуативные социальные установки), а не обобщёнными ценностными ориентациями, т.е. "высшим" уровнем диспозиционной структуры². Мы полагаем, что названные социальные установки — предрасположенность личности к определённому поведению в конкретных ситуациях, суть не что иное, как интериоризированные, присвоенные личностью социальные нормы стереотипы поведения.

То обстоятельство, что социальные нормы-стереотипы и, соответственно, социальные установки иногда расходятся с ценностными ориентациями личности и зачастую оказываются не одобряемыми, не является препятствием для их воспроизведения в повседневном поведении. При этом действует социально-психологический механизм оправдания личностью следования этим, ею же не одобряемым социальным нормам, соображениями вынужденности или конформности³.

Рассогласование между разными уровнями диспозиционной структуры личности и, соответственно, между ценностными ориентациями и поведением, по нашему представлению, есть лишь первичный "ответ" личности, рассматриваемой в плане как индивидуального, так и исторического развития, на соответствующее рассогласование двух социально-нормативных подсистем — декларируемых и реально действующих норм. Структура личности тяготеет к целостности. И следует опасаться вторичного эффекта, а именно массового ценностного переосмысления ряда "негативных" пока ещё одобряемых личностью действующих норм, подтягивания ценностных ориентаций личности до уровня фактического поведения⁴. Для ряда ключевых аспектов производственной сферы жизнедеятельности личности этот процесс уже начался и интенсивно развивается.

1 См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979, с.188-195.

2 См. там же.

3 Согласно известным формулам обыденного сознания: "Как все, так и я".

4 "Есть основания полагать, что согласованность диспозиций и поведения людей достигается как за счёт "подтягивания" поведения к диспозициям (активная стратегия), так и за счёт снижения диспозиций до уровня фактического поведения (пассивная стратегия). В кн.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1975, с.192.

Поясним сказанное несколькими примерами.

К числу ключевых социально-нормативных комплексов^I производственной организации принадлежит совокупность социальных норм, объединяемых в понятия производственной инициативы (имея в виду нормы-требования). Этот комплекс предстает существенно рассогласованным, т.к. наблюдается разрыв между декларируемыми и фактическими социальными нормами и, соответственно, ситуативными установками личности.

На действительно массовое одобрение в производственной среде сегодня может рассчитывать скорее инициатива "вынужденная", направленная на предотвращение неблагоприятных для личности последствий её отсутствия. Личная производственная инициатива, не выполняющая специфически превентивной ("защитной") функции, имеет повышенные шансы не получить массовой поддержки или даже оказаться скомпрометированной в неофициальном общественном мнении.

Другим примером обесценивающейся социальной нормы-требования может служить полнейшее раскрытие и использование личных производственных резервов. Действующая норма-стереотип является скорее обратной. Ситуативная установка личности работника — тоже. В ценностном "ядре" личности эта норма также претерпела радикальное переосмысление в силу накопленного эффекта личностной, иногда и коллективной "невыгоды" от крутого роста производительности труда в условиях ныне действующей системы тарифных ставок, лежащих в основе распределения, и сопутствующей им системы нормирования труда.

Наконец, жизненной иллюстрацией взаимодействия указанных социально-нормативных комплексов предстает наблюдавшаяся нами практика пересмотра технических норм, соответственно, снижения расценок за отдельные производственные операции по инициативе самих рабочих. Такая инициатива откровенно признаётся вынужденной и предвосхищающей административный пересмотр технических норм, уже не сопровождающийся известными "льготами", как это имеет место в случае, когда инициатива исходила от рабочего.

Мера рассогласования социальных норм-требований и социальных

^I Социально-нормативные комплексы в нашей теоретической схеме являются "сквозными", т.е. включают в себя совпадающие по предмету, пусть расходящиеся по содержанию и направленности, социальные нормы-требования и социальные нормы-стереотипы.

норм-стереотипов является, несомненно, различной для отдельных производственных коллективов, дифференцирована она и для различных социально-нормативных комплексов в рамках одной и той же производственной организации. Например, комплекс социальных норм, относящийся к трудовой дисциплине, может быть несогласован меньше, чем соответствующий комплекс производственной инициативы, в другом же коллективе оба комплекса окажутся согласованными в "равной" мере. Разрыв между нормами-требованиями и нормами-стереотипами товарищеской взаимопомощи в процессе труда предстаёт, как правило, меньшим, чем в ряде иных социально-нормативных комплексов.

Задачу социального массового обследования многих производственных организаций могло бы составить выявление соотношения общих и локальных факторов рассогласования тех или иных комплексов социальных норм. Понятно, что позиция "включённого наблюдателя" в конкретной социально-производственной ситуации таких возможностей не предоставляет.

Однако на основании анализа партийных документов, с учётом многочисленных материалов центральной печати, данных других исследователей хорошо видны и могут быть указаны социально-нормативные комплексы, рассогласование в которых является относительно универсальным для различных производственных условий и групп работников¹. К их числу следует отнести совокупность социальных норм отношения работника к конечным результатам труда. Широко пропагандируемым нормам-требованиям заинтересованности, компетентности и ответственности в этом комплексе соответствуют едва ли не противоположные нормы-стереотипы.

В течение двух лет "полевого" этапа нашего исследования именно этот социально-нормативный комплекс был предметом специализированного наблюдения и научно-практического испытания. При этом использовался метод "моделирующих ситуаций"² на примере внедрения нового производственного процесса. Сегодня имеем основания утверждать, что, вопреки массовому "вынужденному"

1 Лишний раз оговорим, что речь здесь идёт о работниках социалистического предприятия и не ограничивается рабочими. Наше наблюдение является включённым не только в рабочую, а и в производственную среду и охватывает низшие и средние управленческие звенья.

2 Под моделирующей ситуацией понимается ситуация, отчасти организованная исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях "обнажения", "заострения" и в этом смысле — моде-

воспроизводству негативных норм-стереотипов, процесс ценностной девальвации заинтересованности, компетентности и ответственности пока еще находится лишь в начальной стадии. Иначе говоря, ценность заинтересованности за конечные результаты труда для личности продолжает оставаться высокой. Отсюда именно социально-нормативный комплекс отношения к конечным результатам труда при условии устранения или ослабления действия объективных причин, способствующих его рассогласованию, имеет возможность найти общественное одобрение, поддержку, эффективную реализацию в массовом производственном поведении.

Об этом наглядно свидетельствует также успех всеозвучно известных производственных починов и социально-экономических экспериментов. Например, бригадный подряд в строительстве по методу Злобина и Серикова, "кадужский вариант" сквозной демократизации управления производством. Главный социальный смысл названных общественных инициатив состоит в последовательном и бескомпромиссном проведении производственной стратегии на достижение конечного результата с соответствующим "высвобождением" потенциала личной заинтересованности, компетентности и ответственности.

Полок перспективных путей преодоления разрыва между социальными нормами-требованиями и нормами-стереотипами производственной организации, по нашему убеждению, должен опираться на реалистическое исследование социально-экономических факторов этого рассогласования. Не углубляясь сейчас в собственно экономическую и социально-экономическую проблематику, специально трактованную нами в другой работе¹, отметим лишь, что предпринимаемые в настоящее время в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1979 г. меры по дальнейшему совершенствованию существующего хозяйственного механизма пока что адаптируются социально-нормативной структурой производственного поведения работников промышленного предприятия. Без

лирования некоторого социального явления. Здесь социальных норм производственной организации.

¹ См.: Алексеев А. Н., Климентов Г. А. Экономические аспекты участия трудящихся в управлении производством. - В сб.: Проблемы применения коллективных и коллегиальных форм управления на предприятиях (объединениях). Таллин, 1980, с. 122-127; Климентов Г. А. Преимущества бригады и условия их реализации. - В сб.: Опыт ленинградских предприятий по повышению эффективности использования основных производственных фондов. Л., 1981.

сколько-нибудь значимой трансформации этой структуры. Как отмечал Л.И.Брежнев на ноябрьском (1981 г.) Пленуме ЦК КПСС, "могут сказать, что многие из поставленных вопросов в той или иной степени находят своё отражение в известном постановлении о совершенствовании хозяйственного механизма. Так-то оно так. Но ведь прошло более двух лет, а постановление внедряется медленно, половинчато" ("Правда", 17 ноября 1981 г.).

Можно предположить, что это существенным образом связано с сохранением рутинной тарифно-нормировочной системы, отражавшей потребности начального этапа социалистического строительства, а ныне выступающей объективным тормозом в реализации социалистического принципа распределения по труду. Примечательно, что полный хозрасчёт, распределение заработка по коэффициентам трудового участия в бригадах, работающих на единый наряд с оплатой за конечный результат, и другие прогрессивные явления в системе распределительных отношений приходят с этой системой в значимое противоречие.

Пока ещё не включен социально-экономический механизм, обеспечивающий действительное совпадение личных и общественных интересов в процессе общественного производства. Современным потребностям поднятия массовой заинтересованности в эффективном и качественном труде, такого развития социальной и трудовой активности работников, которое обеспечивало бы интенсификацию производства, на наш взгляд, отвечает последовательное внедрение единой для всех трудящихся пропорции труда на себя и труда на общество в цене каждого продукта.

"Проблема в принципе может быть решена, если в составе цены каждого конкретного продукта производства будут учтены: а) норматив "труда на себя" (заработная плата и отчисления в общеколлективный фонд) и б) норматив "труда на общество" (всеобщие отчисления в бюджет). Эти два норматива должны находиться между собой в определённой, единой для всех производителей данного продукта планомерно установленной пропорции. Вместе с необходимыми нормативами в) амортизационных отчислений за использование основных фондов и г) затрат на полуфабрикаты, сырьё и другие ресурсы, это должно составлять действующую цену продукта, обеспечивающую полный хозрасчёт.

При этом условии у любого хозрасчётного коллектива, будь то бригада, цех, предприятие и фонд заработной платы, и отчисления в бюджет окажутся в прямой зависимости от реального трудового вклада. Чем выше этот вклад, тем выше размеры как отчислений в бюджет, так и фонда заработной платы. В таком случае получается, что выгодно трудовому коллективу, выгодно и обществу, и наоборот"¹.

Наш личный производственный опыт ещё раз приводит к выводу, что нормализация системы социальных норм производственной организации возможна только на базе более радикальных социально-хозяйственных перестроек, которые бы обеспечивали действительную заинтересованность трудящихся участвовать в управлении и совершенствовании производства. Вместе с тем трансформация, замещение ряда негативных социальных норм, укоренившихся в общественно-производственной практике, представляется делом недостижимым лишь за счёт предписаний "сверху", равно как и инициативы "снизу", а может произойти в итоге органичного соединения того и другого.

В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обоснования и индивидуального испытания научно-практического принципа "адаптационного нормотворчества" или социально-нормативных прецедентов. Этот принцип учитывает высокую социально-экономическую и социально-психологическую инерционность функционирования общественного, в частности, производственного организма и рассчитан на "подготовку почвы" для необходимых и, в известном смысле, неизбежных социальных преобразований. Названный принцип состоит в направленном, но не форсированном расшатывании "рутинного" блока социально-производственных норм-стереотипов в конкретной социальной ситуации и в создании накапливающихся предпосылок его обновления и замещения. Это может осуществляться за счёт ненавязчивого задания таких образцов индивидуального и коллективного поведения, которые отвечают массовым ценностным ориентациям, пусть пока вопреки господствующим нормам-стереотипам.

В научно-методическом плане предпринято обоснование и производится опробование методики наблюдающего участия, предполагающей, в отличие от сложившегося методического стереотипа, актив-

¹ См.: Алексеев А.П., Климентов Г.А. Указ. соч., с.123-124

ную позицию так называемого "включённого наблюдателя" в процессе научно-практического освоения, овладения социальной средой. В реализации этого метода исследование социальной реальности осуществляется не только в её "естественном виде", но и через анализ реакций среды и последствий целенаправленных, избирательно активных действий исследователя.

В концептуально-мировоззренческом плане предпринятый опыт даёт материал для обоснования выдвигаемого нами принципа единства Деятельности, Рефлексии и Игры, как эффективного способа реализации активной жизненной позиции личности в современных условиях. Полагаем также, что для исследования возможностей и путей такой реализации в конкретных социальных условиях уместно личностное социальное экспериментирование.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ В ВУЗЕ С УЧЁТОМ ФАКТОРА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Г.Е.Даркевич (Ленинград)

В условиях современного научно-технического прогресса профессиональное образование специалистов не заканчивается с окончанием высшего учебного заведения. Понятие "непрерывного" или "превентивного" образования предусматривает систему мер по повышению квалификации и переподготовке специалистов, рассчитанную на весь срок их трудовой деятельности. Если ещё десять лет тому назад в работах по высшей школе можно было прочесть, что вуз является завершающим этапом высшего образования, то теперь вузовское обучение рассматривается как этап, на котором студент получает специальное профессиональное образование и навыки совершенствования его в процессе последующей трудовой практики.

Современная высшая школа в комплексе с другими социальными институтами, включёнными в современный уровень требований в общий социокультурный процесс, выполняет двоякую задачу по подготовке кадров для народного хозяйства и по совершенствованию социальной структуры общества. При этом вуз не вычленяется из общей системы, поскольку профессиональное образование специалиста не контролируется знанием выпускника на государственных экзаменах.

В настоящее время принята трёхуровневая структура высшего образования, включающая фундаментальную (или общенаучную) подготовку, специализацию и послевузовскую обязательную стажировку молодых специалистов на предприятиях. Первые два уровня целиком находятся в рамках учебного процесса высшей школы, а третий выходит за её пределы на производство. Критерии эффективности вузовской подготовки находятся также за пределами самого вуза - в сфере производства.

Принцип системности в этом случае направлен на обеспечение рациональной последовательности и непрерывности этапов формирования профессиональных знаний, умений и навыков на основе наиболее общих требований к управлению процессом профессионального обучения.

Совершенствование управления подготовкой кадров специалистов в вузе происходит на основе анализа информации, полученной извне и непосредственно влияющей на организацию учебно-воспитательного процесса. Подобная информация накапливается, прежде всего, в ре-

зультате постоянно осуществляемого контроля за деятельностью выпускников вуза на предприятиях и в организациях по месту их распределения.

В процессе контроля, осуществляемого работниками вузов, возникает три основные проблемы: во-первых, разработка методических и организационных основ получения информации; во-вторых, использование результатов исследований в работе тех структурных подразделений, которые ответственны за работу с кадрами на предприятиях; в-третьих, использование полученных данных для совершенствования управления учебно-воспитательным процессом в вузе.

Названные проблемы одинаково важны для функционирования системы профессиональной подготовки специалистов в целом и разделение их возможно только с целью теоретического исследования. Элементом связи в системе является профессиональная подготовка (или профессиональное обучение). Она определяется как достижение в процессе обучения наиболее полного единства двух неотделимых частей модели специалиста: паспорта (включающего описание требований производства) и модели подготовки (учебные планы и программы, комплекс методических мероприятий и т.д.)

Подобно тому, как непрерывен процесс обучения, должна быть непрерывной и профессиональная подготовка специалистов, что означает постоянную реализацию конкретных функций управления на каждом уровне.

Главной функцией управления является планирование, охватывающее круг явлений, выходящий за рамки учебно-воспитательного процесса вуза: от формирования контингента до выпуска специалистов, а также вопросы материально-технической базы вузов, повышения квалификации кадров, распределения молодых специалистов и т.д.

Функция организации реализуется в работе оргструктур на всех уровнях.

Функция регулирования способствует претворению в жизнь планируемых методических и организационных мероприятий в соответствии с поставленными задачами.

Контроль и учет являются функциями, при помощи которых в систему обучения поступает информация об уровне знаний, умений, навыков обучающихся на каждом этапе и уровне обучения, а также о их профессиональной и социальной адаптации на производстве.

И, наконец, функция анализа: подведение итогов, выявление причин, приводящих к отклонению от намеченных целей.

Определение структуры конкретных функций в реализации целевой деятельности профессионального обучения на всех уровнях является важнейшей задачей исследований по проблемам высшей школы. Решение ее должно служить конечной цели управления — повышению эффективности и качества учебного процесса. В условиях непрерывного и эволюционного научно-технического прогресса практическое достижение целей, поставленных перед системой профессионального обучения специалистов, требует изучения и анализа функционирования высшей школы и производства с учётом всей поступающей информации, имеющей характер обратной связи по отношению к учебно-воспитательному процессу вуза.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ
И УПРАВЛЕНИЯ

редактор В.А.Малаховская

ИБ846 Подписано к печати 25.11.82г К 3 06034
Формат 60х84. Бумага типографская № 3.
П.л. 10.8, уч.-изд.9.1, усл.п.л. 10.
Тираж 500 Заказ 282 Цена 90 к.

Издательство ТГУ 634010, Томск, пр.Ленина, 36
Ротапринт ТГУ, 634029, Томск, ул.Никитина, "

7-470258

Цена 90 к.

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00422860